

Запах хлеба

Содержание

1. Первая специальность
2. До свидания, мама
3. Лия Звонарёва
4. Инженер
5. Осенний сон
6. На прорывах
7. Сын
8. ЧП
9. Семья
10. Чусовая
11. Кипренское
12. Зелёный цех
13. Пенсионер
14. Председатель колхоза
15. В Сосновке
16. ДТП
17. Прощай, утопия
18. Первое место
19. Тень прошлого
20. Большие перемены
21. Местный поэт
22. Мухтар
23. Запах хлеба

От автора

В повести «Запах хлеба» я попытался рассказать о жизни поколения, которое родилось в тридцатых годах прошлого столетия. В годы советской власти было издано немало хороших книг, но далеко не всё разрешалось тогда писать. Сейчас можно писать что угодно, и некоторые умудряются представить нашу нелегкую, а порой даже трагическую историю в виде развлекательных комиксов.

Мой герой – простой, порядочный, законопослушный человек. Не всё складно получается в его жизни, но он всегда верен своим принципам и из любой борьбы выходит с чувством собственного достоинства.

Евгений Старков

1. ПЕРВАЯ ПРОФЕССИЯ

Кончилась жестокая война. Такой всеобщей радости, такого ликования Валька Караваев ещё не наблюдал. Он, конечно, тоже радовался, но его огорчало то, что он не успел отомстить проклятым фашистам за погибшего на фронте отца. Страна медленно, но упорно залечивала свои раны. После семилетки Валька сразу решил пойти работать. Он пошёл в райком комсомола и попросился на великие стройки коммунизма, но ему отказали, объяснив, что туда требуются только специалисты.

Сосед дядя Володя удивил Вальку, рассказав, что на всех великих стройках работают, в основном, заключённые. Он же помог Вальке устроиться на завод учеником термиста.

В механических цехах было очень шумно. Большие и маленькие станки жужжали и визжали на разные голоса. На термическом участке, где ему предстояло работать, было относительно тихо, только иногда скрипел мостовой кран да шипел пескоструйный аппарат.

Обучать новичка поручили опытному термисту с седеющими усами Вениамину Степановичу Заколоткину. Вальке поначалу он показался совсем старым и очень строгим. Загрузив в печь какие-то детали, Заколоткин взял Вальку за локоть и повёл знакомить с участком.

- Это соляная ванна для нагрева мелких деталей, - пояснил он, показывая на круглое сооружение, внутри которого пылал жаром раскалённый соляной раствор. – Это печь для отпуска, а здесь нагреваются крупные детали. В этой большой печи отжигаем поковки и литье, а в этой сейчас происходит цементация деталей.

- Они что, в цементе варятся? - заинтересовался Валька.

Вениамин Степанович засмеялся, погладил свои усы и стал подробно рассказывать о процессе цементирования.

На участке все друг к другу обращались по имени, а наставника Вальки называли уважительно - Степаныч. Степаныч лучше всех разбирался в термообработке. Кроме этого, он мог по искре определить марку любой стали и, конечно, хорошо знал, как она ведёт себя при закалке.

Через несколько дней Вальке уже поручали калить некрупные детали. Шустрый парнишка, пританцовывая, подбегал к соляной ванне, вынимал оттуда нагретую до нужной температуры деталь и срочно погружал ее в воду или масло, как подсказывал ему наставник.

- Так, так, - улыбаясь, одобрял Степаныч, и уже строго добавлял: – Ты, братец, сюда не на танцы пришёл. В нашем деле опора нужна надёжная, ведь детали бывают тяжёлые. Не дай Бог поскользнёшься...

С каждым днём Валька узнавал что-то новое. Коротко конспектировал в тетрадку. Туда же записывал острые словечки и пословицы, услышанные от наставника.

В конце лета стали посылать в колхоз на уборку урожая. С термического участка отправили, конечно, Вальку, как самого молодого.

В колхозе он впервые увидел каравай крестьянского хлеба. Конечно, они были намного вкуснее городских буханок.

- Так вот в честь какого каравая дана мне фамилия, – загордился Валька.

Ещё он узнал много нового. Кроме уборки картофеля, ему довелось поработать на току и на сушилке. Попробовал сам управлять лошадьёю. Парни, с которыми он жил, были старше его и возили на лошади тяжёлые мешки с зерном. Как-то перед ужином они предложили ему выпить водку. Валька, до этого наблюдавший действие алкоголя только со стороны, отказался, но ребята стали над ним смеяться и он сдался. За ужином люди, улыбаясь, обращали на него внимание. Стеснительный от природы, Валька поспешил удалиться от этих взглядов. В каком-то странном состоянии он

пошёл на пруд. Уставшее за день солнце с трудом пробивалось сквозь холодные свинцовые облака, словно в зеркале отражаясь в широкой глади пруда.

Противоположный берег притягивал таинственными зарослями камыша. На берегу у мосточка была привязана лодка. В ней сидели трое ребятшек. Один из них ловко помахивал удочкой.

- Ну как, клюёт? – спросил Валька, подходя к лодке.

- Вот, наловили, - ответил один из пацанов и показал маленькое ведёрко, в котором шевелились довольно крупные сорожки. – Сейчас маме понесём.

Рыболов выдернул очередную рыбку и стал сматывать удочку.

- А чья эта лодка? – спросил Валька.

- Наша! – хором ответили ребята.

- А можно на ней покататься? Я с завода, работаю в вашем колхозе.

- Конечно можно, - ответил рыболов, - только лодку потом хорошо привяжи и вёсла вон к той бане поставь.

Не успел Валька отплыть от берега, как с обрыва закричали угощавшие его водкой парни:

- Валет! Ты куда? Пошли в Воскресенское, там магазин есть. Ещё водку купим.

- Нет, я на лодке покатаюсь.

- Ты что, маленький, что ли? Давай пошли! – кричали с обрыва.

- Я не хочу, – неуверенно ответил Валька.

- Ты что, дурак? Потом на танцы в клуб пойдём или к девкам в общагу! – кричал с берега самый заводной из парней.

- Я не пойду! – резко крикнул Валька и с силой принялся гребсти от берега.

Парни, что-то покричав ещё, скоро ушли. Лодка сначала плохо слушалась, виляла то вправо, то влево, но скоро Валька освоил технику гребли и повёл своё судно к таинственным камышам. Не успел он заплыть в заросли, как оттуда с шумом вылетело несколько крупных птиц.

- Да ведь это утки! Настоящие дикие утки! – обрадовался Валька. - Как хорошо, что не пошёл с парнями.

Ему захотелось увидеть уток, плавающих на воде, с близкого расстояния. Он перебрался на корму и стал гребсти одним веслом осторожно, стараясь не шуметь. Впервые в жизни он ощущал себя исследователем природы. Вытянув шею, он внимательно смотрел вперед и по сторонам, но уток не было. Когда исследователь уже выбрался из зарослей, над ним с криканьем пролетели две утки и шлёпнулись на середине пруда. Валька хотел приблизиться к птицам, но им это не понравилось и они улетели. Солнце спряталось за лес и быстро стало темнеть.

Валька уже засыпал на полу пустующей избы, укрывшись дурно пахнущим тулупом, когда парни вернулись из Воскресенского. Они были сильно пьяны, шумно ругались и называли Вальку предателем. Валька притворился спящим и скоро уснул.

Утром он увидел, как были «расписаны» физиономии его старших товарищей. Одного «украшал» фингал под глазом, а у другого была рассечена губа. Они опять упрекали Вальку. Вскоре он узнал, что парни в селе выпили ещё бутылку водки и пошли в клуб. Там стали приставать к местным девчонкам. Их пытались урезонить, но городские парни возомнили себя героями. Тогда их вызвали на улицу и преподали урок.

- А сколько их было? – спросил Валька.

- Да человек пять, а может и больше, - поведали парни.

- Значит, вы считаете, что втроем мы бы справились с пятёркой деревенских? - спросил Валька.

- Трое - не двое, - послышалось в ответ.

- Скорей всего, они бы и третьего «разрисовали», - подвёл итог Валька и, помолчав, добавил: - А я диких уток видел.

Как только Валька вернулся на завод, Степаныч усадил его рядом и спросил:

- Ты учиться думаешь?

- На термиста? Конечно, – ответил Валька.

- Термистом я тебя всё равно сделаю. Я про школу говорю.

- Так школу я ведь окончил.

- Сейчас семилетка - всё равно что когда-то мои четыре класса. Завтра же бери свои документы и дуй в ШРМ, – строго сказал Степаныч.

- Куда? Куда? – не понял Валька.

- В школу рабочей молодёжи, – разъяснил наставник и добавил: - До армии ты закончишь десять классов, оглядишься, выберешь, что тебе больше по душе и после службы пойдёшь учиться в институт. Образование - это, братец, надёжная опора в нашей жизни.

После обеда Караваева пригласили к кассиру. Оказывается, пока он работал в колхозе, в цехе давали зарплату.

- Ну вот, сегодня будем обмывать первую получку, – сказал один из термистов.

Валька растерялся, решив, что на заводе такой обычай.

- Да не слушай ты его, – вмешался Степаныч. - Лучше матери подарок купи.

Валька знал, что самым приятным подарком для матери будет его первая зарплата, но решил купить к чаю торт. Это сладкое кушанье Валька пробовал всего лишь один раз. Как-то подруга его матери пришла к ним встречать Новый год и принесла с собой загадочную коробку и бутылку вина со странным названием «Спотыкач». Мать приготовила разные салаты, колбасу, сыр. В двенадцать часов женщины налили себе вина, а Вальке лимонад. Выпили, спели про ёлочку. После второй две вдовы затянули «На позицию девушка провожала бойца...». Валька тоже пел. Когда песня кончилась, женщины обнялись и долго ревели. Валька не знал, что делать и пошёл на кухню кипятить чай. К чаю открыли коробку, в которой оказался очень красивый торт. И розочки, которые выглядели как живые, и весь торт оказались невероятно вкусными. Валька решил, что мать очень обрадуется, если он с первой получки купит такой же красивый и сладкий торт. Он прошёл несколько магазинов, но тортов нигде не было.

На витрине было много разных конфет, но Валька в них совсем не разбирался. Обычно мать покупала только сахарный песок. Ему понравились названия «Ромашка» и «Василёк». Взяв по триста граммов тех и других конфет, он с пакетом из обёрточной бумаги важно зашагал домой. Матери дома не оказалось. В своих бумагах он нашёл лист кальки, завернул в него деньги и розовой тесёмкой привязал их к кульку с конфетами, соорудив при этом маленький бантик.

Вскоре пришла мать. Валька как школьник встал перед ней и продекламировал:

- Дорогая мамочка, у тебя сегодня праздник – твой сын получил первую зарплату.

В честь этого события прими этот маленький подарок.

С этими словами он достал из-за спины кулёк и протянул матери. Растроганная женщина крепко обняла худенькую фигурку сына. Потом заметила пакетик из кальки.

- Это, купи что-нибудь себе из одежды, - пояснил Валька.

- Дорогой ты мой работник, у меня всё есть. Давай-ка лучше начнём копить тебе на костюм, – предложила мать. - Ты молодой, симпатичный, а выходного костюма у тебя нет. Мне же пока ничего не надо.

- Ну вот, надо было мне самому что-нибудь купить, – огорчился Валька.

- Хорошо, что не купил, – успокоила мать. - Перекуси пока, я вкусную «Докторскую» колбаску взяла. Чуть позднее будет жареная треска. Я словно знала, что у нас сегодня праздник.

Скоро на керогазе зашкворчала рыба, и по всей общей кухне распространился приятный аппетитный запах. Когда после трески пили чай, мать спросила:

- Где это ты такие красивые конфеты нашёл?

С началом сентября Валька снова стал школьником, только теперь ходил он не в обычную, а в школу рабочей молодёжи. Вечером после занятий допоздна сидел за уроками... Скоро он узнал, что такое «не высыпаться». После завода на уроках часто хотелось спать. Математичка Лариса Ивановна, видя, как её взрослые ученики мучаются, пыталась растормошить их какой-нибудь шуткой. У географички был другой способ. Она ходила по рядам и ловко слегка ударяла указкой по затылку или прямо по ключущему носу дремавших. После этого сон как рукой снимало.

Мать просила Вальку перед школой заходить в закусную, но ему не хотелось терять время, и он спешил в школу, чтоб до уроков полистать учебники. По пути был магазин с отделом, где продавали бутерброды и соки. К сожалению, бутерброды чаще всего были только с икрой.

- Почему с колбасой или котлетами нет? – возмущался Валька. – Какой толк от этих красных шариков на почти засохшем хлебе?

- Колбаса и котлеты быстро портятся, а солёной икре ничего не делается, - объясняла продавщица.

Постепенно Валька втянулся и, уже работая самостоятельно, находил свободные минуты, чтоб решить пример или прочитать страницу-другую в учебнике.

Каждое утро по радио после последних известий звучали песни о Родине и о Сталине.

- Музыка бодрящая, но как-то уж очень однообразно, - считал Валька.

И вдруг шестого марта даже последние известия не передали. Пока Валька собирался на работу, по радио передавали приятную, но необычно печальную музыку. Поздней Валька узнал, что это звучали «Грёзы» Шумана. Только на заводе стало ясно, что умер товарищ Сталин.

- Как это наши учёные не уберегли такого великого человека?! – возмущался Валька.

На траурном митинге многие плакали.

2. ДО СВИДАНИЯ, МАМА

Быстро пролетели три года. Валька получил аттестат зрелости и сдал вступительные экзамены в вечерний институт. Он выбрал интересный факультет «Автоматики», но в табельной ему вручили повестку в военкомат. Валька к этому был готов, а мать заплакала.

- Ты что, мам? Сейчас ведь не война, – успокаивал сын. – Ничего со мной не случится. Отслужу три года и вернусь.

На перроне пели популярную в то время песню:

« До свиданья, мама, не горюй,
На прощанье сына поцелуй...»

К месту службы ехали целую неделю в товарном вагоне. Вместе с Валькой оказался его одноклассник Костя Чудинов. В школе они не дружили, но вдали от дома старались держаться рядом. Когда надели обмундирование, все стали одинаковыми и первое время с трудом узнавали друг друга.

Половина офицеров части были фронтовиками. Много рассказывали о войне и постоянно твердили: «Сам погибай, а товарища выручай». Среди сержантов и рядового состава никакой дедовщины не было, кроме безобидных розыгрышей.

В трудные моменты, во время прохождения курса молодого бойца, Валька вспоминал, как, играя с ребятами в войну, он старался быть первым и самым ловким, и ему становилось легче. После учебки их направили в автошколу. Большинство ребят было из деревни с четырьмя-шестью классами образования. Обучение автоделу им давалось нелегко, зато Валька проштудировал учебник шофёра третьего класса за две недели. Сложней было на практических занятиях. Упрямый «Газон» при трогании с места то глох, то дёргался и ревел как озверелый. Валька поставил перед собой задачу: во что бы то ни стало натренировать свои ноги. Где бы он ни сидел, постоянно двигал ступнями, наговаривая про себя: «Правой плавно нажимаю газ, одновременно левой так же плавно отпускаю сцепление».

У Кости езда получалась намного лучше потому, что он на гражданке пробовал кататься на мотоцикле. Но вот и Валька освоил плавное трогание с места и скоро на автодроме свободно выписывал восьмёрку и лист клевера.

На уроке о мерительных инструментах командир роты, возможно первый раз взявший в руки микрометр, заявил:

- Этим мерительным инструментом можно измерить деталь с точностью до одного микрона.

- До одной сотой, - громко поправил Валька, - а микрон - это тысячная доля миллиметра.

Капитан посмотрел на Вальку, покашляв, внимательно рассмотрел инструмент.

- Ты прав, Карavaев. До одной сотой, - согласился он и стал показывать, как пользоваться микрометром, но вдруг нахмурился.

- Что за чертовщина? – начал ругаться он. – Какой-то испорченный микрометр дали. Ноль не совпадает.

- Дайте я настрою, - попросил Валька. – Дайте, дайте, не бойтесь. Это просто.

Командир недоверчиво протянул солдату инструмент. Валька ловким движением что-то открутил, чем-то щёлкнул, потом снова закрутил, и риска стала строго напротив нуля.

- Ну, молодец! – похвалил капитан. - Где это ты так научился?

- Так я до службы три года на заводе работал, - объяснил Валька.

Был в части хороший клуб с богатой библиотекой. Солдат Карavaев частенько забегал туда. Читая книги про войну, он пытался представить, как воевал его отец. Особенно захватили его книги Антонида Коптяевой.

Один раз его послали в библиотеку совсем с другой целью. Надо было помочь библиотекарю сжигать изъятые книги. По специальному списку были отобраны десятки произведений. Все книги, в которых упоминалось имя Лаврентия Берии, подлежали уничтожению. Валька хотел оставить себе интересную книгу Вирты «Вечерний звон», но библиотекарь закричал, махая руками:

– Ты что?! Нельзя! Там же про Берию написано.

Книги оказались очень тяжёлыми, наполненные ими мешки они еле дотащили до кочегарки. Валентин ещё был дома, когда арестовали Берию. Прошёл уже год, а он никак не мог понять, как это в Кремле в самом Правительстве появляются какие-то

иностранные шпионы. Ещё большее потрясение пережил Валентин уже на третьем году службы, когда им читали доклад Хрущёва на XX съезде КПСС. Об отце народов любимом товарище Сталине он услышал такое, что, казалось, кровь застывала в жилах.

После автошколы Костю отправили водителем в другую часть, а Вальке присвоили звание ефрейтора и назначили командиром отделения у вновь прибывших курсантов.

Кроме тёплых писем матери он стал ещё писать Косте. Другие ребята переписывались с девушками и очень переживали, когда долго не было писем. У Вальки девушки не было. Однажды он пригласил в кино одноклассницу, сидящую рядом с ним за партой в вечерней школе, но она не пришла в кинотеатр, хотя и обещала. После этого случая Валька не пытался заводить какие-то романы.

Службу закончил он в звании старшего сержанта на должности помкомвзвода.

Домой Валентин вернулся возмужавшим. Его гражданская одежда стала ему мала, и он первое время ходил в солдатской форме. Мать просила хоть с месяц отдохнуть, но он сразу пошёл восстанавливаться на завод и в институт.

3. ЛИЯ

Из всех окон разносились знаменитые «Ландыши» в исполнении Гелены Великановой, а у Валентина снова потекли напряжённые дни. Работа на горячем участке, занятия в институте и подготовка к занятиям. В воскресенье он ходил с матерью на базар. Мать покупала картофель, овощи, мясо, а он относил домой. Иногда воскресными вечерами с Костей, который после службы стал работать шофёром, ходили в кино.

Из-за учёбы Валентин мало участвовал в общественной жизни цеха. Конечно, старался не пропускать комсомольские собрания и летом ходил на субботники. Несколько раз его посылали на уборку картофеля, но только до сентября.

По цеху часто бегала шустрая девушка Лия Звонарёва из БТиЗ и предлагала билеты то в кино, то в театр. Вечно занятый Караваев обычно отмахивался от неё, но один раз, находясь в хорошем настроении, решил побалагурить с ней. Когда она предложила ему купить билеты на концерт московских артистов для себя и для девушки, он ответил:

- Куплю, если ты пойдёшь со мной.

К удивлению Валентина Лия согласилась.

Первый раз он ухаживал за девушкой. Во время антракта угощал мороженым.

Через неделю история повторилась. Валентин с Лией ходили в оперный театр.

Скоро в цехе стали поговаривать, что нормировщица Лия рассчитывает окрутить Вальку Караваева. Дело было в том, что Лия была замужем и уже ждала ребёнка, но мужу ребёнок был не нужен. Лия сделала аборт, но от мужа ушла.

Сердобольные тётки пытались как-то повлиять на Валентина, но он отшучивался и продолжал воскресные вечера проводить с Лией. Иногда они просто гуляли по городу и вели беседы на самые разные темы.

Однообразная жизнь Караваева приобрела красочные оттенки.

Как-то сильный мороз вынудил их зайти домой к Лии, которая жила у тётки.

- По такому случаю надо было вина купить, - сказала тётка.

- А мы не пьющие, - ответила Лия.

- Неужели? – засомневалась хозяйка квартиры и добавила: - Тогда пойду хоть чай приготовлю.

- От чая не откажусь, - вставил Валентин, преодолевая стеснительность.

За свою жизнь он первый раз был в гостях, да не у кого-нибудь, а у девушки, которая ему нравится. В комнате было тепло и уютно, но разговор как-то не клеился.

- Что вы как воды в рот набрали? – вмешалась тётка. – Пойди, приготовь печенье да варенье, а я сама займусь молодым человеком.

Тётка, как следователь, принялась допрашивать гостя. Валентин сначала растерялся, но скоро освоился и стал отшучиваться или явно врать. Лия, накрывавшая на стол, буквально умирала со смеху. Она ведь про Караваева знала уже почти всё.

- Ладно, хватит трёкать, - сказала она, наливая чай.

- Я всё поняла, – серьёзно сказала тётя и сделала вывод: - С этим парнем не соскучишься.

Степаныч не вмешивался в бабские разговоры, но когда порывистая Лия забегала в термичку, улыбался и закручивал свои поседевшие усы и любовался ей. Один раз он разогнал женщин, которые что-то напевали Валентину про Лию, усадил его рядом и, помолчав, сказал:

- Не слушай ты их. Если Лия тебе нравится, никого не слушай. А девка она славная, расторопная. В отделе её ценят. Да, была она замужем. Кто в молодости не ошибается? Ты, главное, встречайся с ней при самых разных обстоятельствах. Так сказать, проверяй. Жизнь, она ведь состоит из обстоятельств. Они бывают лёгкие, приятные и трудные, суровые. Некоторые люди при одних обстоятельствах кажутся идеальными, а при других показывают своё гнилое нутро. Главное, не спеши, наживёшься ещё женатым-то. Я же думаю, что Лия будет тебе надёжной опорой.

После весенней сессии Валентин познакомил Лию с матерью. Скоро они нашли общий язык.

Из кино и книг Валентин знал, что люди от любви буквально сходят с ума. За собой такого явления он как-то не замечал. Ему просто было приятно общаться с симпатичной девушкой, а мама встречала Лию, как родную и даже скучала без неё.

- Когда же вы перестанете мотаться и будете жить одной семьёй? – спрашивала она.

Возможно, это и послужило толчком, и в конце лета Лия и Валентин расписались. Чтобы отметить это событие, пригласили самых близких: мамину подругу, тётю Лию, Костю Чудинова. Из заводских был только Степаныч.

Пришло время Валентину Караваеву расставаться с комсомолом.

- Ты почему в партию не вступаешь? – строго спросил Степаныч.

- Туда же не всех принимают, - ответил растерявшийся Валентин.

- Правильно. Вот будешь ты инженером, и вступить в партию будет намного сложнее.

- Это почему?

- Да потому, что у нас партия рабочих и крестьян.

- А зачем вообще вступать в партию?

- Ты что, не думаешь стать руководителем?

- Я учусь для этого.

- Одних знаний будет не достаточно. Вон, главного инженера, прежде чем утвердить на должность, заставили вступить в партию. Это ведь очень некрасиво вступать ради карьеры.

- Ты сам-то зачем вступил?

- Я - совсем другое дело, – ответил Степаныч и, помолчав, добавил: - Политрук перед боем убедил нас написать заявления. Из десяти только двое уцелели. Это у меня как память о тех ребятах, которые полегли там.

- Не жалеешь, что вступил?

- Нисколько. Чем больше порядочных людей будет в партии, тем лучше для всех. Так что давай пиши заявление, я первый дам тебе рекомендацию.

Год Валентин Михайлович Караваев проходил кандидатом. На собраниях кроме одобрения постановлений партии и Правительства нередко поднимали производственные вопросы, ведь почти все руководители цеха были членами партии. Обычно Валентин садился поближе к молодым коммунистам, которых было человек пять. Иногда они перешептывались по поводу обсуждаемого вопроса и высказывали свою нетрадиционную точку зрения.

4. ИНЖЕНЕР

Уже полноправным членом КПСС Валентин защищал дипломный проект. Парторг и начальник цеха лично поздравили его с этим событием. К поздравлению начальник цеха добавил, что это и для цеха большое событие, но прошёл месяц, а Караваев по-прежнему работал рядовым термистом. Валентин обошёл все конструкторские отделы, даже побывал в цехе, где работают автоматы, но подходящей вакансии не нашёл. Костя Чудинов посоветовал ему встретиться с одноклассником Володей Потехиным, который только закончил техникум, а работал на новом заводе начальником цеха.

Потехин обрадовался встрече с одноклассником, ведь когда-то они сидели за одной партией. Он пригласил Валентина на завод, показал свой цех. Площадь цеха была чуть больше термического участка, где работал Валентин. В инструментально-конструкторском бюро нужны были конструкторы, но оклад предлагали всего лишь сто десять рублей.

- Пойдём в ОМА, ты же на автоматика учился, - сказал Потехин и повёл Валентина в отдельно стоящий небольшой корпус. В отделе механизации и автоматизации с окладом тоже не разбежались, но работа для Валентина там была интересней.

Не так-то просто оказалось получить расчёт на прежнем месте работы. Даже собрали специальное партбюро, на котором обвиняли Караваева в предательстве интересов цеха и завода. Спас его Вениамин Степанович, который был членом бюро.

- Мне кажется, что мы слишком узко смотрим на возникший вопрос, - сказал он и, сделав паузу, продолжил: - Страна получила молодого специалиста в слабо развитой у нас отрасли – автоматике, а мы хотим запретить ему применить свои знания.

По залу пошёл шумок.

- Разве я не прав? – спросил он и сам же ответил: - Абсолютно прав. При всём желании в своём цехе мы не можем предложить ему по его специальности никакой должности. Если вы болеете не только за цех, но и за завод, то уже давно должны были хотя бы обзвонить все КБ и другие подразделения, связанные с автоматикой, и предложить им ответственного специалиста. Караваев сделал это самостоятельно и везде получил отказ. Так имеем ли мы право запретить ему применить свои знания и силы на благо нашей Родины на другом заводе? Подумайте над этим, товарищи коммунисты.

Собрав все подписи в обходном листе, Валентин последний раз зашёл на термический участок, со всеми попрощался, попросил, чтоб не помнили зла. Долго трёс руку Степанычу. Всё хотел сказать самые главные слова, но не находил их. Потом крепко обнял и чуть дрожащим голосом произнёс:

- Тебя, Степаныч, я буду помнить всю жизнь. Ты мне был вместо отца.

- Всё хорошо, – смущаясь, ответил старый рабочий. – Ты, главное, нашу науку о термообработке не забывай. Она тебе ещё не раз пригодится. Пусть твоя первая профессия будет тебе как фундамент, надёжной опорой.

Лия долго чистила и утюжила не новый, но ещё вполне приличный тёмно-синий костюм. Потом подобрала светло-голубую рубашку и галстук в крапинку, почти как у Ленина. От галстука Караваев отнекивался, но Лия настояла:

- Ты сейчас у нас не кто-нибудь, а инженер-конструктор Валентин Михайлович, следовательно, и одеваться должен соответственно.

Начальник ОМА Терещенко Нил Григорьевич представил нового сотрудника коллективу и показал рабочее место.

– Сейчас для начала тебе дадим какую-нибудь несложную работу, – сказал он.

- Может, дать забракованное устройство, а то у меня не скоро до него руки дойдут, – предложил сидевший рядом уже немолодой конструктор.

Терещенко одобрил предложение Николая Ивановича, так звали конструктора, и велел ему ввести в курс дела нового инженера.

- Был у нас молодой специалист: амбиций много, а толку мало, – начал рассказывать Николай Иванович. – Что ни делал – всё дрянь. Хорошо, что ушёл. Захотел на прямом производстве начальником цеха работать. Сейчас в мастерах ходит. Если у нас такие начальники цехов будут, то завод можно будет закрывать. Вот чертежи, а это само устройство.

Он вытащил откуда-то небольшой механизм и положил на стол.

- Идея неплохая, но что-то не доработано, – продолжал Николай Иванович. – Через месяц заклинило. Вот это должно легко вращаться, а тут всё скрипит.

Валентин снял пиджак, закатал рукава и принялся разбирать механизм. Потом он попросил напильник и стал им пробовать детали.

- Всё понятно. Тут все детали сырые, – заключил Валентин. – Сейчас проверю чертежи.

Скоро все чертежи были просмотрены. На некоторых Валентин поменял материал и указал твёрдость, до которой необходимо закалить детали. Николай Иванович подсказал, как провести коррекцию в документах.

Начальнику понравилась сообразительность новичка, и на следующий день он выдал Караваеву более сложное задание.

- Если что-нибудь будет не понятно, обращайтесь к Николаю Ивановичу, – предупредил Терещенко. – Он у нас ас.

Самые оригинальные автоматы придумывал самоучка Николай Иванович Кузнецов. Он окончил всего лишь семь классов, но всю жизнь что-нибудь мастерил. Хорошо разбирался в электротехнике, ремонтировал кинокамеры, телевизоры, фотоаппараты. В своих автоматах применял фотоэлементы. На его счету было много рационализаторских предложений и несколько изобретений. Из-за своего образования не раз он попадал под сокращение, но каждый раз восстанавливался по распоряжению главного инженера.

Скоро Валентину поручили спроектировать простенький автомат, хотя другие уже опытные работники чертили подъёмные устройства, шкафы, верстаки.

Через год его автоматы были не хуже кузнецовских. Про него даже напечатали в заводской многотиражке.

Дома Валентин просматривал разные научные и технические журналы, а Лия где-то доставала журналы с публикациями Солженицина, Бондарева, Горбатова и читала вслух. Отец Лии погиб в лагере, и некоторые моменты она не могла читать без слёз. Валентина напрямую репрессии не коснулись, и он открывал для себя много нового, даже страшного. Приносила Лия и стихи Евтушенко, Вознесенского и ещё каких-то

молодых поэтов, но Валентину новомодные стихи были малопонятны. Ему больше нравились Пушкин, Лермонтов, Никитин.

Быстро летело время. Иногда и Валентину приходилось заниматься верстаками да шкафами, а осенью его каждый год, как бездетного, посылали в колхоз. Сначала было даже интересно посмотреть новые места, но потом стало надоедать. Почти у всех сотрудников ОМА были дети. Валентин тоже часто засматривался на малышей, но почему-то Лия никак не могла подарить ему наследника или наследницу. Она даже ездила лечиться на курорт, но, увы.

В селе Кипренском заводские посланцы почти не встречали рядовых колхозников. Они видели только председателя, парторга, главного агронома, главного механика, главного энергетика да заведующую складом. Ещё в поле работали комбайнёры. Один раз на сортировке появилась бабка, от которой разлило как от пивной бочки, но после обеда она не появилась. Работа на сортировке была очень пыльной, а на сушилке малопродуктивной.

Последний раз Валентин не выдержал, пошёл к председателю колхоза и поднял вопрос о механизации труда на сортировке и сушилке. Председатель колхоза ответил, что у них нет такой техники или она сломана.

- Давайте мы сделаем необходимые транспортёры и будем меньше посылать к вам людей, ведь у нас на заводе своей работы хватает, – предложил Валентин.

Председатель принял эту идею без энтузиазма, но Караваев настаивал и пообещал после согласования на заводе позвонить.

Этот вопрос обсуждали и в ОМА, и в парткоме, наконец, одобрили и уже поздней осенью Караваева послали в колхоз, чтоб составить техническое задание.

5. ОСЕННИЙ СОН

Кажется, совсем недавно Караваев ехал в автобусе из колхоза и любовался левитановскими пейзажами. А в этот раз за окнами был какой-то мрак. Валентин перчаткой протёр запотевшее окно, но стекло было забрызгано снаружи, и видимость не улучшилась. Пошёл снег крупный, пушистый. Дворники на лобовом стекле еле справлялись с липким снегом. Снег сменился морозящим дождём. Когда Валентин вышел на конечной остановке, уже начало темнеть. До Кипренского по просёлку надо было идти около часа, но снег так замаскировал разъезженную дорогу, что в сумерках идти по ней было не так-то просто. Как назло усилился дождь. Осторожно, стараясь не попасть в глубокие колеи, короткими перебежками от дерева к дереву Валентин приближался к намеченной цели. Но вот дождь усилился, а до мерцающих деревенских огоньков было ещё около километра. Добежав до сельской улицы, Валентин решил попроситься в первый попавшийся дом, в окнах которого горел свет. Толкнув покосившиеся ворота, он взбежал на крыльцо с навесом. Стряхнув шляпу и промокший плащ, обтёр сапоги лежащей на ступеньках мокрой тряпкой. Дверь в сени оказалась не закрытой. Шагнув в темноту, он с трудом нащупал следующую дверь.

- Мир дому сему! – сказал он, входя в избу.

В ярко освещённой комнате за столом с охалками искусственных цветов сидела слегка испуганная блондинка. Из-за зелёного свитера она сама походила на цветок. На полу у стенки стояло несколько венков.

- Извините. У вас похороны? Меня дождь загнал, – начал оправдываться Валентин.

- Нет, нет. Это моя работа. Не пугайтесь, – ответила блондинка, сменив испуг на приятную улыбку.

- Я с завода к председателю колхоза, – доложил Карavaев. - Можно у вас переждать ошалевший дождь?

- Конечно, можно. Присаживайтесь на табуретку.

Валентин так и не научился свободно общаться с женщинами, а необыкновенная красота хозяйки буквально парализовала его. Чтоб как-то сгладить неловкость, Валентин стал рассказывать о цели своего приезда. Хозяйка, не поднимаясь с места, иногда вступала в разговор и ловко мастерила цветы.

Просидев с полчаса, Карavaев собрался уходить.

- Куда же вы в такой дождь? – остановила его блондинка. – Снимайте плащ, сапоги и проходите на кухню, там на плите чайник и пирожки с капустой.

- Да у меня есть бутерброд, – ответил обрадованный Валентин.

Ему показалось странным, что симпатичная женщина не встаёт с места.

- Смелей! Смелей! Я сейчас приду, – подбодрила его хозяйка.

Пройдя на кухню, Валентин развернул свои бутерброды и стал медленно жевать. В комнате что-то шуршало и скрипело. Наконец, в проёме показалась хозяйка. Она была в длинном тёмно-голубом платье и слегка придерживалась за заборку.

- Что же это вы всухомятку жуёте свою городскую пищу? Вот отведайте наших пирожков, – предложила она. – Хотите с молоком? У меня немного есть.

- Да вы не беспокойтесь, - перебил Валентин.

- Вот, ешьте, - настаивала хозяйка, наливая молоко в стакан, – не часто ведь ко мне гости-то заходят, хотя алкаши каждый день насылаются.

- Давайте познакомимся,- наконец предложил Карavaев, - я Валентин. И, помолчав для важности, добавил: - Михайлович, инженер-конструктор.

- А меня Шурой зовут, - ответила блондинка, мило улыбнувшись. Потом вдруг погрустнела и добавила: - В деревне Шурой-инвалидкой называют.

Валентин с удивлением посмотрел на симпатичную хозяйку.

- Была когда-то самой резвой девчонкой в деревне, - продолжала Шура, - танцевать, плясать любила. Ужас! Очень хотела учиться, да после семилетки уговорили в сельсовете секретарём поработать. Там и застряла. Была у нас с одним парнем большая любовь, но дальше поцелуев не заходило. Перед его уходом в армию из-за пустяка поссорились. Мне бы дуре узнать адрес да написать ему, но куда там, гордость не позволяла. Через год к подруге в гости двоюродный брат приехал. Городской, в шляпе, при галстукe, словом, пижон. Стал ухаживать за мной, обещал выучить. Через три месяца мы поженились, и я стала городской. Работала в небольшой конторе секретарём и училась в вечерней школе.

Всё было хорошо. Уже ждали ребёночка, но вдруг моего благоверного словно подменили: стал часто выпивать и поздно приходить домой. Один раз мне сказали, что он сильно пьяный ошивается около магазина. Я нашла его и повела домой. Мы жили за железной дорогой, и тропинка вела через пути. Дело было зимой, у полотна были сугробы. Муж мой упал и не хотел вставать. Приближался поезд. Я с трудом оттащила его, но сама поскользнулась и угодила под колёса. В результате лишилась обеих ног и ребёночка. Я лежала в больнице, а он уже жил с другой. Вместо помощи маме сама села ей на шею. От переживаний у неё не выдержало сердце, и вот теперь я одна. Спасибо тимуровке Тане, помогает мне, а я её по математике и русскому из отстающих в передовые вытаскиваю.

Что-то я разболталась. Уж не помню, кому последний раз о своей жизни рассказывала. Чем-то вы меня подкупили. Чаю налить? – спросила она и потянулась за чайником.

И пирожки с молоком, и чай со смородиновым вареньем были очень вкусными, а разговорившаяся пышногрудая блондинка придавала застолью особый необыкновенный уютный колорит. Валентин постепенно замечал, что, несмотря на

грустное содержание, ему было приятно слушать сам голос этой чертовски симпатичной женщины.

Поблагодарив за вкусный ужин, Валентин поднялся с табурета. Шура, придерживаясь за печку, неловко зашагала в комнату.

- Это подруга мне работу привозит, - пояснила Шура, показывая на грудку цветов и венков. - За брата, видимо, себя виноватой считает. Потихоньку работаю и слушаю радио, правда, что-то уже неделю молчит. Говорят, где-то провода оборвались. Есть мамина радиолка, но тоже давно не работает. Когда маме за хорошую работу вручили, у нас под окном летом почти каждый вечер были танцы.

Валентин снял с радиолы вышитую салфетку. Это оказался «Урал- 49».

- О! Знакомый агрегат, у нас такой же был, - обрадовался Валентин и ловко развернул радиолу задом наперёд.

- Ну конечно, сгорел предохранитель, - заключил он. - А запасного нет?

В коробочке с иглками оказались два предохранителя. Прежде чем включить радиолу, мастер попытался повернуть диск проигрывателя. Раздался неприятный скрип.

- Да у вас диск заело, поэтому и предохранитель сгорел, - пояснил Валентин. - У вас есть керосин, бензин или растворитель?

Шура отрицательно помотала головой.

- Ладно, придётся завтра ещё к вам зайти. В мастерской попрошу бензин и смазку, а сейчас проверим приёмник, - сказал Валентин и щёлкнул выключателем.

Из динамика послышался шорох, потом треск и вот приятный голос запел: «Главное, ребята, сердцем не стареть...».

- Кобзон, - угадала Шура.

- Я его во Дворце слушал, - вставил Валентин.

- А Магамаева тоже видели? Мой любимый певец.

- Магамаев пока к нам не приезжал, а поёт он действительно здорово.

Хозяйка положила на диван одеяло и бельё.

- Стелите сами, - сказала она и, рассмеявшись, добавила:

- Первый раз в моём доме будет спать посторонний мужчина.

Конечно, другой на его месте вёл бы себя совершенно иначе, но Караваев был застенчивым и очень порядочным человеком и через полчаса покорно лежал на диване. Он прислушивался, как за перегородкой укладывалась спать пышногрудая блондинка с большими голубыми глазами, и с трудом сдерживал возникшее желание. Удивительно, но к Лие он никогда не испытывал таких волнующих чувств.

Утром дождя не было. Валентин встретился с председателем. Хмурый председатель вызвал главного инженера и главного механика и велел все вопросы решать с ними. Валентину пришлось доказывать, что на сушилке, где в сентябре они вшестером перегревали зерно, используя транспортёр, может справиться один или, в крайнем случае, два человека. Он заставлял колхозных начальников рулеткой измерять расстояние, на которое надо было перемещать зерно, а сам всё записывал. Вспомнив пыльную работу на сортировке, Валентин тоже высказал свои предложения. Главный инженер куда-то исчез, а механик пригласил к себе домой пообедать. Жена механика, узнав, что Валентин из города, поставила на стол бутылку водки. Когда городской гость наотрез отказался выпить, хозяин залпом опрокинул одну рюмку и немного погодя приголубил вторую.

- А ты у кого остановился? - спросил он изменившимся голосом.

- У Шуры в крайнем доме, - признался Валентин.

- У Шуры? Она же никого в дом не пускает, - удивился механик.

- Так я по рекомендации подруги, - соврал Валентин.

- Ленки, что ли?

- Ну да.

- Как она там?
- Да я с ней редко вижу, а тут вдруг на автовокзале встретил.
- Встретишь ещё, передавай привет. Это моя первая любовь.

Конечно, никакую Ленку Валентин не знал, но привет передать пообещал.

После обеда пошли в колхозные мастерские, возле которых была огромная куча металлолома. Валентин заинтересовал транспортёр, который при своевременном ремонте мог работать ещё много лет. Чтоб не изобретать велосипед, Валентин заэскизировал несколько ответственных узлов. В мастерских механик пытался навязать Валентину изготовление дефицитных деталей для тракторов и автомашин. При желании на заводе можно изготовить любую деталь, но это не входило в планы Валентина, и он отказался, объяснив отсутствием необходимых марок стали и возможностей соответствующей термообработки.

Валентин отдал механику свои записи и попросил к утру оформить техническое задание. У слесарей он попросил немного солидола и бензин. По пути к Шура он зашёл в магазин. Несколько женщин о чём-то шумно разговаривали. С его приходом сразу стало тихо. Оглядев небогатую витрину, Валентин взял килограмм яблок и две банки сайры.

- А вино какое-нибудь у вас есть? – спросил он.
- Водка и «Солнцедар» кончились, – коротко ответила продавщица.
- Нет. Мне бы что-нибудь получше, или сухое, – робко попросил Валентин.
- А наши мужики только мокрое пьют, – вставила одна из женщин, и все громко засмеялись.

- Вон есть «Рислинг», - ответила продавщица, показывая на две бутылки, - уже месяц стоят.

- Дрислинг – то и не берут, - опять вставила женщина, громко смеясь.

Валентин взял обе бутылки и под смех женщин вышел из магазина.

«Чем же эти острые на язык женщины занимались в сентябре, когда мы работали на сушилке?» – мелькнуло у него в голове.

- А у нас сегодня пельмени! – радостно сообщила Шура, когда Валентин вошёл в избу. – Таня мясо купила, а я постряпала. Люблю стряпать.

Валентин разделся, вымыл руки, выложил на стол яблоки, сайру и бутылку вина.

- Да у нас сегодня настоящий праздник, – сказала Шура, войдя на кухню.
- То ли ещё будет, – добавил Валентин.

Действительно какое-то радостное, праздничное настроение овладевало и хозяйкой, и Валентином. Шура была в том же тёмно-голубом платье, но вся она словно светилась, и движения её были намного уверенней, чем в прошлый вечер. Ловко орудуя шумовкой, она доставала из кастрюли вкусно пахнущие пельмени и раскладывала их на тарелки. Потом долго искала штопор, и пока Валентин возился с пробкой, достала из шкафчика пару красивых фужеров.

- За что будем пить? – спросила она, когда Валентин предложил ей бокал.
- Конечно, за любовь, – не задумываясь ответил гость.
- За любовь? – удивилась Шура и грустно добавила: - Это не для меня.
- У всех должна быть любовь, я пью за неё, – подтвердил Валентин и выпил бокал.
- Какое приятное вино, - похвалила Шура, отпив полбокала.

После романтического ужина Валентин принялся за ремонт радиолы. Тряпочкой, смоченной в бензине, очистил ось диска и втулку. После смазки диск стал свободно вращаться. Выбросив вонючую тряпочку в догорающую плиту, мастер тщательно вымыл руки.

- Теперь можно пробовать, – сказал он и достал из тумбочки первую попавшуюся пластинку.

После непродолжительного шипения зазвучала приятная музыка.

- Это мой любимый вальс «Осенний сон»! – закричала Шура.

- Тогда пошли танцевать, – предложил Валентин.
- Что ты! Что ты! Я же сразу упаду, – запротивилась хозяйка.
- А я поддержу, – настаивал Валентин и обнял необыкновенно приятную женщину

за талию.

Конечно, это мало походило на танец, но они оба всё крепче и крепче прижимались друг к другу, слегка раскачиваясь в такт вальса. Когда кончилась музыка, улыбающееся лицо Шуры было в слезах. Валентин, как ошалелый, принялся целовать и обнимать прекрасную блондинку. Шура не сопротивлялась и буквально задышалась от счастья.

- Какой сегодня праздник! – наконец, проговорила она.
- Давай продолжим этот праздник в твоей постели, – предложил осмелевший

Валентин.

У главного механика то ли умения, то ли желания не хватило составить техническое задание. Пришлось Валентину самому сесть за стол и расписывать, какие устройства нужны подшефному колхозу. Пока он писал, куда-то исчез председатель колхоза, а на техзадании должна быть его подпись. После обеда выяснилось, что председатель будет только на следующий день. Валентин хотел разыскать главного инженера, чтобы тот расписался за председателя, но подумав, махнул рукой, зашёл в магазин и направился к Шуре.

Шура готова была летать и выставила на стол все свои запасы. Они снова пили вино. Валентин учил её танцевать, хотя сам почти никогда не танцевал. Он узнал, что Шура надела протезы только ради него, а обычно по дому и даже летом в огороде ползает на коленях.

- Ты должна, как Мересьев, научиться свободно ходить на протезах и во что бы то ни стало выбраться из этой деревни, – настаивал Валентин.

Спать отправились пораньше, ведь предыдущую ночь, наслаждаясь друг другом, они почти не сомкнули глаз.

Утром Валентин проснулся от того, что кто-то нежно гладил его по голове. Шура, уже одетая, сидела на краю кровати.

- Тебе, наверно, надо идти, - тихо сказала она, - а то опять председатель куда-нибудь уедет.

Перед уходом Валентин молча крепко, крепко обнял Шуру и поцеловал в губы.

- Мы, наверно, никогда больше не встретимся, - сквозь слёзы сказала она, - но знай, что я всегда буду ждать тебя.

Председатель не глядя подписал документ. Валентин окончательно убедился, что колхозное начальство совсем не волнует механизация трудоёмких процессов. Выйдя из правления, он заспешил на ближайший автобус. Смешанные чувства боролись в его груди. Как порядочного человека, его мучило угрызение совести, но как мужчина он был рад, что, наконец, испытал настоящую страсть. Он впервые испытал неопишное наслаждение и не меньшее удовольствие предоставил очень приятной женщине, ведь не зря она буквально визжала и душила его в объятиях. Сидя в автобусе, он стал анализировать свои отношения с Лией. Вспомнил, как Лия предложила билеты на двоих, а он пошутил и пригласил её. Как стали они ходить в кино и театры. Потом без пышной свадьбы поженились. Как без особых эмоций прошла первая брачная ночь. Потом, казалось, всё наладилось, и он каждый вечер выполнял супружеский долг. Лия при этом была абсолютно пассивна. Прделав вечерний ритуал, они отворачивались друг от друга и тихо, мирно засыпали. Всё было до предела буднично. Никаких эмоций, никакой страсти. Он считал, что так живут все, что любовь - это выдумки писателей. И вдруг такое открытие, да не где-нибудь, а в глухой деревне. Что теперь делать? Как жить дальше?

Прямо с автобуса он отправился на работу, где ему пришлось объясняться за задержку в командировке. Дома Лия тоже недовольно ворчала:

- Наверно, нашёл там какую-нибудь.

Валентин, сам не зная почему, вдруг ответил:

- Да. Нашёл пышногрудую блондинку с большими голубыми глазами.

Как ни странно, после такого ответа Лия перестала ворчать.

Только на январь включили в план разработку малой механизации для колхоза, но Валентин между делом уже набрасывал эскизы. Ему хотелось поскорей уже с готовыми изделиями поехать в деревню, чтобы снова встретиться с Шурочкой.

В начале лета Валентин очень расстроился, когда узнал, что готовый заказ отправили на попутной машине без сопровождающих. Если б он имел автомобиль, то уже не один бы раз навестил прекрасную блондинку. В отделе у ребят были машины, но он не хотел никого посвящать в свою тайну.

Ложась спать с женой, он пытался как-то растормошить её и убедить себя, что она не хуже той деревенской обольстительницы, но Лия придерживалась странного мнения. Она считала, что порядочной женщине неприлично проявлять эмоции в постели, тем более производить какие-то телодвижения. Днём напротив она, как мать, опекала его. Мало того, ей пришлось ухаживать и за матерью Валентина, которая после выхода на пенсию стала часто болеть. Почти все домашние хлопоты Лия взяла на себя. При сносе барака им дали двухкомнатную квартиру с газом, горячей водой и ванной, но всё равно работы хватало. В такой обстановке Валентин не мог принять резких решений. Он с нетерпением ждал осень, но, как назло, ему дали сложный автомат и первый раз не послали в колхоз. Много раз он хотел написать письмо, но он ведь даже не спросил у Шуры фамилию.

Быстро летело время. В доме появился холодильник, пылесос, телевизор. Постепенно менялась мебель.

6. НА ПРОРЫВАХ

На работе Караваева ценили, но вот как-то сломался его автомат. Тоненькие пуансоны рассыпались, как стекло. Он пошёл на термический участок инструментального цеха, где калились пуансоны. Там работали молодые ребята. Он стал интересоваться, как производят отпуск твёрдых пуансонов.

- Какой ещё отпуск, если у них требуется такая высокая твёрдость? – почти хором ответили термисты.

- Ну хотя бы напряжение снимаете? – не отставал Валентин.

- А мы напряжение ночью снимаем, – ответил один остряк.

Когда изготовили новые пуансоны, бывший термист сам закалил их, попробовал мелким напильником и, зачистив наждачной бумагой, нагрел до соломенного цвета.

- Вот теперь они будут долго работать, – сказал он, когда пуансоны остыли.

По служебным делам Караваев зашёл в кабинет главного технолога. Там происходила настоящая перебранка между начальниками штамповочного и инструментального цехов. За одним из столов молча сидел парторг завода. Причиной ругани были такие же, как у него, хрупкие пуансоны. Конечно, Караваев не удержался и рассказал, как он сам калил и снимал напряжение со своих пуансонов.

Главный технолог очень удивился, что среди конструкторов завода есть такие специалисты.

- Ведь когда работал старик Полушкин, всё было нормально, а теперь неопытная молодёжь, и мастера нет, – оправдывался начальник инструментального цеха.

- А давайте, товарищ Карavaев, временно переведём вас мастером на термический участок, - предложил главный технолог.

- Ну уж нет, – возразил Валентин. – Мне конструкторская работа больше нравится.

- А если это будет партийное поручение? – неожиданно вставил парторг.

- Так я же учился. Я хочу по специальности автоматикой заниматься, – отбивался Валентин.

- Автоматы от тебя никуда не убегут, - продолжал парторг. – Наладишь работу участка и снова вернёшься к своим автоматам.

- Оформим приказ: «Временно в связи с производственной необходимостью», - напирал главный технолог.

Валентин уже пожалел, что вмешался в разговор.

- Мне кажется, человека надо чем-то заинтересовать, – вмешался начальник штамповочного цеха.

Пообещали оформить с окладом старшего мастера. Это получалось намного больше, чем у конструктора.

Валентин вынужден был согласиться.

На участке его приняли в штыки, но скоро поняли, что мастер не новичок в термообработке и сменили отношение. Чтоб повысить качество, стали проводить на стыке смен получасовой ликбез. Самому Карavaеву тоже пришлось кое-что почитать. Он не работал на установке ТВЧ и не достаточно знал о хромировании, а это тоже относилось к термическому участку.

Скоро нареканий на плохую работу участка не стало и Валентин, кроме оклада, стал получать премию.

Остряк Бородулин первый оценил ликбез. Особенно его заинтересовал дедовский метод отпуска деталей по цветам побежалости. Он учился на третьем курсе вечернего техникума и вполне мог справиться с обязанностями мастера.

Конечно, прибавка в зарплате нравилась Валентину, но ему часто снились новые хитроумные автоматы и он уже собирался обратно в ОМА. Неожиданно пришла идея произвести косметический ремонт на участке. С этой идеей он обратился к начальнику цеха, но, к сожалению, узнал, что ремонт смогут сделать не ранее чем через год.

Совсем случайно Валентин встретился с секретарём парткома.

- Ну, как дела, товарищ Карavaев? – спросил парторг.

- Не очень, – уклончиво ответил Валентин.

- А что? Всё ещё пуансоны летят?

- Нет. С работой всё нормально. Участок у нас самый грязный на заводе. Нам бы хоть потолок побелить, а стены мы сами покрасим, конечно, если краску дадут.

Парторг слушал, слегка улыбаясь.

- Ладно, - сказал он, похлопывая Валентина по плечу, - позвони мне завтра после обеда, может что-нибудь пробьём.

Через неделю на участке появились маляры. Термистам досталось красить только оборудование.

Скоро в заводской газете была опубликована статья, в которой говорилось, что коммунист Карavaев по собственной инициативе перешёл на отстающий участок и вывел его в передовые.

После такой статьи покидать участок было не очень удобно, и Валентин проработал ещё целый год. Отдохнув в отпуске, он принял решение вернуться к автоматам, но его вызвал начальник и сказал:

- Остаёшься за меня.

- Почему я? У тебя же есть зам, – возразил Валентин.

- У зама амбиций много, а ума мало. Опять что-нибудь завалит.

- Так я уже всё. Ухожу обратно в ОМА.

- Вот схожу в отпуск, тогда и посмотрим.

Руководить цехом, конечно, намного сложнее, чем участком. Начальник уехал срочно по горячей путёвке, едва успев передать основные бумаги. Обращаться за советами к обиженному заму Караваеву не хотелось. Пришлось во всём разбираться самостоятельно. Через неделю пришлось решать и кадровый вопрос. Старший мастер с участка прессформ привёл к нему слесаря Пухова, который из-за пьянки прогулял целую неделю. Вспомнив, как строго наказывали даже за небольшое опоздание в начале пятидесятых годов, он без раздумий объявил своё решение: уволить по соответствующей статье. Чтоб всё было законно, дело передали на цеховой комитет профсоюза. Профком, уже не раз обсуждавший Пухова, поддержал решение начальника.

Через несколько дней, когда вечером, уставший от проблем, Караваев собрался домой, его остановил сменный мастер с участка прессформ.

- Не увольняйте Пухова, – попросил он.

Караваев не сразу понял, о чём его просят, а когда мастер повторил просьбу, буквально взорвался и закричал:

- Вы что, решили в детский сад играть?!

- А кто мне сорок пятаю прессфому будет доделывать?

- Что, Пухов стал незаменимым? Разве мало на участке опытных специалистов?

- Спецы ведь не любят доделывать чью-то работу.

- Тогда дайте молодым.

- Прессформа довольно сложная, молодым не справиться. Оставьте Пухова, – настаивал мастер.

- Но я не могу отменить решение цехкома, – подумав, ответил Караваев.

- А Баландин всё решал сам. То выгонял, то через полмесяца принимал обратно.

- Вот поэтому и разболтались наши незаменимые специалисты, – продолжил

Караваев. - Если хотите оставить Пухова, идите в завком профсоюза и уговаривайте под любым предлогом наложить вето на решение цехкома.

После отпуска начальника в кабинете директора завода уговорили Караваева на должность заместителя начальника инструментального цеха. Такого поворота он не ожидал.

Года через три его переводят начальником цеха при ОМА. На заводе уже стали шутить, что Караваева, как Жукова, бросают с прорыва на прорыв. Теперь он постоянно ругался с конструкторами из-за их примитивных автоматов и механизмов. Самоучка Кузнецов ушёл на пенсию. Грамотных инженеров много, а талантливых нет. Наконец, он сам с помощью главного инженера перешёл на конструкторскую работу. До поздней ночи просиживал он за книгами и журналами. Ведь чему учили его в институте, всё давно устарело. Теперь он, как руководитель группы, разрабатывал принцип действия автомата, а молодые конструкторы проектировали отдельные узлы и выполняли детализовку. Такой метод скоро дал положительный результат. За короткий срок был спроектирован оригинальный автомат с магнитной программой.

Где бы ни работал Караваев, чем бы ни занимался, постоянно вспоминал голубоглазую Шурочку.

«Как она там живёт? – думал он. – Может, давно уже вышла замуж?»

Он страшно казнил себя, что не может съездить в деревню. Чтоб как-то приблизить этот день, он стал в очередь на машину. Правда, машин на завод давали очень мало. Хотел сразу записаться на строительство гаража, но без машины не записывают. Вот система! Купишь машину, а хранить негде. Старые автомобилисты говорили, что, когда после войны начали продавать частным лицам «Москвичи» и «Победы», горючего в продаже нигде не было. Покупали у шоферов ворованное. И так было долгие годы.

За интересной работой быстро шло время. Молодые конструкторы незаметно входили во вкус и скоро стали сами предлагать интересные идеи. По методу Караваяева были созданы ещё две творческие группы. Всё шло хорошо, но как-то на отчётно-перевыборном профсоюзном собрании Караваяев выступил с резкой критикой заводского комитета. Его тут же выбрали делегатом на заводскую конференцию, где он снова критиковал завком. Выступление понравилось людям, и смелого товарища выбрали в заводской комитет.

7. СЫН

- Язык мой – враг мой, – повторял Валентин, когда ему дали портфель заместителя председателя заводского комитета профсоюза.

Конечно, профсоюзная работа была не для него. Особенно бесили многочисленные липовые отчёты. Критиковать оказалось легче, чем работать, но Караваяев привык всегда и везде работать с полной отдачей. Старые конструкторы ОМА по-своему называли его просто Валентином. Теперь он слышал только: Валентин Михайлович.

Чтоб как-то улучшить или облегчить свою работу, Валентин Михайлович отправился за опытом в профком соседнего завода, деятельность которого недавно хвалили по радио. В проходной завода висело траурное сообщение. Караваяев хотел пройти, но что-то удержало его.

- Не может быть, – мелькнуло в его голове.

С фотографии смотрело до боли знакомое лицо. Холодок пробежал по его спине, и тут же стало жарко.

«...после непродолжительной болезни скончалась Ощепкова Александра Петровна...» - прочитал потрясённый Валентин.

- Какая славная была машинистка, – проговорила проходящая мимо женщина.

Застывший в оцепенении Караваяев, старался уяснить всё, что говорили проходящие мимо люди. Оказалось, что Шура уже много лет работала в машбюро на соседнем заводе. В последний страшный гололёд она упала и сильно ударилась головой. Произошло кровоизлияние. Пять дней пытались её спасти, но безуспешно.

С трудом оторвавшись от любимых глаз, он дочитал сообщение и узнал, что через час вынос тела из квартиры, которая находится в двух кварталах от завода.

В квартире, которую без труда нашёл Валентин Михайлович, были в основном женщины. У гроба сидел подросток, иступлённо глядящий на покойницу.

- Кто это? Кто это? – зашептали женщины.

Валентин молча подошёл к гробу. Почему-то внешность мальчишки ему показалась знакомой.

Когда он перевёл взгляд на лицо Шуры, у него задрожали губы. В голове Валентина, как в кино, промелькнули события тех прекрасных ночей.

- Прости меня, Шурочка, - прошептал он и поцеловал холодный лоб.

Чтоб не привлекать внимание, он вышел в коридор. С кухни доносился неприятный женский голос:

- Ну ни за что не хочет Миша к нам переезжать. Только и твердит, что найдёт отца. Ну как он его найдёт, если в записке только сказано: «инженер-конструктор Валентин Михайлович».

Караваяева словно ударило током. Он моментально весь покрылся потом. Чтоб охладиться, вышел в подъезд.

На кладбище Миша, бросив горсть земли, отошёл, чтоб не видеть, как закапывают его мать. Валентин Михайлович поспешил к нему.

- Как думаешь жить, Миша? – спросил он.

- Я узнал, что у меня есть отец, – с нескрываемой гордостью сказал он. – Завтра пойду искать его.

- Не надо искать, – сказал Валентин, положив руку на плечо юноши. – Я сам к тебе приду.

Миша вопросительно поднял глаза, а Валентин продолжал:

- Прости меня, пожалуйста. Я ничего не знал о твоём существовании. Думаю, нам есть о чём поговорить. Завтра в пять я буду у тебя.

Он взял юношу за плечи и впервые в жизни прижал к себе, неожиданно объявившееся, родное по крови существо. Потом по-мужски хлопнул по плечу и сказал:

- До завтра мне ещё самому надо многое переварить.

Отойдя шагов двадцать, он оглянулся – Миша смотрел ему вслед. Валентин поднял сжатый кулак. Сын ответил ему тем же жестом.

- Что-то ты сегодня какой-то не такой, – сказала жена, когда Валентин пришёл домой.

- Да, эта новая работа, - отмахнулся он.

Сославшись на усталость, Караваев лёг раньше спать, но даже с закрытыми глазами он долго не мог уснуть. Перебирая свою жизнь, он никак не мог понять, почему они не встретились, хотя работали почти рядом. Возможно, всё бы было иначе. Шура для Валентина была как свет в конце тоннеля. К этому свету он стремился. К чему стремиться теперь?

Далеко за полночь Валентин поднялся и прошёл на кухню. Достал из буфета начатую бутылку водки. В холодильнике нашёл солёный огурец. Налив полстакана, прошептал:

- Пусть земля тебе будет пухом.

Выпив и закусив, он вдруг взглянул на события с другой стороны.

- Какой же я дурак! – подумал он – Ведь у меня есть сын. Да, печально, что ушла Шура. Два года назад ушла мать, так и не дождавшись караваевского наследника. Придёт время, уйду и я. Такова жизнь. А сейчас я должен воспитывать своего сына и он должен жить со мной. А как Лия? Надо завтра же всё рассказать ей. Нет, сначала надо наладить контакт с Мишей. Надо обязательно взять с собой паспорт, свои подростковые фотографии и газету со статьёй о конструкторе Караваеве.

Ровно в пять часов Валентин Михайлович позвонил в квартиру, где жил Миша. Он оказался не один. Подруга Шуры Лена, которая очень хотела перевезти к себе Мишу, к Караваеву отнеслась очень настороженно. Даже когда он предъявил паспорт и показал газету, она кричала, что ближе неё у Миши никого нет и что Караваев просто какой-то авантюрист.

Последняя чушь Валентина и Мишу просто вывела из себя.

- Знаете что, гражданочка, вы здесь никто, - строго заявил Караваев, - а мы отец и сын, и нам надо поговорить. Так что ступайте к себе домой подобру-поздорову, пока я вас не выставил.

- Правда, идите, тётя Лена, – добавил Миша.

- Я это так не оставлю! – кричала разъяренная женщина уже на лестничной площадке.

- И что она до тебя докопалась? – сказал Валентин, закрывая двери.

- Да хочет, чтоб я переехал к ним и жил в одной комнате с их Серёжкой, который маму инвалидкой называл.

- Ну уж это сущее безобразие: такую симпатичную женщину называть инвалидкой.

- А ещё она хочет поменять квартиры.

- Какие квартиры?
- Свою и нашу на трёхкомнатную.
- Ишь чего надумала! - возмутился Караваяев. – Что бы ни случилось, у тебя должна быть своя квартира.

- А ты будешь со мной жить? – неожиданно спросил Миша.

- Да. Мы будем обязательно вместе, только...

- А, я понял, – перебил Миша - Ты будешь, как воскресный папа.

- Ну что ты. Просто надо ещё...

- Ты почему от нас ушёл?

- Видишь ли, Миша, когда мы встретились с твоей мамой, я уже был женат.

- Разве можно женатому встречаться с другими женщинами?

- Видимо, так распорядилась судьба. Мало того, мы сильно полюбили друг друга.

- А о последствиях вы не думали?

- Так ведь давно известно, что влюблённые теряют головы.

- В этом, пожалуй, ты прав, – согласился подросток.

- У тебя холодильник работает? – спросил Валентин, вспомнив о портфеле. – У нас на заводе сегодня продукты давали, я тебе принёс. Вот масло, колбаса, консервы...

Кстати, ты сыт?

- Не очень.

- Картошка в этом доме есть?

- Должна быть. А что?

- А то, что мы сейчас приготовим рыбный суп. Ты умеешь готовить?

- Не очень.

- Всё не очень да не очень. Признаться, я тоже только когда-то в детстве готовил, но не умирать же с голоду. Давай будем учиться, – предложил отец.

- Вот картошка, а где рыба?

- Я же принёс скумбрию в масле.

Через час, когда они с аппетитом ели свежеприготовленную уху, Миша снова поставил отца в тупик.

- А почему ты к нам не приходил? – спросил он.

Валентин долго и путано объяснял, что всё время стремился встретиться с Шурой в деревне, но обстоятельства складывались против него.

– Наверно сначала любил, а потом перестал, - не отставал Миша.

- Не мог же я выставить Лию Борисовну, которая ухаживала за моей больной матерью.

- Зачем её выставить, у нас ведь есть квартира.

- Дорогой ты мой сынище, - сказал Валентин, обняв Мишу за плечи, - о вашей квартире я узнал только вчера, когда случайно увидел траурное сообщение на соседнем заводе.

Какое-то время они молчали. Потом Валентин достал фотографию.

- Где это я сфотографирован? – удивился мальчишка.

- А ты посмотри на обороте,- посоветовал отец.

- Валя Караваяев, седьмой класс, - прочитал Миша и закричал: - Так это ты! А так на меняходишь.

- Да уж, весь в тебя, – смеясь, подтвердил отец и достал фотографию, где он снят совсем ещё мальчишкой в рабочей спецовке.

- Вот получу паспорт и тоже пойду работать, – заявил Миша.

- Успеешь ещё наработаешься, – возразил отец. – Сейчас не то время. Учиться надо.

Быстро пролетел вечер. Валентину уже надо было уходить, а сын всё сыпал и сыпал вопросы.

- А Лия Борисовна хорошая? – неожиданно спросил он.

- Хорошая, хорошая, - успокоил Валентин, - но твоя мама была лучше.
- Это понятно, в плохую не влюбился бы, – понимающе сказал Миша. – А что с ней будем делать?
- Будем проводить соответствующую работу, – улыбнувшись, ответил отец.
- Ох, и попадёт тебе за меня, – сочувственно сказал Миша.
- Не переживай. Прорвёмся. Ты ни в чём не виноват, – закончил Валентин и пожал сыну руку.

8. ЧП

Почти каждый день Валентин Михайлович заходил к сыну. О многом беседовали они, а вот поговорить с женой он никак не решался. Всё ждал лучшего момента.

Как-то он сумел забежать к Мише днём, занёс кусок коммерческой копчёной колбасы и предупредил, что вечером не зайдёт. В конце дня дали зарплату и он всё-таки решил занести сыну деньги на карманные расходы. Войдя в подъезд, он поразился громкой музыке. К большому удивлению, музыка гремела в Мишиной квартире. Его звонок услышали не сразу. В табачном дыму вытанцовывали две пары. Развязные парни и девицы были явно старше Михаила. На столе стояли бутылки с водкой, вином и пивом. На одной тарелке лежал порезанный плавленый сыр, а на другой копчёная колбаса. Небольшой кучкой лежали конфеты.

- Что здесь происходит?! – закричал Караваев, выключив магнитофон.
- Это ребята из соседнего двора, – робко пытался объяснить Миша.
- Это кто нам хочет помешать? – по блатному растягивая слова, спросил один из парней и выступил перед Валентином.

- Вон отсюда! – заорал Валентин.
- Слушай, дядя, шёл бы ты сам далеко, далеко, а то ведь пожалеешь.
- Вон отсюда! – ещё громче закричал Караваев и показал на дверь.

Неожиданно парень выдернул нож. Валентин приготовился схватить его за руку. В этот момент Миша с криком: «Не надо!» бросился прямо на парня.

Нож, приготовленный для Валентина, угодил в его сына. Разъярённый Караваев схватил табурет и со всего размаха ударил парня по голове. Табурет рассыпался, а парень свалился рядом с Мишей. Остальных как ветром сдуло. Из-под Миши появилась кровь.

- Как ты, сынок? – спросил Караваев.
- Прости меня, папа. Они попросились.
- Потерпи. Я сейчас вызову скорую.

На шум в подъезд вышли соседи.

- У кого-то есть телефон? – спросил взволнованный отец. – Вызовите, пожалуйста, скорую и милицию, Мишу ранили.

Рана оказалась неглубокой, но мальчишку увезли в больницу. Нападавший долго не мог очухаться, даже хотели его тоже отправить в больницу, но увезли в милицию. Валентин Михайлович проветрил комнату и тоже поспешил узнать, что с сыном. Хирург сказал, что внутренние органы не повреждены, но придётся недельку, другую полежать. Мишу расспросами отец беспокоить не стал, пообещал зайти на следующий день.

- Куда ты пропал? – рассерженно спросила жена, когда он пришёл домой. – Обещал ведь вовремя прийти.
- У сына в больнице был, – неожиданно ответил он. – Сына Мишу ранили.

Лия пристально посмотрела на мужа, потом приложила ладонь ко лбу и повернула на девяносто градусов. Валентин молча разделся. Он не знал, как проще и понятней объяснить сложившуюся ситуацию.

- Ну, что у тебя стряслось? – снова спросила Лия, подав мужу ужин. – Какую ахинею ты несёшь?

- Это не ахинея, - как можно спокойней начал Валентин, - это реальность. У меня есть уже почти взрослый сын.

- Это когда же ты успел его заиметь?

- А помнишь, я ездил последний раз в командировку в колхоз?

- Значит, ты меня всю жизнь обманывал?

- Совсем нет. Я, как сейчас помню, тебе сразу признался, что нашёл голубоглазую блондинку.

- Выходит, негодяй, все эти годы ты вёл двойную жизнь?! – повышая голос напирала Лия. – Что же ты не ушёл к своей голубоглазой?!

- Не кричи на меня, пожалуйста. Я только две ночи провёл с другой женщиной, а ты до меня два года жила с другим, и я тебя ни разу не упрекнул.

- Нашёл, чем упрекать. Я была замужем, а не бегала на сторону.

- Какая разница.

- Если она такая хорошая, так можешь уходить к ней.

- Какой же я дурак! Даже не попытался хотя бы ещё раз встретиться с ней.

- Так иди, хоть сейчас.

- К сожалению, недавно она ушла в иной мир. Я случайно на соседнем заводе увидел траурное сообщение. На похоронах я впервые увидел своего сына Мишу.

- А что случилось? – уже спокойным голосом спросила Лия. – Кто его ранил?

- Взрослые парни с девицами уговорили Мишу и устроили у него выпивон и танцы с громкой музыкой. Я решил разогнать эту оргию. Один парень достал нож. Миша испугался за меня и бросился на парня. Нож вместо меня достался Мише.

- Какой ужас, - сказала Лия, обхватив голову ладонями.

Минут пять они молчали.

- Ну и что теперь? – тихо спросила Лия.

- Подонок в милиции, Миша в больнице, – сообщил Валентин. - Сказали, что рана несерьёзная.

- А что дальше?

- Дальше мы должны быть вместе.

- Как это ты представляешь?

- А ты как? – ответил вопросом на вопрос Валентин.

Они долго молчали.

- Если ты будешь против, я уйду к сыну, - наконец сказал Валентин и пошёл спать.

Через час к нему пришла жена. Он словно не замечал её.

- Скажи, чем она околдовала тебя? – прошептала Лия.

- Честно?

- Ну да.

- Я от неё балдел, – признался Валентин.

- А что же не ушёл к ней?

- Тебя пожалел.

- Балдел, балдел и улетел. Даже на ребёночка наплевал.

- Да если б я знал...

- Надо было поинтересоваться.

- Сейчас легко говорить, а как бы я тогда тайно от тебя поехал в деревню? А

Шура – молодец. Освоила протезы и...

- Какие протезы? – не поняла Лия.

- Так у неё обеих ног нет.
- Она уродка, что ли?
- Сама ты уродка, – обиделся Валентин. – Спасая мужа, она попала под поезд, а муж потом бросил её.
- Не везёт женщине... - задумчиво сказала Лия. – Муж бросил, ты тоже.
- Надо же, почти рядом работали и не встретились.
- А то бы?
- А то бы всё было по-другому.
- Да-а-а... - неопределённо протянула Лия и, помолчав, предложила: - Ты завтра перед больницей зайди домой, я что-нибудь приготовлю для Миши.

Теперь Караваев старался не задерживаться на работе. Он забегал домой, брал приготовленную женой сумочку и спешил к сыну. Рана постепенно затягивалась, но лечащий врач рекомендовал покой и не спешил выписывать Мишу. Никогда раньше у Миши не было столько свободного времени. Боясь отстать в учёбе, он самостоятельно без учителей научился разбираться с учебниками, и каждый день осваивал несколько параграфов и тем. Ему очень нравились посылочки Лии Борисовны, особенно пирожки, шанежки и котлетки. Беседуя с Мишей, Валентин всё больше и больше узнавал о сыне. Дома он охотно делился новостями с женой. Та слушала молча, сама заводила разговоры только на отвлечённые темы.

9. СЕМЬЯ

Как-то в конце рабочего дня Лие позвонил муж. Он предупредил, что задержится на работе и не надо готовить гостинцы для Миши. Очень сожалел, что не может его предупредить. Лия ответила, что всё поняла и постаралась успокоить мужа. Сама же она стала оценивать со всех сторон сложившееся положение. Ей совсем не хотелось потерять мужа, с которым благополучно прожили полтора десятка лет, но принять уже почти взрослого ребёнка своей соперницы тоже не так-то просто. Если б она не сделала аборт, у ней была бы уже взрослая дочь. Интересно, женился бы Валентин на ней с маленькой дочкой? В конце концов, она приняла не лёгкое для себя решение.

Мише надоело валяться на кровати и он всё чаще садился рядом с тумбочкой, на которой возвышалась целая стопа книг и тетрадей. Неожиданно в палату вошла незнакомая женщина в белом халате.

- Новая медсестра, – подумал Миша.

Женщина поздоровалась, оглядела всех лежащих и направилась к нему.

- Тебя Мишей зовут? – спросила она, присаживаясь на край кровати. – А я Лия Борисовна Караваева.

Миша отложил книгу и стал внимательно рассматривать пришедшую женщину.

- Как ты себя чувствуешь? – спросила Лия, не найдя других слов.

- Хорошо, – коротко ответил Миша.

Разговор не получался. Лия расстегнула сумку, достала ещё не успевшие остыть котлеты, апельсины и бутылочку с морсом.

- Давай ешь и поправляйся, – тихо сказала она.

Миша взял бутерброд с котлетой, хотел откусить, но вдруг отложил и, глядя в глаза Лии, сказал:

- Простите меня, пожалуйста.

- За что? – удивилась Лия.

- За то, что я родился.

- Какой ты глупенький, – сказала Лия смеясь. – Ты ни в чём не виноват. Давай ешь, а то остынут.

Уплетая бутерброды, Миша изредка посматривал на Лию.

- У вас есть дети? – неожиданно спросил он.

- А что?

- Плохо, когда мало родственников.

- Чудо ты, - сказала Лия и смеясь добавила: - Караваевское.

- А где папа? – поинтересовался Миша.

- Он сегодня занят на работе.

Она смотрела на мальчишку, который был продолжением какой-то голубоглазой блондинки, но он так походил на близкого ей человека, от которого она так и не смогла родить. Это был последний шанс.

- Поправляйся, сынок, - сказала она уходя. - Мы тебя очень ждём.

Закрылись двери, а в ушах у Миши звучало «сынок». Совсем недавно точно так его называла мама – самая лучшая женщина на свете. Лия Борисовна показалась ему симпатичной, весёлой и даже доброй, но назвать её мамой было ему не по силам. Больные в палате разгуделись, как потревоженный улей. Все обсуждали судьбу Миши, но ему было не до них. Главным авторитетом для него был отец.

В пятницу Мишу выписали. Когда, выйдя из такси, они стали не спеша подниматься на третий этаж, он взял отца за рукав и почти шёпотом сказал:

- Пап, а я не смогу Лию Борисовну назвать мамой.

- Не переживай, – успокоил отец. - Это не главное. Лишь бы вы признали существование друг друга и уважали, а как называть - это не важно.

- А она меня в больнице сынком назвала.

- Значит, она созрела до этого, а ты ещё нет. Не переживай. Время всё покажет.

В доме Караваевых в этот вечер был праздничный ужин. Правда, настроение праздничное было только у Валентина. Лия Борисовна и Миша чувствовали себя несколько напряжённо. После ужина Мише показали его письменный стол в маленькой комнате.

- Вчера Лия Борисовна специально для тебя купила, – похвастался отец. – А это полка, для твоих книг освободили.

- Пап, а магнитофон ребята оставили? – спросил Миша.

- Магнитофон? Так он ведь ворованный.

- Как, ворованный?

- Я его в милицию отнёс.

- А я думал, зачем ко мне из милиции приходили?

- Вляпался ты, дружок, в криминальное дело. Твои дружки...

- Они вовсе не дружки, а просто знакомые, – перебил Миша.

- Хорошо. Твои знакомые, - продолжил отец. – Сначала у мальчишки отобрали магнитофон, а потом избili пожилого мужчину и отобрали у него барсетку с документами и деньгами. Вот на эти ворованные деньги и гуляли у тебя под ворованную музыку.

- Вот гады! – возмутился Миша. – Пусти, сказали, потанцевать, мы тебе магнитофон оставим.

- Ладно, Миша, - успокоил отец, - купим тебе хороший магнитофон, а этим подонкам грозит срок. У них уже не первое ограбление.

- Папа! – позвал сын уже лёжа в постели и когда отец подошёл, спросил: - А квартиры вы будете менять?

- Зачем? Я думаю, нам пока в двухкомнатной квартире будет не тесно, – сказал отец.

- А наша квартира?

- Вот утрясём всё и пустим туда квартирантов. Когда подрастёшь, может, захочешь жить самостоятельно, а у тебя уже есть квартира.

Первый раз в жизни Валентин Михайлович присутствовал на родительском собрании. Он решил понаблюдать за происходящим как бы со стороны, молча сидел в уголочке и слушал. Ему было приятно, что Мишу назвали в числе лучших по успеваемости, но когда заговорили о дисциплине, его сын попал в число злостных прогульщиков.

- Значит, в школе не знают о Мишином горе, во время которого он не посещал уроки, – подумал Караваев. - Справку из больницы тоже, стало быть, не предъявил. Вот характер! Не хочет, чтоб его жалели.

Когда все разошлись, Караваев представился классному руководителю:

- Я папа Миши Ощепкова – Валентин Михайлович.

- Папа? – переспросила сидящая учительница, пристально глядя через очки. – А где мама?

- Мамы больше нет, - сообщил Караваев. – Полмесяца назад её похоронили.

- Что вы говорите? – удивилась учительница. – Примите мои соболезнования.

Про больницу Валентин Михайлович решил не распространяться, просто сказал, что прогулов больше не будет.

Классную руководительницу разбирало любопытство. Она хорошо знала, что много лет Миша рос без отца. Его мама, самый активный член родительского комитета, постоянно заходила в школу. На вид совершенно здоровая женщина, правда, со странной походкой, и вдруг умерла.

Караваев прочитал её мысли и коротко сообщил:

- Упала в гололёд, сильно ударилась головой и получила кровоизлияние.

- Какой ужас, – констатировала учительница. – А сын у вас замечательный. Он такой активный и в то же время тактичный, как говорят, «два в одном флаконе». Такое бывает не часто. Я думаю, он вас не подведёт.

- Ну что, досталось тебе за меня? – спросил Миша, когда отец пришёл домой.

- Совсем наоборот, но почему ты ничего не сказал в школе про маму и больницу? – спросил Валентин Михайлович.

- Не хочу, чтоб лезли в душу.

- Но ведь в классе твои друзья.

- Это не друзья, а просто одноклассники, причём, некоторые из них довольно злые и не имеют никакого понятия о дружбе. Остальные боятся выделиться и подчиняются законам стада.

- Неужели в целом классе нет порядочных людей? – возразил отец.

- Есть один очень умный и порядочный человек. Я бы ему всё рассказал и про маму, и про тебя, и про больницу.

- А что мешает?

- Она – девочка.

- А-а-а... - понимающе протянул отец.

- Я с ней только мысленно разговариваю.

- Симпатичная?

- Очень.

- Понятно, – со вздохом сказал отец.

Купить новый магнитофон оказалось делом сложным. В магазинах их просто не было. Через знакомых Караваев нашёл неисправный «Маяк». Сначала хотел сам заняться восстановлением агрегата, но скоро узнал, что в конструкторском отделе одна группа работает над своим ультрасовременным магнитофоном. Знающие ребята проверили весь магнитофон, кое-что поменяли и через неделю он был лучше нового.

Миша очень обрадовался приобретению. Он подключил к нему проигрыватель и из имеющихся в доме грампластинок стал составлять целые концерты. Увлёкшись музыкой, он даже забросил уроки. Это заметила Лия Борисовна, она больше находилась дома и постоянно приглядывалась к неожиданно появившемуся сыну. Своей тревогой она поделилась с мужем.

- Пап, послушай, какой концерт я записал, - предложил Миша, когда отец вошёл в его комнату.

- Ты включи, - согласился отец, - пока будем ужинать, послушаем.

- Я перемешал вальсы, лирические и хорошие патриотические песни.

- Послушаем, послушаем, что ты намешал, - сказал Валентин Михайлович, садясь за стол.

За ужином Миша постоянно привлекал внимание отца к звучащим произведениям.

- Ну что ж, концерт неплохой, - сказал Валентин Михайлович, выходя из-за стола, - но не будет ли мне стыдно за тебя в школе? Я завтра обещал туда пойти.

- Завтра? - насторожился Миша.

- А что?

- А можешь подождать?

- Зачем?

- Да я два тройка схватил.

- Так, - строго сказал отец. - Значит, из-за магнитофона у тебя не стало хватать времени на уроки. Концерты, конечно, дело хорошее, но я думал, что ты используешь технику для повышения успеваемости. Ты забыл, что у нас есть микрофон. Разве нельзя записывать твои ответы по заданным урокам, потом прослушивать и самому ставить оценки?

- Записывать ответы? - загорелся Миша. - Это здорово! Так ведь я лучше запомню материал. Папа, ты можешь подождать хотя бы недельку? Я в это время тройки исправлю.

- Подождать, говоришь? Ну, если исправишь, хотя я обещал.

На следующий же день, пока никого не было дома, Миша решил записать свои ответы по урокам. Прочитав абзац по биологии, он включил магнитофон и стал записывать. Катушки крутились, а он не мог связать двух слов. Рассердившись, он снова прочитал текст и постарался запомнить его, но когда стал записывать, в голове всё перемешалось. Пришлось на листочке набросать что-то наподобие плана. Даже с планом только на третий раз получилась приемлемая запись, и то с большими паузами. Постепенно процесс записи ускорился.

- Ты это, наверно, по книге читал? - спросил отец вечером, прослушивая запись.

- Нет. Я по плану старался рассказать своими словами.

- Не знаю, всё ли ты рассказал и сможешь ли так ответить на уроке, но получилось неплохо. Во всяком случае, выше тройки.

- Я утром, когда буду завтракать, ещё послушаю эту запись.

Через неделю Миша записывал уже все устные уроки. Он следил уже не только за смыслом рассказанного, но и за качеством речи. Особенно выразительно он декламировал стихи. Лия Борисовна, послушав запись, сказала:

- Тебе, Миша, на артиста надо учиться.

Валентин Михайлович всё-таки собрался пойти в школу. Ни о каких тройках там не было и речи. Наоборот, Мишу хвалили за его чёткие ответы.

К окончанию девятого класса удалось купить небольшой кассетный магнитофон «Парус». Миша уже привык к «Маяку», но в магазинах всё больше продавались кассеты с новыми песнями в исполнении современных групп. Кроме этого, теперь он мог обмениваться с ребятами записями как на катушках, так и на кассетах.

Надобность в записи уроков отпала, но Мише нравилось записывать свой голос, и он стал составлять различные концерты, где выступал в качестве конферансье. Кроме объявления авторов и исполнителя, он придумывал разные шутки, чем-то связанные с содержанием песни.

Кончилась производственная практика. Миша принёс зарплату и отдал Лии Борисовне, как хозяйке дома.

- Ладно, - сказала хозяйка, - с папой обсудите, что тебе купить.

- А вы купите что-нибудь для себя или для кухни, – предложил Миша.

- Спасибо, Мишенька. Я думаю, что вы с отцом всё-таки лучше распорядитесь этими деньгами.

Вечером мужчины долго ходили по магазинам, смотрели палатки, резиновые лодки и вдруг увидели, как люди примеряли куртки, которые называли алясками.

- Ну-ка, надень, - предложил отец, - может, подойдёт.

Они померили несколько курток. Одна была как на заказ.

- Всё, берём, - сказал Валентин Михайлович, - а то из пальто совсем вырос. Теперь не стыдно будет и девочкам показаться.

Утром Миша завтракал вместе со всеми и, как только они выходили из дому, быстро бежал тоже на работу. Все ребята, закончив практику, валялись на диване или отправились в турпоездки, а Миша продолжал фрезеровать.

Практика проходила на том же заводе, где работала мать Миши. Мастер Сергей Иванович хорошо знал Александру Петровну и помог Мише остаться на участке ещё на месяц. В начале августа Миша, получив паспорт, собирался оформиться на работу постоянно.

- Зачем учиться, - размышлял он, - если рабочие зарабатывают больше, чем инженеры.

Когда Валентина перевели для наведения порядка на термический участок, в цехе работал мастер Сергей Иванович. Потом он ушёл на соседний завод. Прошло много лет, и вдруг встреча на автобусной остановке.

- Ну, как работаете на новом месте? – спросил Валентин Михайлович.

- А хрен редьки не слаще, – ответил Сергей Иванович. – Совсем люди разболтались. В понедельник у всех фрезеровщиков руки трясутся. Спасибо парнишке Мише Ощепкову, выручает. Способный и трудяга.

- Как ты сказал парнишку зовут?

- Мишей. У него мать Шура полгода назад умерла. Славная была женщина. Моя жена вместе с ней в машбюро работала.

- Так практика ведь уже кончилась.

- А он уговорил оставить его и собирается после получения паспорта оформиться к нам постоянно.

- Ну уж нет! – сердито возразил Карavaев. - Успеет ещё наработается. Учиться парень будет.

- А тебе какая забота?

- Это мой сын! – крикнул Карavaев уже из автобуса.

Первый раз Валентин Михайлович разговаривал с сыном на повышенных тонах. Его даже успокаивала Лия Борисовна.

- Я не осуждаю твоё стремление работать, а возмущает сам обман! – кричал отец.

Миша сжался, как мышонок, и молчал, понурился.

- Ладно, хватит шуметь. Давайте спокойно во всём разберёмся, – предложила Лия Борисовна, взяв на себя роль третейского судьи. – Скажи, Миша, что побудило тебя остаться работать после практики?

- А папа даже после седьмого класса пошёл работать и ничего, – ответил Миша, приподняв голову.

- Ты что сравнил! – снова зашумел отец, но Лия остановила его жестом руки и спокойно продолжила сама:

- Тогда было совсем другое время. Страна после жестокой войны восстанавливала народное хозяйство. Были очень востребованы рабочие руки. Твой папа рос без отца. У мамы была невысокая зарплата, и жили они, можно сказать, даже бедно. Чтоб помочь маме и стране, он рано пошёл работать.

- А почему я не могу помочь? – возразил Миша. – Почему я должен лежать на диване, когда вы работаете? Я что, хуже папы?

Лия Борисовна не удержалась от смеха.

- Ты за кого нас читаешь! – снова возмутился отец. – Неужели мы не в состоянии тебя выучить? Знал бы ты, с каким трудом я получил образование. Зато сейчас я могу работать и мастером, и конструктором, и начальником цеха, и самый сложный станок смогу освоить. А ты что всю жизнь собрался фрезеровать?

Миша молчал.

- Завтра же оформляю отпуск, - продолжал Валентин Михайлович, - и все втроём отправляемся на Чусовую. Перед десятым классом тебе надо как следует отдохнуть.

Наступила тишина, во время которой каждый думал о своём.

- Купим палатку, – прервал тишину Караваяев, - и сплавимся на плоту по этой прекрасной реке.

Услышав о путешествии на плоту, Миша сразу изменился: спина выпрямилась, голова поднялась, глаза загорелись. Самого Валентина Михайловича тоже словно подменили. Неделию назад он соглашался с женой поехать всей семьёй в Крым или в Сочи покататься в море, поваляться на пляже, а тут вдруг неожиданно для самого себя выдал идею сплавиться по Чусовой.

- Ты думаешь, там есть из чего соорудить плот? – спросила Лия Борисовна. - Мне кажется, там уже весь лес вырубил.

- Ну, об этом наши заводские туристы мне дадут самую точную информацию.

До самой ночи обсуждали поездку на Чусовую. Даже нашли на полке путеводитель и наметили примерный маршрут. Утром на работу вышли все вместе.

10. ЧУСОВАЯ

Через неделю Миша получил паспорт. Теперь он стал Михаилом Валентиновичем Караваяевым. Наконец были оформлены все документы о признании отцом Валентина Михайловича. Пустующую квартиру сдали молодой паре. Лия Борисовна от поездки на Чусовую отказалась, ей пообещали путёвку в санаторий. По совету туристов купили резиновую лодку и два рюкзака, а палатку взяли на прокат на заводском складе ДСО.

За город Миша выезжал только со школой на уборку овощей, а тут вдруг увидел такую красоту. Куда-то спешащая река, живописные скалы, таинственный лес, вкусно пахнущий вечерний костёр и настоящий надёжный отец – столько сразу свалилось на юную не окрепшую душу.

Почти весь путь Миша сидел на вёслах. Отец, сидевший напротив него, как капитан, изредка подавал команды. Быстрая река и так несла по своему руслу их утлое судёнышко, но с вёслами они быстрее проходили малоинтересные места. Потом причаливали и забирались на высокие камни, чтоб полюбоваться живописными картинами. Как жалели они, что не было у них фотоаппарата. Валентин Михайлович давно собирался освоить это увлекательное дело, но как-то всё откладывал.

На одном из перекатов Миша зазевался и, сильно ударившись о камень, они зачерпнули воду.

- Могло быть и хуже, - сказал Валентин Михайлович на берегу, выливая воду из лодки. – Каждый человек должен уметь выполнять приказы точно и в срок. Я, видя

опасность, скомандовал тебе: «Резко налево!», а ты «ля-ля...», и вот результат. На таких порогах немало разбилось или даже опрокинулось плотов.

Бревенчатых плотов на красавице-реке действительно уже не было. Встретилось им одно громоздкое сооружение, но оно держалось на воде за счёт автомобильных камер. Плыли катамараны с самодельными поплавками. Двухместную резиновую лодку чаще всего обгоняли байдарки. На них были туристы даже из Москвы и Прибалтики. Караваевы не могли понять, как можно, приехав за тысячи километров, спокойно проплывать мимо такой красоты, как «Пять братьев» или «Дыроватые рёбра».

О чём только не говорили за душистым смородиновым чаем и потом в палатке, спасаясь от надоедливых комаров. С какой теплотой вспоминал отец о старом термисте, который заставил его учиться. «В любом деле должна быть надёжная опора», - повторял он сыну слова своего бывшего наставника.

Всё было так рассчитано, что и Лия Борисовна, и туристы вернулись домой в один день. Лия Борисовна посвежела, подлечила, неизвестно отчего появившийся, но донимавший её полиартрит. Загоревшие, пропахшие дымом от костра и смородиновым чаем туристы были переполнены обилием впечатлений. Уходя из дому, Миша с трудом приподнимал отцовский рюкзак с лодкой и палаткой. Теперь, накачав бицепсы и брюшной пресс, он запросто вскидывал его себе на плечи, которые тоже заметно стали шире. Рассказам не было конца. Валентин Михайлович старался не перебивать сына. Лия Борисовна, улыбаясь, внимательно слушала Мишу.

- Как он похож на того молодого термиста! – думала она. – Да, его родила другая женщина, но, видимо, своей похожестью на отца с каждым днём он становится всё ближе и родней.

На какое-то время хозяйка отвернулась, что-то помешивая на плите, ведь одними рассказами сыт не будешь.

- Лия Борисовна, Лия Борисовна, - нетерпеливо затараторил Миша, - а мы ведь чуть не перевернулись.

Хозяйка снова повернулась к рассказчику, который подробно поведал о случае на перекате, честно признав свою вину.

- Чудо ты Караваевское, – сказала Лия Борисовна, не найдя других слов.

Наступила пора перевыборных профсоюзных собраний. Караваев рассчитывал снова вернуться к конструкторской работе, но партком, наблюдая за его работой, считал иначе, а мнение парткома во всём играло большую роль. «Профсоюзы – школа коммунизма» - гласили лозунги, значит, партии они были не безразличны.

С большим трудом удалось Караваеву отказаться от председательского портфеля. Должность зама даже, пожалуй, сложней председательской, если добросовестно работать, но Валентин Михайлович знал, что председателями в завкоме одни и те же деятели сидели по много лет. Это его совсем не радовало.

Снова перебирал он липовые отчёты, следил, чтоб в цехах была оформлена наглядная агитация. По вторникам проводил семинары с профорганами.

Миша опять стал пользоваться магнитофоном при подготовке уроков.

В зимние каникулы купили «Зенит-ТТЛ», портативный увеличитель, ещё разную мелочь и получили первые фотографии, на которых в основном была Лия Борисовна.

Летом повторить сплав по какой-нибудь реке не удалось, ведь у Миши был выпускной класс. На золотую медаль он не вытянул. Из-за какой-то ерунды у него произошёл конфликт с англичанкой.

К выпускному вечеру с большим трудом удалось купить для Миши новый костюм. Большинство выпускников уже давно решили, куда пойти учиться, а для Миши этот вопрос был открытым.

Особой тяги к чему-либо у Миши не было. После знакомства с отцом он столько узнал нового, что готов был заниматься всем и сразу.

Валентин Михайлович, чтоб как-то помочь сыну, пытался разобраться в сложившейся обстановке.

- Мне кажется, - сказал он, бросив на стол просмотренную «Правду», - нашу страну ждут большие перемены. Долгие годы хозяйством страны руководят дилетанты из ЦК. Если всё правильно рассчитать, можно кардинально изменить всю нашу жизнь.

- А что бы ты, папа, изменил? – неожиданно спросил сын.

- Я бы, применив передовые методы, построил красивые добротные дома и всех обеспечил жильём. Построил бы хорошие современные дороги. Вон на западе к любому хутору проложен асфальт, а у нас в дождливую погоду не до каждого райцентра доберёшься, не говоря уж о деревнях. Поэтому и разбегаются люди из села.

- Ну, Караваяев, у тебя не голова а совет министров, – пошутила Лия Борисовна, выйдя из кухни.

- А что? Вот увидите, что будет спрос на экономистов, строителей и дорожников, – настаивал Валентин Михайлович. – Ещё, может, потребуются грамотные юристы, чтоб узаконить все изменения.

- Юристы, экономисты – это не для меня, – возразил Миша. - Я не хочу бумажки перебирать. Лепить типовые коробки - тоже не интересно. Вот строить дороги через реки, горы и долины – это, пожалуй, красиво и интересно. А где этому учат?

11. КИПРЕНСКОЕ

Сразу после выпускного вечера Миша стал серьёзно готовиться к вступительным экзаменам в политехнический институт на автодорожный факультет. Сдал неплохо и в ожидании результата уговорили Лию Борисовну съездить на природу с ночёвкой.

- Я знаю красивейший пруд, - предложил Валентин Михайлович, - где можно покататься на лодке, покататься, наловить для ухи рыбу, словом, хорошо отдохнуть. Завтра же возьму на складе палатку. Я думаю, что в двухместную мы войдём. У рыбаков надо попросить какую-нибудь удочку.

Лия Борисовна первый раз в жизни шла с рюкзаком по лесной дороге. По обе стороны среди невысокого подлеска золотились стройные стволы сосен.

- А вот и наш пруд! – обрадовался Валентин Михайлович, когда путники вышли на плотину. - А я боялся, что он спущен. Нам направо, там есть замечательное место.

- Почему ты боялся? – удивился Миша.

- Почти все пруды, созданные до революции заводчиками и помещиками, давно спущены.

-Почему? - не унимался Миша.

- Да потому, - продолжал отец, - что у советской власти на такие пруды не хватает средств.

- А как же стройки коммунизма?

- Это совсем другое дело. А строили их тысячи заключённых.

- Где же столько их брали?

- Запросто могли арестовать, например, меня за то, что я похвалил заводчиков и помещиков, и возил бы я вместе с другими инженерами, профессорами и артистами на тачке землю.

-Почему на тачке? Есть ведь самосвалы.

- Самосвалы появились потом, а сначала было чудо техники – тележка с одним колесом, так называемая тачка.

- А я думал тачка – это легковая машина.

Они прошли по берегу метров триста.

- Вот смотрите, какая чудесная поляна. А пруд? Какая в нём чистая вода! Рядом лес с обилием валёжника. Всё, готовим кострище и ставим палатку.

- А что за деревня виднеется за прудом? – спросила Лия Борисовна, когда Миша ушёл за дровами.

- Это Кипренское, – коротко ответил Валентин Михайлович.

- Ты зачем меня сюда привёз?! – с возмущением сказала жена. – Что, в области нет другого места?

- Вот купим машину и объездим всю область, – в том же тоне ответил Валентин Михайлович. – А то, что Миша родился в этом селе – ничего не значит.

Скоро на костре забулькал пакетный суп с добавлением картошки. Бывалые туристы быстро установили палатку, предварительно постелив под неё лапник.

- А смородину в чай добавлять будем? – спросил резвившийся Миша.

- Попробуй, поищи, - посоветовал отец. - Лия Борисовна, наверно, такой фиточай ещё не пивала.

Ночь была тёплая.

- Тебе повезло, - сказал Валентин Михайлович, укрывая жену стареньким одеялом. – Комаров-то почти нету.

- Они меня не любят, – отшутилась Лия Борисовна.

Утром, когда запели какие-то птицы, Валентин Михайлович выбрался из палатки, приготовил удочки и стал осторожно будить сына.

- Вы что, хотите сбежать? – спросила проснувшаяся Лия Борисовна.

- Не волнуйся, мы будем рядом, – успокоил муж.

Более часа отец и сын бесполезно махали удочками, используя все рекомендации опытных рыбаков, но упрямая рыба клевать не хотела. Только у самой плотины им повезло. Они быстро надёргали около десятка рыбок. Названия их начинающие рыбаки, конечно, не знали, только один колючий наверняка был ёрш.

Лия Борисовна уже кипятила чай, приготовила салат из свежих огурцов и резала дорогую коммерческую колбасу для бутербродов.

- Доброе утро! – весело приветствовала она.

- Доброе утро! – хором отозвались мужчины.

После завтрака стало тепло. Не остывшая за ночь вода манила искупаться. Миша достал фотоаппарат и стал снимать по-детски бултыхающихся в воде взрослых. Потом накачали лодку, и Миша стал катать Лию Борисовну. Валентин Михайлович, как мальчишка, бегал по мелководью и без конца фотографировал.

На обед была уха с добавкой.

На следующее утро рыбаки сразу пошли к плотине и рыбы наловили намного больше.

- А что за деревня там за прудом? – спросил Миша у отца после завтрака.

- За прудом? – переспросил растерявшийся Валентин Михайлович.

- Это – Кипренское, – ответила за него Лия Борисовна.

- Кип-ренс-ко-е, – удивлённо протянул Миша.

- Да, да, – продолжала Лия Борисовна. - То самое Кипренское, где ты родился, научился ходить и говорить. Папа специально привёз тебя сюда.

- Мы что, пойдём в село? – оживился Миша.

- Прямо сейчас и пойдёте, а я займусь рыбой, вечером ведь надо выбираться домой.

- Надо взять фотоаппарат, – сказал Миша и нырнул в палатку.

У Караваева старшего был самый идиотский вид.

- Какая ты у нас умница, – наконец выговорил он и чмокнул жену в щёчку.

По дороге Валентин Михайлович стал рассказывать, как они, посланцы города, помогали здешнему колхозу в уборке урожая. Подходя к крайнему дому, он вдруг заметил, как у него учащённо забилось сердце. Всё та же покосившаяся калитка оказалась не запертой, а на дверях в сени висел огромный замок.

- Миша, ты здесь ничего не узнаёшь? – спросил он у сына.

Оглядевшись, мальчишка пожал плечами. Они уже собрались выйти на улицу, как Миша вдруг закричал:

- А где смородина?

- Какая смородина?

- Я играл вон на той скамейке и ел сладкую смородину, которая росла рядом.

- Значит, ты вспомнил! – обрадовался Валентин Михайлович. – Как жаль, что дом закрыт. В этом доме, Мишенька, мы встретились с твоей мамой. Здесь ты провёл первые годы своей жизни. Хотя у этого дома сейчас другой хозяин, он мало изменился. Сфотографируй его на память с разных сторон.

В когда-то зажиточном селе то тут, то там стояли заброшенные избы. В пустующем магазине скучала всё та же, только постаревшая продавщица.

- Колхоз наш совсем на ладан дышит, – ответила она на расспросы Караваева. – Все разбежались, всё рушится. Скоро, наверно, и магазин закроют.

Когда снова проходили мимо дома Шуры, Валентин Михайлович рассказал о радиоле, которой наградили бабушку Миши, как его мама, будучи бойкой девчонкой, устраивала возле дома танцы.

- Надо принести с той квартиры пластинки и записать ретроконцерт под названием: «Танцы в Кипренском».

- Запиши, - согласился отец, - это будет интересно. Маме очень нравился вальс «Осенний сон».

- Она, слушая его, часто плакала.

- Боюсь, что я тоже заплачу, ведь мы с ней танцевали этот вальс.

- Вы танцевали?

- Да. Конечно, если это можно назвать танцем. Тогда Шура, чуть ли не впервые, надела протезы. Ей казалось удобней ползать на коленях.

- Так это правда, что ты заставил маму ходить на протезах?

- Выходит, что правда.

- Сегодня у нас опять рыбный день, – объявила Лия Борисовна, когда мужчины пришли к палатке. – На первое уха, на второе жареная рыба.

Отдохнув после вкусного и сытного обеда, с удовольствием предались развлечениям на воде, но надо было возвращаться домой. Слегка подгоревшие, но довольные, они вышагивали по красивой лесной дороге.

- Вам понравилась наша поездка? – обратился Миша к Лии Борисовне.

- Конечно, - коротко ответила она и, помолчав, спросила: - А тебе?

- Очень, – восторженно ответил юноша. – С вами даже на лесной поляне уютно, как дома. А ещё, - добавил он, – я увидел и узнал столько интересного и важного для меня.

- Завтра у нас большой праздник, а мы что-то никого не пригласили в гости, – сказала Лия Борисовна придя с работы.

-Ну, во-первых, день рождения - это праздник семейный, а во-вторых, мы, видимо, как-то не совсем правильно живём. Врагов у нас, кажется, нет, но и настоящих друзей тоже почему-то не завели. Пригласить Костю Чудинова, так он начнёт свои пошлые анекдоты сыпать типа: «Наше дело шофёрское...».

- А можно, я Женю приглашу? – вмешался в разговор Миша.

- Какого Женю? – удивился отец.

- Не какого, а какую, – поправил Миша.

- Мать, ты слышала? – обратился Караваев к жене.

- Отлично слышала, – ответила Лия Борисовна, - что Миша хочет пригласить девочку Женю.

- Ну, и?...

- И нам представляется возможность познакомиться с девочкой, которую наш Миша, видимо, считает своим другом.

- Может, Миша, ты для начала скажешь, кто она такая? – предложил Валентин Михайлович.

- Это Женя Аликина из нашего класса.

-С которой ты разговаривал только мысленно?

- Та самая. А вчера мы с ней встретились, так обрадовались, что проразговаривали не мысленно, а по-настоящему, часа два. Она тоже поступила, только в медицинский. Теперь мы обменялись телефонами и не потеряем друг друга.

- Ну, если так, то давай звони, – согласился отец.

Миша позвонил девочке, пригласил её на день рождения и целый вечер переписывал мамины пластинки.

На следующий день за полчаса до назначенного времени Миша убежал за Женей.

- Это Женя – самый умный и порядочный человек в нашем бывшем классе, – представил он юную, слегка смутившуюся красавицу.

- Наслышаны, - заметил отец.

- А это мой папа Валентин Михайлович, технически очень грамотный человек, – продолжал Миша. – Ну, а это моя вторая мама Лия Борисовна, очень умная, добрая и справедливая.

Пока сидели за столом, поздравляли Мишу с семнадцатилетием, пили коктейль и ели разную вкуснятину, из дальней комнаты доносилась приглушённая накануне записанная музыка.

- Где это ты такую кассету раздобыл? – заинтересовалась Женя.

- Это я сам записал музыку, под которую танцевали наши родители, – сообщил Миша.

- А сможешь для меня кассету сделать? Я маме на день рождения подарю.

- Запросто. Когда надо?

- Через месяц.

Когда вышли из-за стола, включили кассету с группой «Мираж», которую подарила Женя, и Миша стал показывать свои фотографии.

- Смотри, на каком красивом пруду мы были, – комментировал начинающий фотограф.

Женя внимательно рассматривала каждый снимок.

- Какая красота, - согласилась она, - а я нигде не бывала.

- Знаешь, как жалко, - продолжал Миша, - что в прошлом году у нас не было фотоаппарата, когда мы с папой сплавились по Чусовой.

Он достал книжку о Чусовой и, найдя в ней иллюстрацию, сказал:

- Вот по таким скалам мы лазали. Если соберёмся ещё, поедешь с нами?

- Поеду, – не раздумывая, ответила Женя.

12. ЗЕЛЁНЫЙ ЦЕХ

Что ни говори, успех любого дела зависит от руководителя. Особенно это заметно в сельском хозяйстве. Там, где руководитель грамотный и энергичный, даже в засушливое лето собирают приличный урожай и в дождливый сенокос достаточно заготавливают кормов. При пассивном хозяине урожаи снижаются, поголовье на фермах падает, люди бегут в поисках лучшей жизни. Для уменьшения количества таких хозяйств сверху пришла директива о создании зелёных цехов, чтоб промышленные предприятия отвечали не количеством посланных в колхоз людей, а полностью за все показатели.

На совещании при директоре завода с разъяснением директивы выступил зампарторга завода по идеологии Гринь. По его словам получалось, что развалившийся колхоз, включенный в состав завода, через два-три года выйдет в передовые. Меньше оптимизма было у экономистов и замдиректора по быту. Выступающих было много, но все рассуждали, как дилетанты. Глубины поднимаемого вопроса никто не знал. Никто не мог ответить, кто будет работать в зелёном цеху. Карманов высказал своё мнение.

- Для работы в деревне можно привлечь заядлых садоводов, которые еженедельно мотаются за тридевять земель на свои участки, – предложил он. – Или тех, кто десятки лет не могут получить в городе жильё. Для этого людям надо выдать ссуды для постройки добротных домов с большими приусадебными участками.

Ему возразил Гринь. Он, как Хрущёв, боялся, что люди, копаясь на приусадебных участках, забудут про фермы и поля.

- Надо построить многоэтажный дом со всеми городскими удобствами, – кричал он. - Этим мы привлечём рабочую силу и одновременно выполним план по обеспечению жильём. Когда ещё выделят в городе квартиры для нашего завода?!

Мнения разделились. Потом огласили предлагаемые заводу колхозы. Один почти в пригороде, буквально окружённый садовыми участками, другой предлагали в Кипренском.

Караваев, много раз бывавший в этом колхозе, подробно рассказал о красивой природе вокруг села, о просторных ровных полях и широких долинах для сенокоса и выпаса скота.

Скоро Валентин Михайлович опять ругал себя за несдержанный язык. На профсоюзной конференции так разложили карты, что его фамилию даже не включили в список для голосования. Караваев обрадовался, снова собираясь заняться автоматами, но на следующий же день его назначили начальником зелёного цеха. Большую роль в этом сыграла последняя поездка в Кипренское заводской комиссии, в составе которой был и Караваев. Он тогда, как гид, водил комиссию по убогим остаткам развалившегося колхоза. Показал и массив между речкой и бывшей Шуриной усадьбой, где можно выделить участки под строительство домов.

- И зачем мне это было надо, - ругал себя Караваев. – Всю жизнь, как затычка, то туда, то сюда, и всё во имя светлого будущего. Да где оно это светлое будущее? За мою сознательную жизнь, по-моему, мы ни на шаг к нему не приблизились? Уже не за горами пенсия, а я всё мотаюсь.

С виду спокойная Лия Борисовна так возмутилась по поводу нового назначения, что уже неделю не разговаривала с мужем.

- Если сумею поднять этот чёртов зелёный цех, то, может, будет возможность и для своей семьи построить дом в этом красивом месте, – успокаивал себя Караваев. - Но что за цех без рабочих?

Из бывших колхозников в Кипренском и соседних Горбунятах осталось чуть больше десятка. Половина из них почти не бывали трезвыми. Распространённые объявления не дали никаких результатов. Караваев в завкоме профсоюза просмотрел списки очередников на жильё и выписал всех, кто ждал уже более пятнадцати лет. Он сам обходил всех и агитировал переехать на работу в село, где будет возможность построить добротный дом. Некоторые просто ругались, ведь они не для того выбрались в город, чтоб опять переезжать в деревню, но около десятка очередников заинтересовались этим предложением. Костя Чудинов, который всю жизнь работал то шофёром, то трактористом и никак не мог дожидаться, когда снесут их барак и дадут нормальное жильё, тоже захотел перебраться в Кипренское.

На областном семинаре начальников зелёных цехов в основном лились пустопорожние речи. Опять предлагали уравнивать быт селянина и горожанина. Только один директор передового совхоза, где не держат пьяниц, и в дождливую погоду для сушки сена используют даже труд пенсионеров и детей, делился своим опытом. Он поддержал Караваева, который рассказал о строительстве новой деревни с большими приусадебными участками.

Валентин Михайлович почти каждый день ездил на заводской машине в Кипренское, старался спасти остатки имущества развалившегося колхоза, радовался, когда кто-нибудь возвращался в свою деревню. Из старых руководителей остался один агроном, которого оформили заместителем начальника цеха. Советуясь с ним, Караваев готовился к весенним работам. Две семьи уже переехали из города. Их временно разместили в общежитии, где когда-то жили заводские помощники. Лесничество выделило делянку для рубки делового леса.

Всякий раз, проходя мимо дома, где когда-то жила Шура, Караваев предавался приятным воспоминаниям.

Лия Борисовна уже смирилась с новой работой мужа и только изредка ворчала:

- Опять найдёшь какую-нибудь блондинку.

- Кому я теперь нужен, седой да лысый, - отвечал деловой муж.

Вдруг его вызвали на партком. Для начала велели доложить о проделанной работе. Караваев рассказал, как его коллектив готовится к весенне-полевым работам, что остановлен отток людей и уже две семьи переехали в деревню.

- Вот видите, - вмешался начальник отдела кадров Пашин, - он переманивает рабочих с основного производства.

- А вы хоть одного рабочего мне дали?! – возмутился Караваев и в запале добавил:
- Сидите, давите стул, а у меня работать некому.

- Вы, товарищ Караваев, выбирайте выражения, – вмешался Гринь. – Ослаблять основное производство – это, знаете ли, пахнет диверсией.

- Послушайте, вы, главный идеолог, у вас с головой всё в порядке? – багровея, продолжал Караваев. – Когда взвалили на меня «зелёный цех», не вы ли говорили, что это самый ответственный участок на нашем заводе, обещали всячески помогать мне, а чем вы помогли? За целую зиму не могут отремонтировать бывший колхозный УАЗ. Завтра надо начинать посевную, а у меня на ходу только один трактор.

Названивая карандашом по графину, поднялся парторг завода, но Караваева трудно было остановить. Вдруг ему стало трудно дышать.

- Хватит! Мне некогда слушать вашу болтовню! – прокричал он и выскочил из кабинета.

Кто-то предложил объявить выговор, другие сочувственно загудели. Вдруг распахнулась дверь.

- У вас почему Караваев лежит?! – закричал случайно зашедший посетитель. Все бросились в приёмную.

Сознание к Валентину Михайловичу вернулось только в больничной палате. Он долго не мог понять, что с ним произошло, и очень удивился, когда узнал, что у него не лады с сердцем. Поздним вечером он поднялся с кровати и отправился искать телефон. Дежурная сестра страшно возмутилась.

- Вам нельзя вставать, – шумно зашептала она.

- Я всё равно не усну, пока не позвоню домой, – оправдывался Караваев.

- У нас звонить запрещено.

- Ну, пожалуйста. Если я не позвоню, к вам с сердечным приступом привезут мою жену, она, наверно, уже обзвонила все морги.

- Ты что, в своём Кипренском застрял? – сердито спросила Лия Борисовна, когда Караваев дозвонился до дому.

- Да нет. Я в городе. Так случилось, я в больнице, – виновато оправдывался он.

- Что с тобой стряслось? – уже совершенно другим тоном спросила жена.

- Да ничего особенного, случайно упал. Завтра, наверно, выпишут, – врал

Караваев.

Но лежать ему пришлось долго. Мало того, так врачи ещё сказали, что обязательно надо сменить работу на более спокойную. Кроме жены и сына его никто не навещал.

- Вот, доработался... - тоскливо думал человек, который добросовестно трудился на любом посту.

Выйдя из больницы, он сразу пошёл на завод и зашёл в завком, чтоб узнать, как обстоят дела в Кипренском.

- Всё нормально, – успокоил его председатель профкома. – Там сейчас Каминский из отдела снабжения командует. Кажется, у него получается неплохо, а ты давай собирайся в санаторий, вот горящая путёвка. Ты заводу нужен здоровым.

- Я это давно понял, – грустно ответил Караваев и нехотя взял путёвку.

Первый раз за всю жизнь Валентин Михайлович отдыхал в санатории. Процедур у него было не много, ведь грязи и ванны ему были противопоказаны. Он много гулял по парку и лесу. Разные не очень весёлые мысли занимали его голову. Ему казалось, что за последний месяц он из подвижного, решительного молодого специалиста

превратился в старый замшелый никому не нужный пенёк. Многие из его ровесников, совсем не отличавшиеся какими-то особыми способностями, выбились в большие начальники. Он добивался успехов там, куда его посылали. Да, он испытывал при этом чувство удовлетворения, но это было не его. Он должен был заниматься и добиваться успехов совершенно в другом. Теперь ему казалось, что он очень отстал и уже не сможет сказать что-то дельное в области автоматике.

За двадцать пять лет, отданных заводу, он так и ни с кем не сблизился.

Единственный раз он участвовал в общественной пьянке, которую называли партийно-профсоюзным семинаром. В рабочее время на лыжной базе за шашлыками столько было выпито водки, что на следующий день было стыдно смотреть людям в глаза.

Иногда он уходил очень далеко, садился на пенёк или на берег речки и подолгу сидел, наслаждаясь щебетом птиц и шелестом листьев. Завод, которому отдано столько лет и сил, вдруг стал чужим.

Вернувшись домой, он случайно встретил Костю Чудинова, который с руганью набросился на него.

- Куда ты меня втянул? – кричал он. – Хорошо, что я не успел рассчитаться.

Потом уже спокойно рассказал, что там, где хотели строить частные дома, вырыли котлован под фундамент многоквартирного дома.

На следующий день Валентин Михайлович пришел к директору завода и положил на стол заявление.

- Ну, как себя чувствуешь? – спросил директор, не глядя на заявление.

- Спасибо, хорошо, – ответил Караваев.

- Ну что, снова на конструкторскую работу хочешь? – спросил директор, кивнув на заявление.

- Нет. Хочу на пенсию.

- Куда? – переспросил директор и громко захохотал.

- На пенсию, – повторил Караваев, - я ведь, пока учился, термистом работал.

Жалею, что прошлой осенью не ушёл.

- Срочно вызовите ко мне начальника отдела кадров с личным делом Караваева Валентина Михайловича, – приказал директор секретарю.

- Что же ты своевременно не оформил пенсию? – обратился начальник отдела кадров к Караваеву, сразу поняв, зачем его вызвали.

- По-моему, это ваша работа, - спокойно ответил Валентин Михайлович. – Я же говорил, что вы мышей не ловите, а мне высчитывать года было некогда. Вот в больнице от нечего делать высчитал.

В кабинет вошёл зампарторга завода и, узнав о чём идёт разговор, стал громко давать указания Пашину:

- Надо срочно оформить медаль ветерана, всё как положено.

- Может, не стоит, - спокойно сказал Караваев, - зачем награждать тех, кто наносит вред основному производству?

- Да ладно, что привязался к словам?!

- Конечно, стоит ли обращать внимание на вашу высокопарную болтовню.

- Ну, знаешь ли! – возмутился Гринь.

- Знаю, знаю, вам за это зарплата идёт.

Неизвестно, чем бы всё кончилось, но директор, хлопнув ладонью по столу, громко сказал:

- Все свободны! - и спокойно попросил: - Валентин Михайлович, оставайтесь.

Собравшийся уходить, Караваев снова сел напротив директора. Тот молча потёр свою шею и, улыбнувшись, сказал:

- Нравишься ты мне своей прямоотой. Может, останешься конструктором или технологом?

- А как я посмотрю в глаза людям, которым пообещал добротные дома с большими усадьбами? – с грустью ответил Караваев. – Ведь с многоквартирным домом у вас ничего не получится.

13. ПЕНСИОНЕР

Валентин Михайлович никак не мог привыкнуть к обилию свободного времени. Как ни странно, теперь он просыпался задолго до звонка будильника. Лежал и думал над тем, что будет делать после ухода жены на работу и сына в институт. Он ходил по магазинам, отыскивал необходимые продукты, даже научился неплохо готовить, но всё это для него было слишком буднично. Ему хотелось праздника. Иногда он просто ходил по улицам города и читал объявления на трамвайных остановках. К сожалению, все щиты были заклеены предложениями по обмену квартир, а он искал какую-нибудь необычную работу. Вдруг его внимание привлекло объявление: «Срочно продам автомобиль «Москвич-412» с металлическим гаражом...». Валентин Михайлович позвонил по указанному телефону и узнал, что гараж находится в десяти минутах от его дома. Конечно, он мечтал о новых «Жигулях» и капитальном гараже, но для пенсионера эта мечта стала несбыточной. Смотреть «Москвич» пошли с Костей Чудиновым. Он как профессионал, осмотрев все уязвимые места автомобиля, проехал несколько кварталов и сделал заключение, что надо покупать. Денег сразу на машину и гараж у Караваевых не хватало. Выручил всё тот же Костя.

Теперь Валентину Михайловичу скучать было некогда. При первой же возможности спешил в гараж, выводил машину и проверял всё, что можно было проверить. Поменял масло, прокачал тормоза, тщательно вычистил под крыльями и покрыл мастикой. Несколько раз уходил он в гараж с восходом солнца и ездил по пустынным улицам города, ведь навыков вождения автомобиля в современном городе у него не было. В один из воскресных дней он подогнал блестящий оранжевый лимузин к подъезду, и семья Караваевых отправилась в первое автопутешествие. Проехав километров пятьдесят, Караваев свернул к реке, о которой раньше только слышал от рыбаков. Подъехав почти к самой воде, он выскочил из машины и открыв дверку, за которой сидела Лия Борисовна, артистически сказал:

- Прошу купаться.

Почти каждый выходной Караваевы выезжали загород. Их маршруты становились всё длинней и интересней. Из поездок они стали привозить чернику, клубнику, малину и грибы. Каждый раз, когда на пути встречалось красивое удобное место, у Валентина Михайловича просыпалось желание построить или купить деревенский дом, чтоб не мотаться по загруженным дорогам.

Холодным пасмурным осенним утром Караваевы выехали за грибами. Им повезло с погодой. Днём, когда грибники, ползая среди молодых сосёнок и можжевельника, резали мелкие ядрёные рыжики, даже стало жарко. Хотелось пить, а чай в термосе давно кончился. Когда корзинки наполнились, они выехали вслед за грузовиками с зерном к маленькому хуторку. Их внимание привлёк бородатый мужчина в фетровой шляпе с ведром в руках.

- Скажите, пожалуйста! – крикнул Валентин Михайлович, притормозив машину.

- Тут немножко водички где-нибудь можно набрать?

- Вон ключ. Берите сколько надо, не убудет, – ответил дед.

Прихватив термос, Валентин Михайлович побежал за дедом.

- За нашей водой нередко с центральной усадьбы приезжают, – продолжал дед.

- Лия! Миша! Идите, пейте из родника, - крикнул Караваев, попробовав воду, - а в термосе домой для чая увезём.

Обильная струя вкусной холодной воды выливалась из трубы и стремилась к небольшому водоёму, по поверхности которого плавали несколько гусей.

- Хорошо тут у вас, – сказал Караваев, очередной раз хлебнувши воду прямо из ладоней.

- Хорошо-то хорошо, - согласился дед, - только гонят нас отсюда, даже хотят электричество обрезать, а мы со старухой здесь родились и умереть хотим здесь же.

- Как красиво, – сказал Миша, глядя на гусей.

- Раньше тут был большой пруд, - пояснил дед. - Вон по той промытой плотине возили с поля зерно, а теперь не жалеют горючее, семь вёрст объезжают. Когда-то на лошадях возили землю на плотину, чтоб сократить путь от поля до сушилки. Я тогда председателем был.

- А много вас тут живёт? – поинтересовался Валентин Михайлович.

- Остались только мы вдвоём. Недавно уехал сосед Леготкин, хотел дачникам избу продать, так не разрешают, говорят, можно только на слом. Вон за речкой та же история, уже лет пять дом пустует.

- А кто тут всем заворачивает? – допытывался Караваев.

- Да председатель сельсовета Татьяна Мироновна Потапова хочет избавиться от лишней обузы.

- А я бы хотел здесь поселиться, – сказал Валентин Михайлович, садясь в машину.

14. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА

Утром, когда все ушли из дому, Караваев пошёл в гараж. Он не спеша вывел машину, обтёр вчерашнюю пыль, потом, торопливо закрыв гараж, погнал, чтоб разрешить мучивший его вопрос: почему нельзя жить людям там, где им нравится?

Село Октябрьское вытянулось вдоль реки Северной. На центральной площади недалеко от реки стояло двухэтажное здание из серого кирпича. На крыше здания колыхался красный флаг, извещающий о том, что тут находится советская власть. Потаповой на месте не оказалось, но секретарь успокоила, сказав, что председатель сельсовета скоро должна подъехать. Караваев прошёл в другой конец коридора и прочитал табличку: «Председатель колхоза «Луч»». Стукнув для приличия в дверь, Валентин Михайлович вошёл в кабинет, в котором сидели двое мужчин.

- Кто из вас будет председателем колхоза? – спросил Караваев.

- Председателя нет, – как-то неуверенно ответил сидящий за столом моложавый мужчина и тут же добавил: - Пока я за него.

Караваев извинился, что обращается не по адресу и сбивчиво попытался изложить свой вопрос.

- А вы что, хотели бы там купить дом? – поинтересовался исполняющий обязанности председателя.

- Не отказался бы, – ответил Караваев.

- Сельсовет не разрешит.

- Почему?

- Сейчас там проживает всего одна семья. Если всё-таки удастся её перевести на центральную усадьбу, отпадут все проблемы.

- А какие проблемы?

- Летом почти никаких, а зимой полтора километра дороги надо чистить.

- Понятно. Значит, решили сэкономить на чистке дороги, а почему не экономите на вывозке зерна с полей? Ведь отремонтировать плотину в Сосновке не так уж сложно.

- Да. Раньше, говорят, была дорога по этой плотине, но не доглядели, промыло, а восстановить - руки не доходят.

- Послушайте, - вмешался второй мужчина, - это не вы ратовали за частные дома с большими приусадебными участками в «зелёных цехах» на областном семинаре?

- Было дело, – признался Караваев.

- Ну и как ваша новая деревня?

- А никак. Меня выгнали на пенсию.

- Ну, это уже безобразие. Крепкого человека, воплощающего в жизнь прекрасные идеи, в самом расцвете сил выгоняют на какую-то пенсию.

- Видите ли, молодой человек, когда вас ещё не было на свете, я уже работал у горячих печей.

- Ну, теперь понятно, а чем же вы теперь занимаетесь?

- Хочу, чтоб не мотаться по пустым магазинам, сам выращивать лук, картошку, помидоры, какую-нибудь живность на мясо.

- Интересно. А пшеницу не хотите выращивать?

- Пшеницу пусть специалисты выращивают.

- Специалисты как раз этим и занимаются, но им не хватает хорошего организатора.

- Да, бывает, – согласился Караваев и направился к двери.

- Подождите, подождите, – остановил его собеседник. – У меня к вам деловое предложение.

- Какое? – удивился Караваев.

- Вам надо возглавить здешний колхоз «Луч».

- Да что вы, я же пенсионер. Вон сидит товарищ молодой, наверняка знающий дело.

- Да, он хороший агроном, но не командир, а я слышал, как вы горячо отстаивали свою точку зрения. Да вам и на самом деле есть резон хотя бы год-другой удержаться на плаву когда-то передовой колхоз.

- А резон-то в чём? – переспросил Валентин Михайлович.

- Я думаю, что вы, как председатель колхоза, и я, представитель райкома, вдвоём уломаем Потапову и домик в Сосновке будет ваш.

- А иначе не получится?

- Я уверен, что не разрешит. Она баба упёртая. Впрочем, попытайтесь, кажется, она появилась. А потом зайдите ещё сюда, чтоб оговорить детали.

От последних слов Караваев засмеялся и направился к председателю сельсовета.

Конечно, ничего хорошего Потапова не сказала. Она даже не говорила, а строчила, как пулемёт.

- Выполняя решение районной власти, - тараторила она, - мы обязаны до нового года семью Поляковых переселить в Октябрьское. Дом вы можете купить и перевезти куда угодно или распилить на дрова.

- А я хочу жить в Сосновке, – вставил Караваев.

- Сосновки в нашем сельсовете больше нет, – закончила Потапова и взялась за телефонную трубку.

Выйдя из здания сельсовета, Караваев сел в свою машину. Он уже сожалел, что зря примчался за восемьдесят километров. Рядом стоял УАЗик, в котором скучал водитель. Караваев вспомнил о представителе райкома и решил на всякий случай взять его телефон.

- Ну, что? – улыбаясь, спросил представитель райкома. – Я оказался прав?

- Я не понимаю, - сказал Караваев, - как можно выселять старых людей из родного гнезда?

- Так у нас ведь делают всё для их же блага, – с иронией вмешался исполняющий обязанности председателя колхоза. – Переселяют в село, где есть магазин, медпункт, библиотека, дискотека.

- Без дискотеки старикам никак нельзя, - добавил Караваев.

- А вы забыли, что в Октябрьском есть водопровод, - вставил представитель райкома, – и лет через пять проведут газ.

- Только для чая воду мы из Сосновки возим, - заметил временный председатель колхоза, - а до газа не знаю, доживём ли, не говоря уж о Поляковых.

- Ну, решайтесь, – сказал представитель райкома после минуты молчания и протянул Караваеву листок бумаги. – Вот мои координаты. Подумайте, а в среду я хотел бы видеть ваши документы. В райкоме партии спросите Светлакова Василия Николаевича. На всякий случай дайте мне ваш телефон.

Домой Валентин Михайлович ехал не спеша. Первый раз партийный руководитель не давил на него, а предлагал или даже советовал.

Лия Борисовна закатила настоящую истерику.

- Куда ты суёшь свою дурную голову?! – кричала она. - Совсем недавно я ходила в церковь и молила Бога, чтоб он помог тебе поправиться. Тебе, что, мало одного инфаркта?

- За меня молиться нельзя, я ведь атеист, – попытался пошутить Валентин Михайлович.

- Какой ты атеист, если ты крещёный?

- Я же коммунист, ведь даже в Уставе комсомола написано: «бороться с пьянством, хулиганством, религиозными предрассудками».

- Я из комсомольского возраста давно выросла. Сейчас пора уже о душе подумать.

- По-моему, это не совсем порядочно и называется фарисейством или лицемерием. Вот представь себе, если какой-нибудь секретарь райкома или горкома пойдёт в церковь замаливать свои грехи.

- Когда прижмёт, так пойдёт.

- Ну, значит это липовый коммунист, которому партбилет нужен был только исключительно для карьеры.

- Ишь, какой дубовый коммунист нашёлся.

- Какого воспитали, такой и есть. Вот если встречусь я со Всевышним на том свете, то попрошу, чтоб воздал мне по заслугам. Я хоть атеист, но верующим никакого вреда не нанёс. Честно трудился. Жил, можно сказать, по христианским заповедям. Только один раз согрешил, зато у нас растёт сын.

А знаешь, если бы в школе нам вместо мифов древней Греции и древнего Рима преподавали историю религий, я бы, может, стал истинным христианином, а может и мусульманином, ведь в нашем бараке почти половина были татары, с которыми мы жили очень дружно. Но если два татарина дерутся, лучше не суйся. Они быстро помиряются и вдвоём тебя же поколотят.

Лия Борисовна засмеялась, а Караваев продолжил разговор о председательской работе.

- Ведь без работы я не усижу, – пытался убедить он жену, - а на завод не пойду принципиально. Не в дворники же мне идти. Главное, у нас будет дом на берегу пруда.

- Разве это пруд? – возразила Жена - Какая-то лужа.

- Восстановить плотину для колхоза – дело пустяковое.

- У нас и денег-то нет для такой покупки.

- Я уже встречался с хозяином дома. Он, зная, что Сосновка ликвидируется, просит совсем недорого. А дом-то, как говорит дед Поляков, сложен на стойках из лиственницы, значит, большого ремонта не требует.

- Это, выходит, мы тебя совсем не будем видеть, - постепенно соглашаясь с мужем, сказала Лия Борисовна.

Миша даже выключил магнитофон, чтоб лучше разобраться в сложившейся ситуации. Он соглашался с Лией Борисовной и хорошо понимал отца.

- А ты как считаешь? – спросил его Валентин Михайлович, когда сели ужинать.

- Колхоз и домик в деревне - дело хорошее, - ответил он и, подумав, добавил: - Но рискованное.

- А кто не рискует, тот не пьёт шампанское, – парировал отец.

- Это красиво звучит, - согласился Миша, – Но видел бы ты, как переживала Лия Борисовна во время твоей болезни.

- Так она у нас паникёрша.

- Неправда. Наоборот, она очень трезво смотрит на происходящее.

- Ну, довели меня тогда, - признался отец, – теперь ведь совсем другое дело. Я смогу самостоятельно решать все вопросы и главное, я теперь понял, что не стоит принимать близко к сердцу слова начальников.

- А не ты ли говорил мне на Чусовой, что надо уметь быстро и точно выполнять приказания?

Наступило неловкое молчание.

- Я от своих слов не отказываюсь, – продолжил Караваев. – К сожалению, в последнее время стало много отдаваться дурных приказаний, а это говорит о том, что наше общество лихорадит.

- Ну, папа, ты, по-моему, ударился в философию.

- Философ из меня плохой, но я, как животное, каким-то нутром чувствую, что скоро нас ждут большие перемены. Если мы сейчас упустим момент, потом неизвестно что будет.

Народу в сельском клубе собралось не так уж много. Мужчин почти не было, только перед самым началом собрания мимо Караваева прошла троица мужиков, пропахнувших табаком и водкой, и уселась на заднем ряду. Светлаков, прежде чем представить Караваева, словно оправдываясь, много говорил о том, как долго искали кандидатуру. Потом он так красочно описал Валентина Михайловича, что тот даже сам удивился, какой он хороший специалист сельского хозяйства. В конце он многозначительно добавил, что Караваев - член КПСС и отвечать за колхоз будет не только перед селянами, но и перед партией. Голосовали почти единогласно, только мужикам на последнем ряду было безразлично, кто будет ими командовать.

Караваев не знал о чём говорить, когда ему предоставили слово, но вспомнил слова Светлакова о том, что раньше колхоз был в числе передовых и быстро выстроил ход своих мыслей.

- Может, кто-нибудь скажет мне, почему колхоз «Луч» из передовых стал отстающим? – обратился он к залу.

- Так у нас председатель был непутёвый, а потом совсем сбежал, – ответили из зала.

- Значит, в этом колхозе за всех должен работать председатель, – сказал Караваев и, повернувшись к Светлакову, добавил: - Мы так не договаривались.

Представитель райкома развёл руками.

- А мне кажется, что если каждый на своём рабочем месте будет добросовестно выполнять свои обязанности, то независимо от председателя показатели у колхоза будут высокими. Меня поразило то, что в таком большом коллективе не нашлось ни одного патриота, чтоб возглавить своё родное хозяйство. Выйдите на Красный угор, посмотрите вокруг. Какая красота! Поля, луга, берёзовая роща у реки, а за деревней добротные фермы. Неужели ради пьяного угара всё это запустим и растащим? Сразу хочу предупредить, что тем, кто любит выпить во время рабочего дня, придется подыскивать работу в другом месте.

- А с кем работать будешь? – крикнули с заднего ряда.

- Не волнуйтесь, - успокоил Карavaев, - желающих работать в таком красивом месте я найду. Я знаю, что в каждом дворе содержат какую-то живность. Это похвально, но безобразно то, что кормится эта живность за счёт колхозных ферм. Чтоб не было стыдно смотреть друг другу в глаза, надо обязательно организовать завоз и продажу комбикормов для животных в частных хозяйствах. Установить строгий контроль за кормами на фермах. Расхитителей колхозного добра будем отдавать под суд. Будем привлекать к ответственности и тех, кто покупает или выменивает на водку зерно и фураж. Если мы ликвидируем разбазаривание колхозного добра отдельными недобросовестными лицами, то, я думаю, сможем организовать продажу зерна и фуража колхозникам и пенсионерам по специальным льготным ценам с доставкой на дом. Хватит понимать превратно пословицу: «Это всё колхозное, это всё моё» или «От многого немножко - это не кража, а просто делёжка». Отдельные лица, растаскивая колхозное добро, наносят большой вред всему хозяйству. От того, какой будет у нас урожай, какие надои и привесы, зависит благосостояние каждого из вас. Я думаю, что мы найдём общий язык. В таком красивом месте должно быть красивое и богатое село.

На следующее утро Карavaев вместо планёрки сам поехал по всем объектам колхоза. Разговаривая, как с руководителями, так и с рядовыми колхозниками, он записывал в блокнот наиболее важные вопросы. Обещал в ближайшее время разобраться. В колхозной мастерской, куда он еле проехал на своём Москвиче, узнал, что водитель председательского УАЗика Толя Усачёв уже неделю меняет масло в двигателе и регулирует зажигание.

- Кончай филонить, - сказал он водителю, - завтра в девять тридцать поедem в поле.

Ночевать первое время Валентин Михайлович ездил домой в город, хотя ему показали квартиру, в которой до него успели пожить уже два председателя. На складе нашлась кровать, стол и пара стульев. На выходные приехала Лия Борисовна. Помыла окна, пол, постелила на кровать привезённую постель. Заниматься домом в Сосновке пока не было времени. Чтоб предотвратить переселение Поляковых, при встрече с Потаповой Карavaев сказал, что в Сосновке будут возрождать пруд и разводить рыбу. Ещё он сказал, что придётся туда селить какого-то сторожа.

Скоро новый председатель имел полное представление о хозяйстве, как по документам, так и лично посещая все объекты, поля и луга. Уже почти всех членов хозяйства знал в лицо. Одни - не многословные, добросовестно трудились. Другие спешили сообщить о тех, кто за бутылку готов спереть всё, что плохо лежит. Третьи старались не попадаться на глаза. Карavaев понимал, что его грозные предупреждения на собрании остались пустыми словами. Он узнал, кто и где почти ежедневно ворует зерно и фураж, но, как говорят, не пойман – не вор. На участкового, родом из этого же села, надежды было мало.

- Надо поймать с поличным, – думал председатель, – но это значит, надо самому прятаться, выслеживать и задерживать воришек. Нет, это дело не председательское.

Приехав из райцентра, Карavaев попросил водителя завернуть на молочно-товарную ферму, доярки жаловались, что тракторист Федька несвоевременно вывозит навоз. У другого конца фермы, где расположен склад и кормодробилка, стояла лошадь, запряжённая в сани с флягами. Это Иван Дергачёв каждый день возил на свиноферму поросётам молоко. Из-за шума кормодробилки он не слышал, как прошёл председательский УАЗик. Положив в сани тяжёлый мешок и прикрыв его сеном, Иван спокойно поехал на другой конец села. Карavaев не стал разбираться с навозом, а разыскав заведующую фермы Анну Ивановну, предложил ей сесть в машину и велел водителю догнать Дергачёва. Удивлённый Иван не хотел останавливаться, но председатель поймал лошадь за уздцы и строго спросил:

- Что везёшь?

- Молоко, – ответил растерявшийся Иван.

- А сидишь на чём?

- На сене.

- А под сеном?

- Так это, ну, как его, - начал юлить Иван, сочиняя на ходу, – заведующая просила увезти. У них там дробилка сломалась.

- Кто просил?! – закричала вышедшая из машины Анна Ивановна. – Ты хоть меня-то не вмешивай, ворюга!

Свиноферма была уже рядом. Выгрузив фляги, поехали в правление: Анна Ивановна на машине, а Валентин Михайлович на санях рядом с Иваном. Всю дорогу молчали, только у подъезда Караваев скомандовал:

- Заноси в кабинет!

- Зачем?

- Не выбрасывать же колхозное добро.

Оказавшийся в сельсовете участковый оформил акт задержания с поличным.

Водитель колхозного УАЗика Толя Усачёв почти целыми днями читал книжки да разгадывал кроссворды. Председателю ездить было некуда. По селу он больше любил ходить пешком, а в город ездил на своём Москвиче. Иногда кто-нибудь просил свозить заболевших пенсионеров в районную больницу.

- Ты, Толя, что-нибудь ещё умеешь делать, кроме того, что баранку крутить? – спросил председатель водителя, когда тот удобно развалился на диване в фойе правления с книжкой в руках.

- Я на флоте электриком служил, – с гордостью ответил Толя.

- Электриком? – обрадовался Караваев. – Ну-ка, бросай книжку и пойдёшь запусти у Анны Ивановны кормодробилку. Электрик Гена с утра пьян, в трёх проводах разобраться не может. Я его отстранил от работы.

- А чё я-то? – удивился Толя.

- Ну, давай, я пойду, думаю, что разберусь, а ты садись за мой стол и решай судьбу Ивана Дергачёва и электрика Гены. Через час они подойдут.

- Нет уж, я лучше кормодробилку запущу.

- Смотри, чтоб не долбануло тебя, а то отправишь меня за решётку.

- Не волнуйтесь. Я аккуратно.

Через полчаса в кабинет председателя колхоза явился Иван Дергачёв.

- Ну, как думаешь жить? – спросил Караваев.

- Нормально, – несколько развязно ответил Иван.

- Если б было всё нормально, у нас бы и этого разговора не было. Ты хоть знаешь, что тебе грозит срок?

- Да заплачу я за этот мешок! – с раздражением выкрикнул Иван.

- А в селе почти каждый третий говорит, что ты привозил им зерно, фураж или комбикорм. Это уже на большой срок тянет.

- Кто это говорит?

- Об этом узнаешь в суде.

Минуты две оба молчали. Караваев перекладывал какие-то бумаги, а Дергачёв перебирал свои рукавицы.

- Я могу тебе помочь и замять дело, наконец сказал председатель, - но при одном условии.

- При каком? – оживился Иван.

- Ты должен исчезнуть из села, если не насовсем, то надолго.

- Я могу в город к сестре уехать. Устроюсь дворником или в магазин грузчиком.

- В магазин тебе нельзя, не удержишься от соблазна и быстро сядешь. Впрочем, это уже не моё дело. Всё, свободен. Там ещё один ждёт. Завтра приходи за документами и последней зарплатой.

- А чё, Генку тоже выгоняете?

- А что ещё с вами делать, если вы не хотите нормально работать и жить?

На следующий день Толя Усачёв уже официально работал электриком, Председатель сам сел за руль колхозного внедорожника и получил большое удовольствие, разъезжая по занесённым улицам.

Приехав на выходные в город, Караваев случайно встретил шлифовщицу Люсю из инструментального цеха, которая с мужем переехала в Кипренское. Она рассказала, что из зелёного цеха ничего не получается. Каминский там показывается редко. Усадьбы не дают, а у многоквартирного дома даже фундамент не могли заложить. Нету денег. Им удалось получить ссуду, но вносить на строительство дома не решаются. Когда Люся узнала, что Караваев работает председателем колхоза, она тут же стала проситься к нему на любую должность.

- Вы сначала приедьте, посмотрите, подойдёт ли вам, чтоб я снова не оказался в обманщиках. На первое время у меня за стенкой пустует квартира, а место у нас красивое, не хуже Кипренского.

На праздник, посвящённый Дню советской армии приехал Светлаков. Он прибыл заранее и о чём-то долго разговаривал в кабинете председателя сельсовета. В своём выступлении перед собравшимися в зале поздравил всех мужчин и очень тёплые слова сказал в адрес участников Великой Отечественной войны. После небольшого концерта художественной самодеятельности он напросился в гости к Караваеву.

- Хочу посмотреть, как живут наши председатели, – сказал он.

Караваев не ожидал такого, но отступить было некуда.

- Да-а-а, – многозначительно сказал представитель райкома партии, оглядев аскетически обставленное жилище председателя колхоза.

- У тебя хоть есть из чего выпить за наш праздник? – спросил он, выставляя на стол бутылку коньяку.

- Только бокалы, из которых пьют чай, - ответил хозяин скромного жилища.

- Ну, давай бокалы, из большого не выльется, и ещё захвати нож порезать лимон.

Хорошо, что Валентин Михайлович на всякий случай привёз из города кусок коммерческого сервелата.

- Первый раз пью коньяк из такой посуды, - смеясь, сказал Светлаков, - даже не знаю, по сколько наливать.

Выпив за праздник, мужчины долго молча жевали колбасу.

- А теперь давай за тебя, - предложил Светлаков и не давая возразить Караваеву, продолжил: - Если бы в нашей стране было больше таких людей, как ты, мы бы жили совсем иначе.

После второй разговор оживился, хотя говорил больше Светлаков. Он поинтересовался, как обстоят дела с покупкой дома.

- Не откладывай, – посоветовал он. – Я, кажется, Потапову убедил, что ты здесь тоже важный начальник.

Валентину Михайловичу казалось, что Светлаков, как будто, прощался. Взглянув на часы, он поднялся и, словно извиняясь, сказал:

- Водитель, наверно, устал меня ждать, а ты держись, и что бы ни случилось, оставайся самим собой.

Дня через два Потапова сама зашла к Караваеву и завела разговор о Сосновке.

- Что, вы, правда, хотите там разводить рыбу? – спросила она.

- И не только рыбу, - ответил Караваев, соображая, куда клонит Татьяна Мироновна, - там замечательное место для пасеки.
- А дом покупать вы уже раздумали?
- Нет, не раздумал, только никак не могу найти место, куда его перевезти.
- Да ладно уж, оставляйте на старом месте. Я хоть отчиталась, что Сосновку переселили, но как-нибудь выкрутимся.
- Сегодня выселили, завтра заселили. Всё меняется согласно обстоятельствам, – подытожил разговор Караваев.

15. В СОСНОВКЕ

Наступили яркие мартовские дни. Семейство Караваевых решило провести выходные дни за городом. С ними, захватив лыжи, поехала даже Женя.

- Какой простор! Какая красота! – кричала она, когда они с Мишей забрались на Красный угор. – Надо было солнцезащитные очки взять, а то глазам больно смотреть.

- А мы сейчас лесом пойдём вон к тем домикам, – сказал Миша. - Один из них скоро будет нашим.

По лесу шли медленно. Миша, стараясь не сбиться с выбранного направления, прокладывал лыжню. То тут, то там попадались забавные заячьи следы. В кронах деревьев задорно тинькали синицы. Где-то громко барабанил дятел. Иногда лыжники подолгу любовались снежными скульптурами, созданными русской зимой. Когда молодёжь добралась до Сосновки, Караваевы старшие были уже там, о чём свидетельствовал стоящий УАЗик. От основной дороги вела узкая, прогребённая лопатой, тропинка к воротам добротного сельского двора. После яркого солнца ребята с трудом ориентировались в незнакомой темноте. Наконец, им удалось через бревенчатые сени проникнуть в просторную избу, где Караваев с супругой проводили ревизию приобретаемого жилища. Двум комнатам и кухне, конечно, требовался хотя бы косметический ремонт, но при необходимости в избе уже можно было жить. В крытом дворе, заваленном разным барахлом, размещались амбар и вросшая в землю конюшня.

- А куда денем весь этот хлам? – спросила Лия Борисовна, показывая на заваленный двор.

- Тут не всё хлам, - возразил Валентин Михайлович. – Тут есть весьма интересные вещи. Вот, например, ткацкий станок.

- Он же деревянный, – удивилась Женя.

- Правильно, – согласился Караваев старший и продолжал: - Раньше деревянной сохой даже землю пахали. А это настоящие кросна. Таким экспонатом не каждый музей обладает, а в нашем сосновском будет.

- Ты что, собрался музей открывать? – смеясь, спросила Лия Борисовна.

- А что? Вот выведу колхоз в передовые и займусь музеем. Посмотрите, какие интересные корчаги.

- Это же горшки, - заметила Женя.

- Горшки бывают маленькие, - пояснил Валентин Михайлович. – а это корчаги, в которых хранили квас, брагу, пиво.

- Может что-то из этого старый хозяин заберёт? – спросила Лия Борисовна.

- Нет, он сказал сжигать или вывозить на свалку. Так что сами разбираться будем.

Через неделю в Сосновке проводился авральный субботник, в котором участвовала и Женя. Долго топились русская печь, мылся потолок, стены, окна, пол. Пришли соседи Поляковы. Они радовались, что их больше не выселяют и предлагали свою помощь. От помощи Караваевы отказались, но Лия Борисовна договорилась с Клавдией Петровной Поляковой о том, чтоб Караваев хотя бы два раза питался у них. Она только недавно узнала, что колхозная столовая зимой не работает.

Теперь председатель колхоза стал жить в своём доме в Сосновке. Вечерами топил печь, отбрасывал снег от строений, разбирался с барахлом старого хозяина, планировал, что надо починить в ближайшее время.

Яркое солнце и тёплый ветер, как мороженое слизывали с полей последний снег. Затихали ручьи и всё громче горланили грачи на старых берёзах возле фермы. По утрам, когда Караваев заводил УАЗик возле скворечника на усадьбе Поляковых, скворцы взахлёб распевали свои весенние песни. У председателя наступало самое

ответственное время. Он никак не мог понять олимпийского спокойствия главного механика, который убеждал, что ещё есть время для подготовки техники. Только чуть подсохло, Караваев посадил в машину главного агронома и поехал по полям.

- Ну, дорогой, смотри, где можно начинать пахать, – спрашивал он Синицина. – Я ведь в этом ничего не понимаю.

- Весенняя погода самая капризная, – рассуждал агроном. – Сегодня пахать ещё сыро, а через неделю уже пересохнет. Не зря раньше даже ночами пахали.

- А сейчас нельзя ночью пахать?

- Сейчас не заставишь.

- Надо попытаться.

Отсеялись в два приёма. Помешала гроза, но всё равно сев провели, по словам Синицина, удачно.

Когда председатель с агрономом, проверив поля, подъехали к правлению, увидели райкомовскую машину. Вместо Светлакова приехал новый представитель по фамилии Ожгибесов.

- Почему не доложили, что отсеялись? – грубо спросил он.

- Как я могу докладывать, пока сам не проверил, – ответил Караваев.

После того как Ожгибесов записал все цифры, касающиеся посевной, он предложил кандидатуру на должность главного инженера.

- Надо трудоустроить коммуниста, хорошего специалиста, офицера инженерных войск.

Дня через три в кабинет председателя колхоза резко вошёл мужчина лет тридцати пяти.

- Капитан инженерных войск Сухановский Георгий Степанович прибыл в ваше распоряжение, – по-военному доложил он и, улыбаясь, сел напротив председателя.

Вспомнив разговор с Ожгибесовым, Караваев почему-то даже не посмотрел документы прибывшего, а забеспокоился о его проживании.

- Не волнуйтесь, – успокоил капитан. – У меня в пятнадцати километрах семья. Пока буду ездить на мотоцикле. Потом куплю машину.

С прибытием в село коммуниста Сухановского, стал вопрос о создании в селе партийной организации, в которую входили ветеран войны, директор школы, учитель, председатель колхоза и главный инженер. Поскольку основным предприятием в селе является колхоз, то решили партгоргом избрать главного инженера Сухановского.

Кое-кто в Октябрьском знал семейство Сухановских из соседнего села и сам Георгий быстро нашел старых знакомых. Скоро даже мальчишки знали его, но не как главного инженера Георгия Степановича, а как капитана Жору. Особым вниманием он пользовался у незамужних женщин. Не отличаясь разборчивостью, он часто стал заглядывать к Тамаре, которую уже не раз увольняли с работы за пьянку. Только из-за несовершеннолетней дочери ей удавалось снова устроиться на ферму.

Два дня трудился бульдозерист в Сосновке над восстановлением пруда. Работой руководил Иван Трофимович, ведь когда-то по его инициативе заменили провалившийся бревенчатый мост на земляную плотину. Полдня только откапывали и чистили замытую и с годами заросшую трубу. Потом дело пошло быстрее, но слабеньким бульдозером оказалось не так-то просто нагрудить на плотину нужное количество грунта. Кроме этого, надо было иметь в виду, что осенью по этой плотине пойдут грузовики с зерном. На следующий день на обновлённую дамбу привезли несколько машин гравия, и бульдозерист долго разравнивал и утрамбовывал дорогу. Гуси Поляковых, не дожидаясь полного наполнения пруда, устроили шумное купание. Впервые увидев такой просторный водоём, они, размахивая крыльями и шлёпая лапами по поверхности воды, пробегали почти весь пруд из конца в конец.

- Ну, - сказал Караваев за ужином, – теперь надо где-то мальков раздобыть.

Сенокосу мешали кратковременные дожди, но силос и гранулы из сенной муки готовили почти непрерывно. Когда дожди кончились, все силы бросили на заготовку клевера и лугового сена. Для частных подворий жители Октябрьского тоже заготавливали сено, и его надо было на чём-то вывозить. Трактористы и шофёры умудрялись каждый день делать по несколько левых рейсов, получая за это водку. Утром с трясущимися руками они садились за баранку.

- Слушай, Аркадий, - обратился Караваев к агроному, - у нас есть хоть один не пьющий тракторист ?

- Ой! Это довольно сложный вопрос, - со смехом ответил Синицын и, подумав, добавил: - Хотя есть шофёр Серёга Орехов. Он без повода не пьёт.

- Надо завтра же направить его на вывозку частного сена, - решил председатель. - Плату брать за это строго запретить, а платить ему, как за вывозку колхозного сена. Так мы, пожалуй, больше выиграем.

Неожиданно к Караваеву приехала Люся Фомина из Кипренского с мужем, который мог работать почти на любом станке, а так же сварщиком. Посмотрев фермы, мастерскую и двухкомнатную квартиру, где можно поселиться, Фомины окончательно приняли решение о переезде в Октябрьское.

- Не знаю, что делать с Тамарой Чикилевой, - пожаловалась Анна Ивановна председателю, - опять запила.

- Выгнать, - строго сказал Караваев.

- А кто работать будет?

- Найдём нормальных телятниц, а пьяницы нам не нужны.

Через несколько дней протрезвевшая Тамара, как ни в чём не бывало, явилась в телятник.

- Наконец-то, - обрадовались телятницы, - а то мы совсем запарились.

- Потерпите, девочки, ещё, - попросила Анна Ивановна. - Завтра новая телятница выйдет. А ты, красавица, - уже строгим голосом обратилась она к Тамаре, - дуй в правление за расчётом. Ты уволена.

- Анна Ивановна, я больше не буду, - как маленькая стала уговаривать Тамара.

- Хватит! - отрезала заведующая фермы, - надоело с тобой нянчиться, и девчонки не лошади за тебя пахать.

Всё чаще председатель с агрономом выезжали в поля, срывали колосья пшеницы, разминали их в ладонях и пробовали на вкус. Не раз Караваев заезжал и в мастерскую, чтоб ещё раз убедиться в готовности техники к уборке урожая.

Неожиданно в село на колхозной машине привезли комбикорм. Продавая его, сразу составляли список, кому понадобится зерно по льготной цене.

Сухая погода позволила быстро и без потерь собрать хороший урожай.

Сухановский не замедлил отрапортовать в райком. Через несколько дней в колхоз приехал корреспондент районной газеты. Трудно было определить самых лучших, чтоб их портреты поместили в газете.

Когда в районе подвели итоги работы за год, колхоз «Луч» из отстающих вышел на второе место. Председатель был доволен. Колхозники воспрянули духом.

На своём огороде Караваевы тоже собрали первый в своей жизни урожай. На небольшой части распаханной усадьбы у них вырос крупный лук, картошка, немного моркови. Лия Борисовна обзавелась разной литературой по выращиванию овощей, даже выписала журнал «Приусадебное хозяйство». На будущий год собралась выращивать огурцы, помидоры, капусту и попросила Валентина Михайловича построить рассадник и парник. В избе покрасили окна, пол и оклеили стены

недорогими, но приятными обоями. Привезли кое-какую ненужную в городе мебель, и жилище приобрело цивилизованный вид.

Иван Трофимович то хлебом, то кашей подкармливал на пруду мальков карпов и ругал гусей, которые тоже хотели полакомиться.

Мише принесли повестку из военкомата. Конечно, плохо прерывать учёбу в институте, но что делать, кто-то ведь должен охранять нашу Родину. Валентин Михайлович хорошо помнил, как за три года он забыл всё на свете. Хорошо, что у него были сданы вступительные экзамены. Теперь Мише предстояло служить всего два года. Лия Борисовна, наслушавшись о дедовщине, переживала больше всех.

- Может, справку раздобыть? – предложила она.

- Вы что? – возразил Миша. – Я ведь тогда перестану сам себя уважать.

Но Лия Борисовна стала рассказывать где-то услышанные истории, связанные с дедовщиной.

- Да не волнуйтесь вы, - успокоил Миша, - я ведь не зря полгода на каратэ ходил.

- Ты, главное, не лезь на рожон, но и в обиду себя не давай, – посоветовал отец.

Когда провожали новобранцев, Женя почти не отходила от Миши.

16. ДТП

Наступил ноябрь с его неустойчивой погодой. Белый пушистый снег, так уютно прикрывший матушку землю, от мелкого дождя растаял за один день. Снова стало грязно, противно, скучно.

Караваев вспомнил, что у колхозного УАЗика совсем износились покрышки и, взяв в бухгалтерии на подотчёт деньги, поехал в город. С ним напросилась Потапова, чтоб не гнать вторую машину. У Татьяны Мироновны были какие-то дела в облизполкоме, а вечером должна была ещё кого-то навестить. Валентину Михайловичу тоже хотелось побыть дома, и выезд в деревню они планировали поздним вечером. Высадив Потапову около облизполкома, Караваев поехал на авторынок. Выйдя из машины, он неожиданно встретил Костю Чудинова, который был в приподнятом настроении.

- Слушай, даже не верится! – кричал он на всю улицу. – Наконец-то снесли наш барак. Пойдём, вон в этом доме я покажу тебе нашу трёхкомнатную.

- Ну, если только не надолго, – согласился Караваев.

В просторной квартире был ещё ералаш, повсюду стояли чемоданы, коробки, мешки.

- Это нам к тридцатилетию дали, – сказал Костя, обняв жену Любу.

- К какому тридцатилетию? – не понял Караваев.

- На той неделе исполнилось тридцать лет как мы вместе, – хором ответили

Чудиновы.

- Ну, поздравляю, – сказал растерявшийся от неожиданности Валентин Михайлович и добавил: - Как годы-то летят.

- А мы сейчас это отметим, – оживился Костя и откуда-то достал бутылку шампанского.

- Нет, нет, - запротестовал Караваев. – Я за рулём.

- Да ты что? Это же всего лишь шампанское, – обиделся Костя, распечатывая бутылку.

Хлопнула пробка и три бокала наполнились шипучим вином.

- Ну, будьте счастливы в этой просторной квартире, – сказал Караваев и отпил пол бокала.

- А знаешь, - прервал тишину Костя, - лично меня эти бетонные стены как-то не очень радуют. Даже гвоздь невозможно забить. То ли дело дерево. А Галя после случая с Кипренским раскатала губы на деревенскую усадьбу и постоянно просит хотя бы мичуринский участок.

- Зачем вам мичуринский? Это ведь всё равно, что коммунальная квартира.

- Хорошо бы в деревне какую-нибудь развалюху купить, - сказал Костя. –
Говорят, нынче можно без прописки.

- Ты давай не мудри, - остановил его Караваев, - а переезжай ко мне в колхоз механизатором. Лет за пять построишь себе добротный дом, а в квартире будут жить дети и внуки. Колхоз не то, что в Кипренском, на второе место по району вышли. Природа тоже очень красивая. Рядом река, ягоды, грибы.

- А что, Люба, стоит подумать, - согласился Костя. – Ведь не за горами пенсия.

Люба принесла какую-то закуску и предложила ещё выпить, но Караваев категорически отказался и, извинившись, заспешил по своим делам.

Лия очень обрадовалась приезду мужа.

- Совсем отбился от рук, - говорила она поглаживая побелевшую голову. –
Наверно нашёл пышногрудую доярку. Лекарство-то принимаешь?

- Принимаю, принимаю, – ответил муж, показывая из кармана маленькую скляночку.

Валентину Михайловичу не хотелось уезжать из дому, но он обещал заехать за Потаповой и опасался за новые покрывки, оставленные в машине.

Около одиннадцати часов, заехав за Татьяной Мироновой, Караваев покидал город. Напротив ресторана «Ворота города» стоял автобус. Караваев, чуть приняв влево, стал объезжать его. Вдруг со стороны ресторана выбежал что-то кричащий и размахивающий руками мужчина. Заскрипели тормоза, раздался сигнал УАЗика, но ничего не видевший мужчина налетел на остановившийся автомобиль и упал рядом с ним. Водитель автобуса приоткрыл дверку, показал пальцем у виска и отправился по маршруту. От ресторана подбежало несколько выпивших мужчин. Они громко ругались, угрожали Караваеву и велели везти упавшего в больницу. Валентин Михайлович, не выходя из машины, велел приятелям налетевшего самим вызывать скорую помощь и ГАИ. Медицинская помощь не понадобилась. Пьяного пешехода посадили в милицейскую машину, а Караваеву велели следовать за ней. Валентина Михайловича попросили написать объяснительную. В соседней комнате шумел пьяный пешеход и кто-то громко смеялся, словно встретились приятели.

- Всё ясно. Виноват пешеход. Вы не волнуйтесь, – успокаивал инспектор Караваева.

В комнату вошёл капитан и сказал, что надо проехать на экспертизу.

Впервые в жизни Валентин Михайлович дул в трубку. Он был уверен в своей трезвости.

- Что пил? – грубо спросил доктор.

- Чай с брусничным вареньем, – ответил испытуемый.

- А ещё что?

Караваев пожал плечами, потом, подумав, спросил:

- А может показать, если я утром выпил пол фужера шампанского?

- Ну вот, всё ясно, – обрадовался доктор. – Пил шампанское.

Когда вернулись в ГАИ, Караваева снова просили не волноваться и ехать домой, только права до какого-то выяснения забрали и обещали переслать их по месту жительства, то есть, в район.

Никогда раньше Караваев не чувствовал себя так нелепо и глупо. Уже по дороге он вспомнил, что перед выездом из дома он принял сердечные капли, которые на спирту. Пытавшаяся поучать Потапова подливала масло в огонь.

- Хватит! – грубо обрезал её Караваев. – Не видите, что ли, какой гололёд образовался? А у нас колёса лысые.

На выходные председатель приехал в город автобусом. Ничего не сказав семье про ДТП, он остался до понедельника, чтоб разобраться в ГАИ.

- Что ж вы хотите, - удивился начальник ГАИ, – если в пьяном виде сбили пешехода?

- Совсем наоборот, – возразил Караваев. – Это пьяный пешеход налетел на остановившуюся машину.

Сколько ни доказывал свою правоту, сколько ни спорил, всё было бесполезно. Не зря, видимо, водители не любят гаишников.

Через две недели Караваева вызвали в районную ГАИ. Там фактически никакого разбирательства не было. На основании присланных документов Караваева лишили водительских прав сроком на один год.

Спустя какое-то время Сухановский пригласил председателя в комнату, где сидели главные специалисты колхоза.

- Вот, Валентин Михайлович, из района пришла бумага, - начал Сухановский, взглянув на сидевшего рядом главного агронома и ехидно улыбнувшись. – И я как парторг должен провести с вами работу.

- Какая бумага? – удивился Караваев.

- Оказывается, вы в пьяном виде на машине сбиваете людей.

- Это недоразумение, – спокойно сказал Караваев.

– Какое недоразумение, если вот, бумагу прислали.

– Слушай, Георгий, а сколько сейчас водка стоит?

– От четырёх до шести рублей.

– Ну вот, значит, ты пьёшь, если знаешь цену, а я даже цену не знаю. Так какого чёрта ты меня воспитываешь?

– Но я обязан отреагировать.

- Тебе что, делать нечего? – взбесился председатель. – Давишь задницей стул, а молокопровод третий день не работает. Марш сейчас же на ферму!

Хлопнув дверью, Караваев ушёл в свой кабинет и достал валидол.

- Спокойно, спокойно, - уговаривал он сам себя. – Ты не должен волноваться.

Было ясно, что капитан Жора просто так это дело не оставит. На следующее же утро председатель пошёл на конный двор. Лошади большого дохода хозяйству не приносили, но вполне окупали своё содержание. Все мелкие перевозки в селе производились лошадьми. Пахать огороды селяне тоже считали лучше на лошадях. Караваев пристально присматривался к красивым и умным животным.

- Что проверяете? – спросил неожиданно появившийся конюх.

- У нас есть приличные лошади, на которых можно ездить верхом? – спросил председатель.

Конюх не сразу понял вопроса, помешкав, сказал:

- Это надо спросить у Ванюшки.

- Какого Ванюшки?

- Ванюшка Парापир, он у меня всех молодых объезживает. Видимо, в нём цыганская кровь бурлит. Сейчас вот на этом красавце скачет, но, по-моему, он ещё плохо слушается.

- А как его зовут? – поинтересовался Караваев.

- Ванюшка Буяном назвал.

В тот же день вечером председатель колхоза обучался верховой езде. Плотно сбитый подросток Иван Парापир подобрал ему не молодую, но ещё довольно резвую и удивительно послушную кобылу. Внимательно выслушав небольшой инструктаж,

Караваяев забрался в седло и тронул поводья. Молодой инструктор, лихо вскочив на Буяна, стал показывать, как надо держаться в седле.

К концу недели начинающий жокей уже свободно владел рысью и пробовал галоп. За это время стал более покладистым и Буян. Старый конюх где-то раздобыл добротное седло и узду всю в латунных блёсках. Красивую сбрую Ванюшка подогнал по Буяну. Скоро председатель, как заправский джигит, разъезжал на красавце скакуне.

Иван с гордостью смотрел на плоды своего труда.

Вдруг позвонили из райкома и велели явиться в указанный срок. Можно было посадить за баранку любого водителя, или обратиться к Потаповой, но упрямый председатель решил ехать на коне. Было ещё темно, когда Караваяев отправился в путь. Лёгкий морозец пробирался под куртку с искусственным мехом. Буян самостоятельно переходил с рыси на галоп и обратно. Вот и райцентр. Около райкома стоял УАЗик и ещё две новые не знакомые Караваяеву машины. Привязав коня к фонарному столбу, председатель пошёл в райком, но то ли от долгого пути, то ли от волнения у Караваяева пересохло во рту. Рядом был маленький магазинчик, где продавали соки, кофе, чай. Купив стакан чая, Караваяев отошёл к стойке возле окна, откуда было видно, как ведёт себя привязанный конь. Мимо окон прошли раздетые люди, это были члены райкома. Они с шумом вошли в магазин и попросили по бутылке пива. Председателю спешить было некуда и он спокойно допивал чай, не привлекая к себе внимания. Когда партийные руководители ушли, он тоже направился в райком. Как на провинившегося школьника набросились на седого председателя партийные лидеры, хотя старшему из них ещё не было и сорока. Больше всего они обвиняли Караваяева в том, что он проигнорировал парторга Сухановского. Стараясь не волноваться, он просто отмалчивался. Наконец, не выдержал и спокойно сказал:

- Может, вы позволите мне объяснить, как произошло это недоразумение.

- Какое недоразумение, если есть документ, что ты в пьяном виде сбил пешехода? – не унимался Ожгибесов.

Караваяев пытался объяснить, как он, непьющий человек, был признан пьяным, но его почти не слушали.

- Что за цирк позволяете вы? – сказал секретарь райкома. – На кобыле в райком приехали.

- Это, с вашего позволения, не кобыла, а конь. Вы, наверно, забыли, что наш район сельскохозяйственный, так знайте, что в нашем колхозе ещё есть конный двор, в котором содержатся приличные кони.

Ожгибесов продолжал защищать Сухановского, которому Караваяев не дал провести воспитательную работу. Постепенно у сдержанного председателя стали сдавать нервы.

- Вам что, делать нечего? – вспыхнул он.

- Да он забыл куда пришёл, – возмутился Ожгибесов.

- Да. Я ехал в наш райком, а попал в какой-то пивбар.

Все дружно зашумели, но его уже понесло.

- Как можете вы, набравшись пива, - продолжал он, - воспитывать меня, непьющего? Или вам положено пить на работе?

Райком словно взорвался, а распалившийся Караваяев предложил:

- Давайте пригласим сюда эксперта и проверим каждого из вас. Если полфужера шампанского через четырнадцать часов показало наличие алкоголя, то вы, полчаса назад выпившие по бутылке пива, уж точно не трезвы.

Громче всех на Караваяева кричал Ожгибесов:

- Выгнать его к чёртовой матери из партии и снять с работы!

- С работы? Хоть сегодня, - согласился председатель. – Только люди вам этого не простят. Один ваш капитан Жора что стоит. Из этого трепача главный инженер такой

же, как из меня скрипач. Ладно, мне некогда заниматься с вами пустопорожней болтовнёй, на мне пока ещё целый колхоз висит.

Уже не слушая крики членов райкома, Караваев вышел из кабинета и заспешил на свежий воздух. Его сердце стучало как молот. Присев на ограждение у автостоянки, он почувствовал себя совсем плохо. Валидола в кармане не оказалось, он остался дома в рабочей куртке.

- Девушка, - обратился он к проходящей мимо молодой женщине, – вы не сможете сбегать за валидолом.

Аптека была за углом, и через три минуты у Караваева было спасительное лекарство.

- Может, всё-таки вызвать скорую? – предложила женщина.

- Нет, нет, спасибо, - отказался он, – сейчас мне будет лучше.

17. ПРОЩАЙ, УТОПИЯ

Валидол действительно помог. Купив в магазине буханку чёрного хлеба, Караваев покормил своего скакуна и направился в обратный путь. Ребятишки у детского садика прыгали от восторга, увидев живую лошадь. На здании ремзавода почти метровыми буквами было написано: «Народ и партия едины». Буян шёл красивым шагом. Это позволяло Караваеву спокойно размышлять. Прочитав надпись на стене ремзавода, он задумался над тем, что дала народу коммунистическая партия.

- Захватив власть путём военного переворота, коммунисты развязали отвратительную братоубийственную гражданскую войну, – размышлял Караваев. – Сколько народу погибло в ней! А сколько умных, талантливых и просто любящих свою Родину были вынуждены покинуть Россию. Потом ликвидировали крестьянство. В тридцатых годах уничтожили всех грамотных военных начальников. Превратив страну в огромный ГУЛАГ, развернули настоящий геноцид против своего народа. Да, были и немалые успехи. В тридцатых годах резко вырвалась вперёд наша промышленность. Мы разгромили фашистских захватчиков. Первыми вырвались в космическое пространство. Но благодаря каким жертвам всё это достигнуто, если даже сам Королёв не избежал ареста. В далёком детстве мне казалось, что гуманизм и коммунизм - слова близкие по значению, но на самом деле это далеко не так. Долгие годы нам обещают светлое будущее, но почему-то за всю мою сознательную жизнь мы ни на шаг к нему не приблизились. Коммунизм – это просто утопия. А ведь если захотеть, то можно не в далёком будущем, а через два-три года жизнь простых людей в нашей стране сделать намного зажиточней и интересней. А вера в светлое будущее - это больше походит на какую-то религию, чем на главную идею народной партии.

Неожиданно для себя Караваев сделал вывод, что он не согласен с главной идеей партии.

- Всё, надо кончать, - решил он, – но надо так написать заявление о выходе из партии, чтоб райкомовские деятели не могли отказать.

Всадник слегка дёрнул поводья, и Буян тут же перешёл на галоп. Знакомые пейзажи подняли настроение у Караваева.

У правления ждал Ваня Парапир.

- Ну, как съездили? – спросил он.

- Нормально, – ответил председатель, слезая с седла и добавил: - Буян молодец.

- Да в райкоме- то как? – допытывался подросток. – Капитан Жора трепался, что всыплют вам по первое число.

- В райкоме тоже нормально, ведь за первым числом бывает и второе, и третье. Всё перемелется. Живы будем, не помрём, – пошутил председатель, обняв парнишку за плечи.

Не зная отцовской ласки, Ваня растерянно застеснялся. Караваев почувствовал это и неожиданно спросил:

- Откуда, дружок, у тебя такая странная фамилия?

- Это у меня батя из Молдавии. Он здесь в леспромхозе работал, а потом уехал к себе на родину. Там у него, оказывается, семья, дети.

- Ну а национальность у тебя какая?

- Конечно русский. Ведь были великие русские мореплаватели Крузенштерн, Беринг, а я буду великий конюх Парапир. Всё лучше, чем Поносов. Я, когда паспорт получал, взял фамилию отца. Вот закончу школу и пойду работать на конный двор.

- Э, нет, дружище, - возразил Караваев. - Тебе надо учиться дальше. Из тебя может получиться хороший главный животновод.

В тот же вечер Караваев написал заявление о выходе из партии, но, прочитав его утром, порвал. Так было несколько раз. Критиковать КПСС он не боялся, но считал бесполезным занятием. Надо убедить, что он потерял веру в построение коммунизма и потому не имеет морального права быть членом КПСС. Когда председатель колхоза принёс своё заявление к парторгу, тот потерял дар речи. Через три дня открылось партийное собрание с повесткой: «Персональное дело коммуниста Караваева».

- Товарищи коммунисты! – торжественно начал свою речь Сухановский, но вовремя спохватившись, покашлял и уже совершенно в другой тональности продолжил:

- Я должен вам сообщить, что в нашей партийной организации не всё в порядке. Ещё в ноябре коммунист Караваев, находясь в нетрезвом состоянии, совершил наезд на пешехода, а три дня назад написал заявление, которым наносит страшный вред нашей коммунистической партии.

- Да, действительно произошло ДТП, - перебил выступавшего Валентин Михайлович. – Только было всё наоборот. Пьяный пешеход налетел на уже остановленный автомобиль. Вы все знаете, что я не пью. Наш секретарь тоже это отлично знает и я уверен, что он уже послал в ГАИ письмо с просьбой во всём тщательно разобраться. А заявление, наверно, будет лучше, если его прочитаю я сам.

Обескураженный Сухановский не знал, что делать, а Караваев взял со стола листок и, не глядя на него по памяти, не спеша, высказал своё заявление.

В наступившей тишине было слышно, как тяжело дышал ветеран войны Александр Максимович. К шумному дыханию добавлялся слабый звон его орденов и медалей.

- Вот вы, товарищ Бушмелев, - обратился Сухановский к ветерану, - как самый старший из нас, вправьте мозги нашему председателю.

- А чо? – хрипло отозвался Александр Максимович, - я бы сам давно такое написал, да грамоты не хватает. А главное, боимся мы. На фронте не боялся, а в мирной жизни запугали. Мы ведь как думали: разгромим фашистов и лет через пять, ну, самое большое, через десять заживём как нормальные люди. А нам всё говорят: подождите, потерпите. Да этого светлого будущего никогда не будет. Нас фронтовиков-то на всё село четверо только осталось. Дочь Нюрка говорит, что в городе все магазины пусты. Вот оно – светлое будущее.

Сухановский уже пожалел, что дал слово обычно немногословному ветерану. Теперь он надеялся только на директора школы.

- В заявлении Караваева, - сказал директор школы, - я лично ничего крамольного не нахожу. Всё изложено логично. Предлагаю удовлетворить его просьбу.

- Да вы что? – взбесился секретарь партячейки. – Сговорились что ли? Нас за это по головке не погладят.

Через полмесяца Караваева вызвали в райком. Сначала он не хотел ехать, но потом, прихватив валидол, снова на Буяне отправился на проработку.

Удивительно, но о прошлом инциденте никто не напоминал, и даже не кричали на Караваева, а спокойно выслушали его заявление, Только Ожгибесов не удержался.

- Да как можно не верить в научно доказанную истину – коммунизм?! – возмутился он.

- А вы, товарищ Ожгибесов, верите в загробную жизнь? – спокойно спросил Валентин Михайлович.

- Какая ещё загробная жизнь? Это же религиозные предрассудки. Ты ещё спроси, верю ли я в Иисуса Христа.

- Коммунизм – это тоже религия, а с рождества Христова почему-то почти во всём мире ведётся летоисчисление.

Ожгибесов, набрав побольше воздуха, хотел ещё что-то выдать, но первый секретарь остановил его:

- Хватит! Всё ясно, а вы, Валентин Михайлович, можете идти. Наше решение мы сообщим вам по телефону.

- Ну вот, всё обошлось даже без валидола, – подумал Караваев, выйдя на улицу. Ему показалось, что райкомовские даже чего-то боялись.

18. ПЕРВОЕ МЕСТО

Теперь Караваеву надо было, во что бы то ни стало, вывести колхоз на первое место. Вывести врагам назло, друзьям на радость и можно спокойно кончать с работой. Подолгу сидели они с агрономом над картой колхоза, и каждый раз инженер-автоматик узнавал что-нибудь новое из области агрономии. За Красным угором было небольшое, окружённое лесом, поле. Это поле много лет давало обильный урожай, но кому-то взбрело в голову увеличить это поле и вырубил лес до самой реки. Теперь там даже в тихую погоду сквозит, как в форточке. Зимой весь снег сдувает в реку. В начале апреля всё поле уже чистое. Сев проводится в совершенно сухую землю. Даже в прошлом году, когда в мае были дожди, там овёс, по сравнению с другими полями, дал плохой урожай.

- Можно попробовать в феврале провести снегозадержание, – предложил Сеницын.

- Что ж ты раньше молчал?! – обрадовался председатель.

Долгими вечерами Валентин Михайлович писал письма сыну, но ни о ДТП, ни о выходе из партии не говорил ни слова. Писал больше о природе, о своих новых познаниях в сельском хозяйстве, о планах на будущее. Давал полезные советы по армейской жизни. Письма от солдата были короткими, но удивительно тёплыми. Он уже водил автомобиль и осваивал БТР. Почти каждую неделю звонила Женя и сообщала, что у Миши всё в порядке. Конечно, Жене он писал более обстоятельные письма.

Костя Чудинов никак не мог решиться переехать в Октябрьское, ведь зимой в колхозе у механизаторов работы не много. Но вот Караваев узнал, что колхозные лесорубы, заготавливающие деловой лес для пилорамы, организовали нелегальную продажу дров в другие деревни и на вырученные деньги каждый день напиваются прямо в лесу. Караваев лично, как говорят, застучал водителя при разгрузке дров. Изворотливый шофёр наврал, что помог престарелой тётке, и что больше этого не

повторится. Однако через несколько дней люди видели, как колхозная машина с дровами снова ушла в соседнюю деревню, а жёны лесорубов пожаловались председателю профкома колхоза, что их мужья пьяные чуть не замёрзли в лесу. Председатель, не раздумывая, снял водителя с машины и позвонил Косте, чтоб он срочно приезжал на работу.

Лесорубы чужака встретили довольно прохладно, но скоро поняли, что без выпивки они могут заработать намного больше. Поселился Костя в двухквартирном доме через стенку от Фоминых. В выходные на Москвиче Караваева ездили в город. Иногда наоборот, жёны на автобусе приезжали в деревню. Вчетвером ходили на лыжах. Чудиновым очень понравилось место у реки, где они будут строить свой дом.

Как-то в кабинет председателя робко вошла Тамара.

- На работу не возьму, – опередил её Караваев.

- Да я по другому вопросу, - виновато сказала женщина, прикрывая дверь.

Она долго, сбивчиво объясняла цель визита.

- Такими делами у нас занимается профсоюз, - сказал председатель, с трудом поняв суть вопроса, – но ты не член профсоюза. Значит, надо идти к парторгу Сухановскому.

- Так я на него и жалуюсь.

- А-а-а, – протянул Караваев, окончательно поняв в чём дело. – Тогда напиши заявление участковому, и посадят нашего капитана Жору за растление несовершеннолетних.

- Посадят? – удивилась Тамара. – Да сажать-то, может, не надо.

- А я бы тебя посадил за плохое воспитание дочери. Ей хоть шестнадцать-то исполнилось?

- Недавно.

- А я слышал, что она уже в прошлом году никому не отказывала.

- А чё с ней сделаешь, ведь не зашьёшь у неё.

- Значит, я должен повлиять на Сухановского, чтоб он с тобой спал, а твою дочь не трогал.

Тамара молча опустила глаза.

- Извини, - продолжал Караваев, – я такой власти не имею, тем более, что у Жоры есть жена и семья. А заявление участковому ты обязательно напиши.

- Так посадят ведь.

- Не бойся. Таких не сажают.

За зиму Фомины и Чудиновы заготовили и вывезли лес для строительства своих домов и оформили документы на земельные участки.

Когда началась посевная, Костя сел на трактор и сразу выбился в передовики. Погода была как по заказу, и сев провели в сжатые сроки.

Костя Чудинов несколько дней отдыхал в городе. До отправления автобуса оставалось часа три, когда он случайно на улице встретил Альфреда Бабича, бывшего соседа по бараку. Альфред очень обрадовался и набивался к Косте в гости, но он сказал, что скоро уезжает в Октябрьское, а у него ещё куча дел.

– Куда, куда? – переспросил Бабич и, услышав ответ, обрадовался ещё больше.

– Так у меня там двоюродный дядька Николай Григорьевич Замараев живёт. Его все знают, - затараторил он.

Костя не знал никакого Замараева и не знал, как отвязаться от Альфреда, от которого слегка отдавало спиртным.

– А ты давно его навещал? – спросил Костя. – Может, его уже живого нет?

– Да ты что? – возмутился Бабич. – А вообще-то лет десять не был, а может и больше.

– Вот так мы поддерживаем родственные отношения, - констатировал Костя.

– Слушай! Решено! – закричал Бабич. – Я еду с тобой. Сейчас сбегая за чемоданом и на автовокзал.

Костя уже сидел в автобусе, когда прибежал запыхавшийся Бабич с большим чемоданом.

Бабич был известен как балагур и весельчак. Он знал сотни анекдотов, умел их рассказывать, постоянно сыпал поговорки и пословицы. Ещё школьником Костя видел его на сцене заводского клуба и долгие годы считал настоящим артистом. На самом деле он работал технологом, но постоянно участвовал в самодеятельности: читал стихи, часто свои, пел сатирические куплеты, нередко был ведущим концертов. Одно время работал в заводской газете. Женился он поздно, хотя пользовался большим успехом у женщин. Жена, солистка самодеятельного хора, была намного младше его и страшно ревновала буквально ко всем. Детей у них почему-то не было.

Альфред долго вытирал платком взмокший лоб, потом стал вводить Костю в курс сложившейся ситуации.

Долгие годы он терпел не обоснованную ревность своей супруги. Особенно большие скандалы были у них восьмого марта, когда Бабич писал стихотворные поздравления своим сотрудницам. Не раз она рвала или сжигала уже законченные стихи.

– Скажу честно, - признался Альфред, - некоторые приятные особы вдохновляли меня на лирические стихи, но это была чисто платоническая любовь, а она, а она...

– Что она? – не понял Костя.

– Застукал я её с другим и не где-нибудь, а в нашей постели.

– Ну дела-а, – протянул Костя, а Бабич продолжал:

– Чуть не убил обоих, а потом извинился и ушёл. Мы же культурные люди. Вот надо где-то пожить месяц -другой, чтоб успокоиться.

Ни Николая Григорьевича Замараева, ни его жены в живых уже не было. Лет семь за их избой приглядывают соседи и не дают растаскивать. Когда-то лет двадцать назад приезжал с Украины к Замараевым сын, а потом, говорят, он погиб в автокатастрофе. А внуков даже никто не видал.

Конечно, Альфред Бабич рассчитывал совсем на другое, но не возвращаться же обратно. Совсем старенькие соседи отнеслись к нему приветливо, даже обрадовались. Они хорошо знали его мать и многое могли рассказать про дядю Николая.

Несколько дней Альфред жил у соседей, но потом привёл в божеский вид избу Замараевых и переселился туда. Он не думал, что с выходом на пенсию так круто изменится его жизнь. Вечерами за чашкой крепкого чая у него стали появляться стихи с глубоким философским смыслом.

Зашёл как-то Бабич в колхозный клуб. Обрадовался, обнаружив там неплохую библиотеку. Приветливая симпатичная заведующая библиотекой в свою очередь обрадовалась новому посетителю, а когда Альфред прочитал несколько стихотворений на сельскую тему, тут же вызвала заведующую клубом.

– Вот этого товарища надо обязательно привлечь к участию в нашей самодеятельности, – объявила она.

Не секрет, что дни летом намного длиннее, но и дел у селянина летом немало. За делами быстро летит время. Посевная, сенокос и вот уже жатва. Председатель на своём Буяне неожиданно появлялся то тут, то там. Одних он хвалил, других просил, а кое-кому доставалось и крепкое слово. Урожай удался на славу. Особенно радовал ячмень за Красным угором.

- Ну, Аркадий Иванович, с твоими знаниями и опытом быть тебе председателем колхоза, – постоянно твердил Караваев.

Когда Лия Борисовна вышла из автобуса, председатель провожал последние машины на элеватор.

- Смотри, какую пшеницу мы вырастили, – сказал он, приподнимая полог. – Чувствуешь запах хлеба?

Лия Борисовна кроме запаха пыли ничего не уловила, но глядя на восторженного мужа, согласно кивала головой.

- Почему я не пошёл в сельхозинститут? – продолжал Караваев. – Это, оказывается, так интересно, так здорово. Ведь если никто не мешает и добросовестно работать, то наше сельское хозяйство может не только Советский Союз, но и полмира прокормить.

- Ты что, и дальше собрался тянуть ляжку председателя? – испуганно спросила Лия Борисовна.

- Об этом дома поговорим, – сухо ответил муж, заметив подошедшего Сухановского.

Сам он давно уже окончательно решил после завершения страды подать в отставку. Через полгода Лия Борисовна выходит на пенсию и надо вплотную заняться своим индивидуальным хозяйством. Надо обязательно заводить какую-то живность. В газете напечатали заметку, что в селе Абрамово разводят необычных коз, которые дают много молока. Вот таких коз и собирался завести Караваев, а у него даже нет нормальной конюшни. Надо выписать лес и до весны срубить новую конюшню. Всё хуже и хуже становилось с продуктами. С протоварами тоже не лучше. Второй год Валентин Михайлович пытается купить новый костюм. Сначала не мог подобрать по фигуре, а потом одежды в магазинах совсем не стало.

При виде обильного урожая Караваеву порой казалось, что страна выходит из прорыва, но пустые полки в городских магазинах говорили совсем о другом.

Лия Борисовна насажала столько разных овощей, что в её отсутствие вечерами Караваеву приходилось не только поливать, но и даже кое-что пропалывать. В результате урожай получился неплохой. Пока Валентин Михайлович работал, он мог под зарплату при забое на ферме брать мясо. А что будет дальше?

Когда в районе подвели итоги, и местная газета сообщила о том, что колхоз «Луч» по всем показателям занял первое место, решили провести собрание. На собрание приехал Ожгибесов, видимо, об этом позаботился парторг. Отчёт председателя был немногословен. Он старался доказать присутствующим, что при добросовестном труде без пьянства намного повышаются не только показатели колхоза, но и материальное положение колхозников. В конце он поблагодарил всех членов коллектива, при этом низко, низко поклонился.

Главный экономист колхоза зачитала приказ по колхозу о премировании лучших тружеников коллектива. Караваев лично вручал премии и от всей души жал руки людям, которые не подвели его.

Потом неожиданно вышел дед Трофим Ивнович с гармошкой и с ним баба Маня с балалайкой из ансамбля «Сударушки». Они запели куплеты, прославляющие героев дня. Досталось в куплетах и нерадивым. Бабич тоже присутствовал на собрании и наблюдал, как люди реагируют на его работу.

Со вторым вопросом было намного сложнее. Люди не хотели отпускать председателя, так много сделавшего для них.

- Товарищи, войдите в моё положение, – умолял Караваев. – От двух инфарктов я убежал, а третий меня доконает. Извините, но мне хочется дождаться внуков. Я обещал спасти колхоз от развала и эту задачу выполнил. Теперь прошу отпустить меня на пенсию. На должность председателя колхоза я предлагаю кандидатуру Сеницына

Аркадия Ивановича. Это очень грамотный и ответственный товарищ. Без него мы бы не получили такого урожая.

– Нет, нет! – закричал Синицын. – Я не смогу. В агрономии я разбираюсь, а командовать не умею.

Караваев сам не обладал особыми командирскими чертами, но, тем не менее, справился с таким не лёгким и совершенно не знакомым ему коллективом. Синицина уважали за его знания, и лучшей кандидатуры не было. Но слово попросил Ожгибесов.

– Да. Караваев был не плохим председателем, - начал он, – правда, последний год он стал не туда гнуть и пошёл против линии партии.

– Это выходит, что он против партии вывёл колхоз на первое место, – сказала с места главный экономист колхоза.

– Одному председателю ничего не сделать, – стал выкручиваться представитель райкома. – Первое место – это заслуга всего коллектива.

Он хотел ещё что-то добавить очерняящее председателя, но понял, что народ его не поймёт и сразу перешёл к кандидатуре Синицина.

– Зачем насильно заставляя человека, - сказал он, - если в колхозе есть немало достойных людей.

После этого стали предлагать кандидатуры от главного экономиста до заведующего складом, но все давали самоотвод. В зале наступил шум и даже хохот. Выждав какое-то время, снова взял слово Ожгибесов. Он предложил на должность председателя Сухановского и так расхвалил его, что сам капитан Жора удивился.

Караваеву хотелось прекратить разыгранный балаган, но для этого он должен был остаться председателем и объявить прямую войну Ожгибесовым и Сухановским. Для таких сражений требуется крепкое здоровье, а он уже полез за валидолом.

Когда выходили из клуба, шутница бабка Онисья по-своему показывала разыгранный спектакль.

– Равняйся, смирно! Кто за капитана Жору? Единогласно! – выкрикивала она, вскидывая кверху руку.

Все смеялись, хотя надо было плакать.

– Что мы с тобой наделали?! – сказал Караваев Аркадию Ивановичу на следующий день. – Ведь этот капитан в два счёта развалит весь колхоз.

– Извини, я не думал, что выберут этого бездельника, – понурил голову, ответил главный агроном.

– Я сегодня всю ночь не спал, - продолжил Караваев. – Мы с Иваном Трофимовичем Поляковым до утра о крестьянской жизни проговорили.

19. ТЕНЬ БЫВШЕГО

На заводе стали задерживать зарплату и началось большое сокращение, но Лии Борисовне дали доработать до пенсии. Дорабатывая последние дни, она, как всегда, резво шагала домой. Совсем недалеко от проходной её остановил пожилой мужчина.

– Здравствуй, Лия, – сказал он, слегка придержав за локоть.

Лия Борисовна не сразу узнала своего бывшего мужа. Вместо стройного смазливового bruneta перед ней стоял обрюзгший, лысый, седой, с большим животом тип. Только голубые нагловатые глаза напоминали о прежнем Артёме Черникове.

– Мне надо с тобой поговорить, – продолжал он.

– О чём? – коротко спросила Лия Борисовна.

– О нашей жизни.

– Ты откуда свалился? У меня своя жизнь, у тебя своя. Какой у нас может быть разговор? – сказала пришедшая в себя Лия Борисовна.

– Мы же любили друг друга, – не унимался Артём.

– Да, когда-то тебе удалось задурить голову несмышлёной девчонке, но после того, как мы ещё в утробе убили живое существо, я возненавидела сначала тебя, а потом и себя, и вообще выбросила из своей жизни само слово «любовь».

– А как же Караваев? – не унимался Артём.

Лии Борисовне не хотелось продолжать неприятный разговор и, сверкнув рассерженным взглядом, она сказала повышенным тоном:

– А Караваева ты не трожь. Это святой человек.

– Святой, - повторил Черников, громко смеясь, - только на стороне сына завёл.

Последние слова буквально взбесили Лию Борисовну.

– Ты что, следишь за нами?! – закричала она. - Пусти! Некогда мне с тобой рассусоливать!

Оттолкнув Артёма, Лия Борисовна, не оглядываясь, устремилась к трамвайной остановке.

На следующий день Черников снова поджидал её. В этот раз он вёл себя более осторожно. Чуть ли не после каждого слова извинялся. Старался разжалобить свою бывшую жену.

– У меня ведь кроме тебя никого на свете нет, – говорил он.

– Ты же сам не хотел иметь детей и меня лишил дочери, - сказала долго молчавшая Лия Борисовна. – Что, надоела свободная жизнь?

– Надоела, – признался Артём. – У меня ведь всё есть: квартира, работа, деньги. Слушай, что мы стоим? Вон моя «Ауди», давай подвезу, куда надо.

– Никуда я не поеду с тобой, – строго сказала Лия Борисовна и хотела уйти.

– Ну что тебе дался этот Караваев с задрипанным «Москвичом». Я тебе личную машину куплю, какую захочешь. Будешь сама разъезжать. Ну не могу я без тебя.

– Слушай, Черников, усвой своими примитивными мозгами: это у меня есть всё, что надо нормальному человеку, а за то, что ты испортил мне всю мою жизнь, я тебя ненавижу и не смогу ни одного дня прожить с тобой. Не трать зря время и не смей людей.

Последние дни Лия Борисовна много ходила по цеху, общалась с теми, с кем проработала десятки лет. Угощала дешёвенькими конфетами. Кто знает, может, больше никогда не удастся встретиться. Слесарь Алексей Кашеваров, известный на заводе как чемпион по вольной борьбе, хорошо знавший Валентина Караваева, долго расспрашивал о нём. Случайно выяснилось, что он был знаком и с Черниковым. Лия Борисовна сама не зная зачем, рассказала Кашеварову о приставаниях Артёма.

- Ты, Лия Борисовна, перед уходом домой загляни к нам на участок, вместе пойдём домой. Если что, так я с ним по-мужски поговорю.

Трудно сказать, на что рассчитывал Черников, но он опять поджидал Лию Борисовну. Не успел он раскрыть рот, как Алексей одной рукой схватил его за шиворот и, сильно встряхнув, повернул к себе лицом.

– О! Лёха. Ты чего? – произнёс испуганный Черников, узнав Кашеварова.

– Я-то ничего, а вот ты что пристаёшь к нашей Лии Борисовне? – раскатистым басом спросил Кашеваров.

– Так это, ну она ведь моя жена.

– Что?! – возмутился Алексей.

– Бывшая жена, – поправился Артём.

– Надо было раньше думать башкой, - поучал силач, - а сейчас знай, что ты и мизинца Валентина Караваева не стоишь. Таких правильных мужиков немного на свете, и запомни, если будешь ещё маячить перед Лией Борисовной, я тебя в порошок сотру. Понял?

Люди, знавшие заводского силача, стали останавливаться. Обескураженный Черников пытался что-то объяснить, но Алексей лёгким движением развернул его и, слегка поддав коленом под зад, сказал:

– А теперь дуй отсюда на своей «Ауди».

Вид Черникова был настолько жалок, что Лии Борисовне, которая стояла неподалёку, даже стало жалко его.

– Ну, всё, Лия Борисовна, он больше не будет вам досаждать. Можете жить спокойно.

20. БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Не сразу пришёл в себя бывший председатель передового колхоза. Он хотел какое-то время пожить в городе, но деревенскую избу надо было отапливать, чтоб в подполье не замёрзли овощи и картофель. Иван Трофимович по-соседски, конечно, не отказывался протопить печь, но ведь не будешь постоянно просить старого человека.

Наконец, Караваев вернул свои водительские права и мог в любое время ездить в деревню. Костя Чудинов помог Валентину Михайловичу заготовить и вывезти лес на конюшню. У самого Кости, так же как у Фоминых, стоял срубленный под крышу дом. Постепенно помогая друг другу, соседи строили своё жильё. Уход Караваева, конечно, очень огорчал их, но о своём переезде в деревню они не сожалели.

Долгие годы колхоз заготавливал лес и пилил тёс, как для своих нужд, так и на продажу. Новый председатель почему-то приостановил заготовку леса. Бригада лесорубов осталась без работы. Узнав об этом, Караваев пригласил их срубить конюшню.

Когда Лия Борисовна вышла на заслуженный отдых, они съездили на своей машине в село Абрамово и привезли месячную козочку и чуть постарше козлика. Несколько дней козлят держали дома в ящике, но скоро они стали выпрыгивать и бегать по всей избе, даже умудрялись запрыгивать на кровать. Клавдия Петровна предложила поселить озорников в маленькую загородку в их конюшне. В эту загородку она обычно отсаживала козлят от своей козы, а в этот год козлята должны появиться поздно.

Первые дни козлятам привозили молоко из Октябрьского, а через неделю-другую они уже охотно лопали жидкую овсяную кашу.

Старую конюшню мужики распилили на дрова, на её месте сложили новую, просторную. Хозяин ещё не знал, кто в ней будет жить, но для кур сразу сделал отдельное помещение с большим окном. Работать с деревом оказалось не менее интересно, чем с металлом. Целыми днями Караваев что-то тесал, пилил, строгал и приколачивал.

В прошлом году колхоз продал большое количество поросят. Когда бывший председатель решил приобрести пару поросят, то, к удивлению, узнал, что дела на ферме идут не лучшим образом. Почему-то сократилось количество свиноматок. Дважды в ночное время совершалось хищение поросят. На продажу отбирают только животных с какими-то дефектами. Конечно, другой бы лучше попросил и сумел бы купить без дефектов, но Караваев никогда ничего для себя не просил и взял, каких дали.

В сельсовете принимали заказы на цыплят, а гусей Валентин Михайлович решил вывести сам. По описанию в журнале он смастерил инкубатор и заложил в него пятнадцать яиц, которые дала ему соседка Клавдия Петровна.

Когда стаял снег и подсохла земля, Ваня Парапир привёз в Сосновку плуг и учил Караваева пахать. С каждым днём становилось всё теплей и теплей. Лия Борисовна в лёгком сарафане колдовала то над одной грядкой, то над другой. У Валентина Михайловича хватало разной плотницкой работы, но ему хотелось быть рядом с женой, и он то рыхлил, то поливал, то по шнурку выравнивал грядки. Ему было приятно вот так за работой вести неторопливый разговор, ведь последние годы они так редко были вместе. Днём солнце так жарило, что в огороде невозможно было работать. Пришлось вставать пораньше. Выносили приёмник, ловили радиостанцию «Маяк» и с удовольствием работали. По радио каждые полчаса сообщали новости и передавали музыку на все вкусы. Вдруг на радио случилось что-то непонятное. Через некоторое время сообщили, что власть в стране захватил ГКЧП, который признал Горбачёва недееспособным.

– Это противозаконно! – закричал Караваев, хотя многие действия Горбачёва не одобрял.

Страна оказалась на грани гражданской войны. Скоро ГКЧП действительно признали незаконным, а к власти пробился бывший в опале Ельцин, который с лёгкостью развалил Советский Союз. С развалом великого государства стало рушиться буквально всё. Вместо социализма провозгласили бандитский капитализм. В один миг не стало КПСС, но большинство партийных лидеров осталось у власти. В стране начался сплошной спекулятивный рынок. Цены стали бешено расти, а зарплата и пенсия стояли на месте. Чтоб как-то выжить, все пошли торговать: врачи, учителя, инженеры и, конечно, пенсионеры.

У Караваевых в хлеву хрюкали поросята, на лугу резвились козлята, в специальных домиках пищали цыплята и гусята. Если вырастут овощи и картофель, то зимой будет что есть. Но скоро отслужит Миша. Надо будет покупать какую-то одежду. Почти вся пенсия уходила на хлеб, сахар, масло и крупы. Подрастающей живности тоже надо было покупать корма. Взвесив всё, Караваевы решили, что надо что-то или кого-то выращивать на продажу. В конюшне можно было разместить ещё пару свиней, но где их приобрести? Вот если восстановить изгородь у пригона, то можно без особых затрат вырастить около десятка бычков.

Комната главных специалистов оказалась закрытой. Караваев зашёл в бухгалтерию, где находилась главный экономист. Женщины встретили бывшего председателя, как родного, повскакивали с мест и готовы были расцеловать.

– А где главный животновод? – поинтересовался Караваев.

– Да они с Анной Ивановной замаялись с телятницами, – ответили ему.

– А что случилось?

– За такую зарплату никто не хочет работать, – пояснила главный экономист. - Снова приняли Тамару, а она день работает да два гуляет. Доярки тоже прямо на работе пьют. Фомина, как проклятая, за всех отдувается.

– Ну, а Сухановский-то куда смотрит? – возмутился Караваев.

Бухгалтерия наполнилась продолжительным хохотом.

– Сбежал от нас шkodливый капитан Жора, – поведала главный экономист и помолчав, продолжила: - Как я пригрозила ему, что за Томкину дочь посажу, так на другой же день сбежал.

– Я же велел Тамаре написать заявление участковому, - вставил Валентин Михайлович.

– Да эту Тамару саму посадить мало. Дождалась, когда у девки пузо на нос полезло, и пришла ко мне жаловаться.

Аркадий Иванович, которому всё-таки пришлось сесть в председательское кресло, тоже очень обрадовался появлению Караваева и тут же стал советоваться с

ним, как спасти снова разваливающийся колхоз. Конечно, обстоятельства очень изменились, но многое зависело от самих людей. Продать телят колхоз не мог. Поголовье на фермах и так сокращалось. От плохого ухода телята дохли, как осенью мухи. Пришедшая главный животновод предложила заключить договор на откорм телят. Половина откормленных телят зимой сдаются в колхоз, а другая остаётся в качестве оплаты за труд.

– У вас они точно выживут и наберут хороший вес, – сказала животновод.

– Но в моей конюшне можно поместить не более двух телят, – сказал Караваев.

– А ты перетащи деревянный склад, – предложил Синицин, – который у сушилки стоит, его на дрова списали и стоять это будет совсем копейки.

С пилорамы привезли горбыль, и Караваевы два дня восстанавливали изгородь пригона. Потом привезли пять бычков и одну тёлочку. Грязные заморыши сразу набросились на сочную траву. Валентин Михайлович даже испугался, кабы они не объелись.

– Да их таких дохленьких, наверно, надо ещё молоком поить, – сказала Лия Борисовна, глядя на животных.

– Завтра поеду на ферму, выпрошу хоть флягу какого-нибудь молока, – пообещал муж.

Вечером телята собрались под черёмухой. Там меньше дул ветер и, видимо, малышам было не так страшно. На следующий день для телят привезли фураж и дополнительно флягу молока. По совету Анны Ивановны из дроблёного зерна для животных стали варить кашу, которую добавляли в поило телятам. Для варки каши и подогрева воды Валентин Михайлович на улице под навесом сложил специальную печь.

За пять дней мужики перетащили списанный склад и поставили на пустыре за огородом Караваевых. Отсюда до пригона рукой подать.

Теперь можно было спать спокойно. На ночь телят загоняли в убежище, поили вкусным и питательным пойлом и закрывали на замок.

Наступила сенокосная пора. Выросший в городе, Валентин Михайлович никак не мог овладеть искусством косаря. Его литовка то задирала нос кверху, то втыкалась в кочки, то просто путалась в густой высокой траве. Просить, как принято в деревне, за бутылку колхозных механизаторов ему было не к лицу. Его успокоил Иван Трофимович:

– Завтра мне будет косить Александр Степанович Летягин на своём топсике. Мы с ним давно дружбу водим. Думаю, что и тебе он не откажет.

Травы вокруг Сосновки было хоть завались. На заброшенных полях цвёл клевер и белели ромашки, а на косогорах ближе к речке желтел зверобой, цвела душица и множество других трав.

Летягин до выхода на пенсию работал механиком в колхозе. Потом где-то приобрёл маленький трактор Т-25, на котором и пахал, и косил, и возил, и даже ездил по лесным дорогам за грибами. Соседи, не дожидаясь услуг колхозных механизаторов, часто обращались к нему. Многим он помогал просто так, за спасибо.

Уже под вечер у дома Поляковых остановился маленький голубой трактор с поднятой кверху косилкой. Из кабины ловко выпрыгнул коренастый с тёмной, но сильно посеребрённой шевелюрой Летягин. Закурив, он присел на лежащее толстое бревно. Вышедший со двора, Иван Трофимович сел рядом с Летягиным и тоже закурил, хотя за последние годы не баловался этим делом. Караваев, услышав шум трактора, пошёл, чтоб договориться о покосе, но Летягин уже, опустив косилку, резво удалялся по клеверищу.

– Не волнуйся, – успокоил Иван Трофимович. – Я договорился. Он всё поле вон до тех кустов выкосит. Когда высохнет, возьмём лошадь и свозим под крышу. Телега у меня есть, в колхозе-то почти все приломаны. А на косогоре много кочек, он отказался

косить. Ты там помаленьку сам коси и каждый вечер давай своим бычкам подкормку. Днём им пауты не дают есть, так пусть ночью жуются и набирают вес.

Валентин Михайлович мучился, не зная, как расплачиваться с косарём. Его выручила Лия Борисовна. Хорошо упаковав две бутылки водки, которую продавали в городе по талонам, она прихватила баночку маринованных кабачков и направилась к Поляковым. Старички уже сидели за столом.

– А где хозяин? – спросил Летьягин.

– Да он телят загоняет, - схитрила Лия Борисовна. - Сейчас подойдёт. Он знает, что вы будете выпивать, а ему нельзя.

– Мне тоже нельзя, - признался Александр Степанович, - но со старыми друзьями за хорошим разговором рюмочку, другую позволяю себе пропустить.

Клавдия Петровна принесла тарелку.

- Вот закусывайте, кабачки собственного производства, - сказала Лия Борисовна, накладывая кабачки, - а это возьмите домой, вам за работу. Должна быть не палёная в магазине по талонам куплена.

– Что-то ты, по-моему, много тут упаковала, – сказал Летьягин.

– Всё нормально, у нас она так же без применения лежит.

– Ну спасибо. У моей бабки скоро день рождения, так будет что выпить, – согласился Александр Степанович.

– Ты, Борисовна, давай-ко с нами выпей рюмашку, – предложил Иван Трофимович. – Это своя, домашняя, очищенная, на местных травах настоянная. Одним словом не водка, а бальзам.

– Ну, если только с Клавдией Петровной, – согласилась Лия Борисовна.

Миша обещал демобилизоваться к самому сентябрю, но вдруг прямо ко двору Караваевых подъехала девятка.

Хозяева поспешили на шум машины. Перед ними предстал стройный, возмужавший, улыбающийся их сын.

– Младший сержант Караваев прибыл в ваше распоряжение! – отчеканил он, приложив руку к козырьку.

Из машины вышла Женя. Краваевы всё лето не видели её. Из худенькой, угловатой девчухи она превратилась в настоящую красавицу. Женя поравнялась с Мишей, и он обнял её за талию. Застывшие у ворот родители залюбовались прекрасной парой. Но вот Миша рванулся к ним.

– Здравствуйте, дорогие мои папа и мама! – выпалил он и принялся обнимать и целовать дорогих ему людей.

Лия Борисовна даже растерялась, ведь до этого никто никогда не называл её мамой.

Тем временем из машины вышли мужчина и женщина. Они подошли к Жене и с улыбкой наблюдали сцену встречи демобилизованного воина.

– Это Женины родители, – наконец объяснил Миша.

Как выяснилось, чтоб восстановиться в институт, Мише удалось демобилизоваться на неделю раньше. Зная о плохой связи в деревне, он не стал посылать телеграмму. Не застав родителей дома, он, конечно, пошёл к Жене. Пётр Иванович, так звали отца Жени, давно хотел заняться пчёлами и подыскивал место для пасеки. Узнав, что в Сосновке есть пустующий дом, обрадовался и охотно согласился подвести Мишу, чтобы всё выяснить на месте.

Караваевы по русскому обычаю прежде всего усадили гостей за стол и чем могли, накормили. Потом пошли осматривать хозяйство. Миша удивлялся, что его городские родители совсем стали селянами. По плотине перешли на другой берег пруда, где находился пустующий дом. Из-за зарослей крапивы и малины подойти к нему оказалось не так-то просто. Стёкла окон кое-где были разбиты. Тесовая крыша двора

провалилась, но изба, крытая замшелым шифером, сохранилась неплохо. Кругом были не кошеные луга и заброшенные поля. Место для пасеки было самое подходящее. Иван Трофимович Поляков сказал, что наследник умершего хозяина этой избы алкаш Вовка Пузырёв живёт в соседней деревне, до которой вёрст пятнадцать. Пузырёва нашли довольно быстро и легко договорились о покупке дома.

Прошёл год, за который многое изменилось. Вместо советской власти стала администрация поселения. Правда, главой администрации осталась всё та же Потапова. Колхоз полностью развалился.

Вместо него организовали сельскохозяйственный производственный кооператив, председателем которого выбрали Синицина Аркадия Ивановича. Рабочих в кооперативе осталось немного. Из-за низкой зарплаты многие разбежались. Костя Чудинов ушёл на хорошую зарплату к дорожникам. От свинофермы осталось меньше половины. По ночам, а иногда и даже днём разбирали и растаскивали корпуса. Фомины на своей усадьбе построили огромную конюшню и Люся, выйдя из колхоза, занялась разведением свиней, а её муж Николай, мастер на все руки, занял в кооперативе должность главного инженера. Летягин специально приехал в Сосновку, чтоб сообщить о растаскивании колхозной техники. Кооператив оставлял только три трактора и столько же автомашин. Остальное, чтоб не платить налоги, раздавали вместо зарплаты или продавали.

– Вы что тут спите?! – возмущался Летягин. – Ведь почти всё, что на ходу, разобрали. И кто хапает? Да те, кто сбежали из колхоза. А вы тут два заслуженных пенсионера ушами хлопаете.

– Какой я заслуженный, – оправдывался Караваев, – если только два года проработал.

– Зато вывёл колхоз на первое место, – продолжал Летягин. – Не важно, тебе или Ивану, но обязательно надо взять трактор. Сегодня я могу вам скосить или вспахать, а завтра кто знает, могу и в ящик сыграть. Кто тогда к вам придет? Завтра же оба идите к Фомину. Как угодно договаривайтесь, но чтоб у вас в Сосновке был трактор.

Хорошо, когда есть друзья. Иван Трофимович оформил на себя последний «Беларусь», который можно было восстановить. В Сосновку его приволокли на буксире. Потом почти две недели не отходили от него. Старый опыт Полякова и инженерная мысль Караваева вернули жизнь сельскому трудуге.

Содержать конный двор оказалось не рентабельно. Коней распродали, оставили только двух лошадок, которых держали на свиноферме. Больше всех расстроился Ваня Парапир. Учиться в сельхозакадемию он тоже не пошёл.

– Зачем учиться, если всё рушится, – решил страстный любитель коней и пошёл работать грузчиком в винный магазин «Ангор», в тот самый, откуда за воровство выгнали Ивана Дергачёва. Парапир считал, что ему повезло. В деревне его сверстники слонялись без работы. Летом, зарабатывая на продаже ягод и грибов, для поднятия духа глушили сомнительного качества спирт «Рояль». Некоторые собирали металлолом. Даже кое-где снимали электропровода. Люди стали бояться оставлять незапертыми избы.

Как-то Караваев уезжал на пару дней в город. Когда вернулся, Лия Борисовна пожаловалась, что насос не качает из пруда для поливки воду.

– Сейчас проверим, – сказал хозяин и пошёл на берег, где в деревянном ящике, обитом железом, стоял насос. Ящик был разломан, а насоса не было. Лия Борисовна слышала, как ночью сильно лаял соседский Шарик. Иван Трофимович сказал, что даже выходил на улицу, но ничего подозрительного не заметил, а трусливый Шарик, хоть и брехал, но дальше двух метров от хозяина не отходил. Заявлять в милицию было

бесполезно. Сколько раз с фермы поросят воровали, ни разу никого не нашли. Пришлось покупать новый насос.

– Ну, черти, поймаю, голову оторву! – грозился Караваев, примерно зная, кто мог спереть насос.

Количество телят в кооперативе сильно сократилось, и на откорм их больше не давали.

Караваевым с трудом удалось купить только одного поросёнка. Чтоб не пустовал пригон, приобрели полдюжины овец.

– Надо в нашей местности распространить породистых, много дающих молока коз, – решил Караваев.

За прудом вокруг огороженной усадьбы Аликиных свободно гуляли козы.

Больше всех выделялся белый с большими рогами козёл Мартик. Он почти не отходил от крупной, тоже белой, козы Марты, дающей молока в два раза больше, чем коза Поляковых. Судя по статье в газете, зааненская коза должна давать молока ещё больше, и Караваевы снова поехали в Абрамово и купили ещё двух маленьких козочек, но у других хозяев. Серая коза Поляковых уже с козлятами от Мартика тоже была принята в белую компанию. Теперь за прудом гуляло уже маленькое козлиное стадо. Иногда, донимаемые паутами, козы прибегали домой, но стоило на них прикрикнуть, тут же возвращались обратно за пруд.

У Аликиных с пчёлами пока не получалось. Для начала они купили только одну семью. Когда хозяев не было, она разроилась, и рой улетел. Ослабленная семья мёду дала мало, но, впервые попробовав свой мёд, хозяева загорелись пчеловодством. Постепенно облагораживая своё жилище, они перестали ночевать у Караваевых.

21. МЕСТНЫЙ ПОЭТ

Несмотря на то, что жизнь в селе, да и не только в селе, а во всей матушке России, приобрела какой-то дикий извращённый смысл, клуб в селе Октябрьском продолжал работать. Многие из тех, кто уехал на заработки, на выходные дни приезжали домой и чтоб пообщаться с земляками, шли в клуб. В клубе, как и прежде, проводились шумные дискотеки. Кроме этого, часто проходили интересные тематические вечера.

Альфред Бабич прижился в селе. Он как на работу ходил в клуб. Писал сценарии различных вечеров, сочинял частушки и тексты песен, участвовал в репетициях и даже сам пел. В районной газете стали печатать его стихи. В редакции он познакомился с другими поэтами. Его везде представляли как поэта из села Октябрьское. Чтоб как-то сохранить свои стихи, он на пенсию умудрился издать небольшую книжечку мизерным тиражом.

Бликие отношения у него наладились с учительницей русского языка Елизаветой Ивановной, которая не раз приглашала его в школу для выступления перед ребятами. Пять лет назад у Елизаветы Ивановны умер муж, и она никак не могла отойти от этого потрясения. Стихи Бабича заставили её по-новому взглянуть на жизнь. Альфред в свою очередь очень нуждался в грамотной критике своих стихов. После холостяцкой жизни в заброшенной избе Замараевых уютная квартирка Елизаветы Ивановны показалась ему раем. Скоро они стали жить вместе.

В связи с тем, что детей в селе стало мало, школу решили закрыть. Ребятишек стали возить на автобусе в соседнее Паутово. Большинство учителей остались без работы. Елизавета Ивановна два года не доработала до выхода на пенсию. Дочь увезла её в Подмосковьё. И Бабич, и Елизавета Ивановна только что воспряли духом, но у

дочери были свои веские причины. Требовалась хорошая нянька для маленького сына.

Караваев, проезжая мимо автобусной остановки, увидел Бабича с большим чемоданом.

– Далеко ли собрался, Альфред Сергеевич? – спросил он.

– Да вот, до города надо бы.

– Ну, так садись, - предложил Караваев. – Я как раз туда еду.

– Ну, спасибо, а то, видимо, что-то с автобусом случилось. Уже почти на час опаздывает.

Обычно общительный Бабич был не узнаваем. Караваеву было неудобно лезть в душу, но минут через пять напряжённого молчания он не выдержал и спросил, что случилось.

– Опять у меня всё рухнуло, Валентин Михайлович, – вздохнув, ответил Альфред и, помолчав, продолжил: - Я думал, началась новая жизнь, а тут бац, и всё насмарку.

Караваев внимательно посмотрел на рассказчика, но ничего не понял. Занятые своим хозяйством, они нечасто бывали в селе, и многие новости доходили до них с большим опозданием.

– Мы с Лизой, кажется, нашли друг друга, но оставшись без работы, она не смогла отказать дочери и уехала к ней в Подмоскovie нянчиться со внуком.

– Так она ведь, наверно, не насовсем уехала. Подрастёт внучек, и вернётся к тебе твоя Елизавета. А ты пока обустрой Замараевскую усадьбу. Ты ведь у нас на весь район гремишь, как местный поэт. Таких людей немного.

Неожиданно Бабич захохотал каким-то диким смехом.

– Дорогой Валентин Михайлович, - горестно сказал он, – такие люди никому не нужны.

Караваев опять не понял собеседника, а Бабич продолжал:

– Мне в издательстве советовали попросить денег в сельсовете или у СПК для издания сборника стихов. Я знал, что это бесполезно и издал книжку мизерным тиражом на свою пенсию. Кстати, я ведь вам не дарил. Вот, почитайте на досуге.

Он достал из барсетки маленькую книжицу и протянул Караваеву.

– Ну, спасибо, – поблагодарил Валентин Михайлович и положил подарок в грудной карман. – У меня Лия очень любит стихи.

– Вот ты бы, Михалыч, наверняка мне, хоть немного, но помог, а у них одни пустые слова.

– Что-то я, Альфред Сергеевич, сегодня тебя плохо понимаю.

– Да знаешь, те о ком я писал, кто с трибуны называли меня своим поэтом, пожалели для меня даже г...

Нет, они выписали мне навоз, но как дачнику, за тройную цену, а через месяц будут выбрасывать на пустырь бесплатно. Мы с Лизой хотели на усадьбе Замараевых картошку сажать. Костя срезал мне весь бурьян и кусты, но вместе с плодородным слоем. Я-то в этом ничего не понимаю, но мне посоветовали удобрить навозом. А навоз-то мне встал чуть не пол пенсии. Остался он. Так и лежит в кучах. Могут обратно забрать. Теперь мне ничего не надо. Без Лизоньки я тут всем чужой.

– Да ну, ты, по-моему, перехватил. У нас тут такая красота. Ловил бы рыбку, собирал грибы, ягоды, писал бы стихи.

– Знаешь, Михалыч,

Поэт без музыки – не поэт.

Кому он будет петь сонеты?

Когда в душе пожара нет,

Считай, что песни все отпеты.

Вот еду в город. Может, найду там какую-нибудь работу, а главное, надо решать вопрос с бывшей женой: разводиться и делить квартиру. А может, и нет. Она завалила меня письмами, просит простить. Мы ведь с ней двадцать лет душа в душу прожили. Я до сих пор её люблю.

– А как Елизавета?

– Лиза - совсем другое. Она как муза вдохновляла меня. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с ней, но говорят, хорошего понемножку. Скорей всего, мы больше никогда не встретимся с ней.

В деревне в одиночестве я, боюсь, не выдержу и начну пить. Тогда совсем конец.

За разговорами незаметно доехали до города. Чтоб не тащиться Бабичу с тяжёлым чемоданом, Караваев подвёз его до дому.

22. МУХТАР

Миша проходил практику на строительстве федеральной трассы.

Около одной деревни привязался к дорожникам молодой пёс. Рабочие называли его Мухтаром и, чем могли, подкармливали. Вечерами, когда в прокуренной избе мужики резались в домино, а частенько и выпивали, Миша на свежем воздухе занимался дрессировкой собаки. Когда-то Женя водила Мишу на площадку, где её подруга дрессировала свою овчарку. Миша кое-что запомнил и стал применять в общении с Мухтаром. Скоро за лакомство его подопечный охотно выполнял все команды. Крупный пёс легко преодолевал забор в человеческий рост и свободно ходил по бревну. Было не понятно, откуда взялась такая способная собака на строительстве трассы. После нескольких занятий по охране вещей Мухтар стал бросаться на незнакомых людей. Мужики из ближайшей деревни пообещали его пристрелить. Не дожидаясь трагического конца, Миша купил ошейник с поводком, намордник и увёз собаку к родителям.

– Вот вам хороший сторож, – сказал Миша, узнав о пропаже насоса.

Когда Миша уехал, Мухтар несколько дней не ел. Валентин Михайлович выгуливал его на поводке. Как-то шли по дорожке, на которой валялась какая-то палка. Валентин Михайлович поднял палку и швырнул подальше от дороги. Мухтар вырвал поводок, бросился за палкой и с радостью принёс её Караваеву.

– Какой ты молодец! – обрадовался новый дрессировщик, похлопывая собаку.

Он стал бросать палку во все стороны, а пёс быстро отыскивал её и усаживался к левой ноге. Когда пришли домой, Мухтар с жадностью поел, а Караваев поехал в сельскую библиотеку и попросил книжку по дрессировке служебных собак. Через неделю Мухтар свободно делал выборку вещей по заданному запаху и находил до десяти заранее разбросанных палочек, а команды «сидеть», «стоять», «лежать», «ко мне» он понимал, как человек.

В пруду подрастала рыба. Почти каждую неделю специальной небольшой сетью в месте кормёжки вылавливали свежую рыбу. Собирались, когда начнёт морозить, наловить рыбу для продажи.

Вовсю шла уборка овощей, когда к пруду подъехал иностранный джип. Караваев пошёл узнать, что за народ пожаловал к ним. Пока он подходил, приехавшие люди вытащили из машины сеть.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Караваев.

– Да немного рыбку половим, – ответил мужчина, разматывая сеть.

– А мы вам не разрешим, – спокойно сказал Валентин Михайлович.

– А мы вас и не спросим, – ответил мужчина и выпрямился.

Это был Ожгибесов. Несмотря на врождённую наглость, он растерялся, но скоро пришёл в себя и, усмехнувшись, сказал:

– Слушай, Караваев, шёл бы ты отсюда подальше.

– Это в райкоме вас научили грабить людей? – спросил Караваев. – Мы разводили, а вы будете ловить?

Из-за машины вышли ещё двое в камуфляжной форме.

– Не будь куркулём. Хватит и тебе, – сказал один из них.

– Я не куркуль, а хозяин этого пруда и прошу вас уезжать отсюда, – строго заявил Караваев.

– Да видали мы таких хозяев! – крикнул Ожгибесов и оттолкнул Валентина Михайловича.

В этот момент Мухтар, с лаем метавшийся по огороду, перемахнул через изгородь и в считанные секунды слёту сбил с ног Ожгибесова прямо в воду. Хозяину с трудом удалось поймать за ошейник разъярённого пса. Вдруг раздался выстрел. От дома Поляковых бежал Иван Трофимович, на ходу перезаряжая ружьё.

– Всех перестреляю! – хрипло кричал он.

Мухтар, возбуждённый выстрелом, рвался на непрошенных гостей.

– Быстро садитесь в машину и уматывайте! – закричал Караваев. – А то мне не удержать собаку!

Двое мужчин подхватили сеть и быстро вскочили в машину. Весь мокрый, выкрикивая угрозы вперемешку с матом, Ожгибесов последовал за ними. Машина фыркнула, лихо развернулась и, поднимая пыль, быстро исчезла.

– Как они пронюхали про нашу рыбу? – недоумевал Поляков и горделиво добавил: – А Мухтарко молодец. Сразу видно, что настоящая собака.

После затяжных дождей установилась золотая осень. Утром было довольно прохладно, а днём жарко, как летом, но сухая трава да неизбежно желтеющие деревья навевали торжественную грусть.

Отложив все дела, Караваевы решили проверить вырубку, где когда-то впервые в этих краях они собирали рыжики. Вкусные ядрёные грибочки только начали появляться и были очень мелки, и собирать их было довольно муторно. Проползав между мелких сосёнок часа два, Валентин Михайлович не выдержал и пошёл по опушкам собирать обабки. Быстро наполнив корзины, он с трудом уговорил упёртую Лию Борисовну пойти домой.

Через несколько дней мимо Сосновки потянулись толпы грибников. Поехали на машинах, мотоциклах и даже на тракторах. Караваевы тоже ещё не раз ходили на эту увлекательную тихую охоту. Один раз, когда они уже подходили к дому с полными корзинками, их догнала Тамара Чикилева.

– Как тут у вас хорошо! – сказала она.

– Хорошо везде, если руки приложить, – сухо ответил Караваев и, подумав, спросил: – А как поживает твоя дочь?

– А чо, сделала меня бабушкой. Ума нет, дак свой ведь не дашь.

– Да, конечно, – согласился Караваев, добавив: – Если своего тоже немного.

– Внучек родился. Такой сорванец! – продолжала Тамара.

– Ну, а папаша как-то помогает?

– Нет. Как сбежал, так больше носа не показывает.

– Вот прохвост. Я же велел тебе написать заявление участковому.

– Говорят, он сам нынче каким-то начальником робит, ну там, где шоферов-то штрафуют.

– А, в ГАИ. Это ему подходит, – заключил Караваев. – А сама-то работаешь?

– На ферму не берут, а мы теперь на Ваську пособие получаем, да вот грибы продаю. А всё-таки хорошо тут у вас.

– Слушай, Тамара, я вот глазами готов горы своротить, но сердчишко не позволяет. Хозяйка моя, хоть и расторопная, но многое не успевает. Ты, давай, если доживём до весны, приходи. Много не обещаю, но на хлеб и чай заработаешь, конечно, если будешь трезвой.

К зиме на строительстве федеральной трассы из-за финансирования сократились работы. Многих уволили, а Михаилу предложили должность бригадира. Он согласился и в институте перешёл на заочное обучение. Узнав об этом, отец очень возмутился.

– Ты что, папа, хочешь, чтоб я, получив диплом, пошёл торговать в ларёк? – спросил Миша, спокойно выслушав отца.

– Какой ещё ларёк? – не понял отец.

– Разве ты не знаешь, что сейчас очень сложно устроиться по специальности? Если я зиму проработаю бригадиром, то после защиты диплома меня могут поставить мастером. А работая вахтовым методом, я буду иметь время для учёбы и какой-то помощи вам. Я же не бросаю институт.

После таких убедительных доводов Караваев старший вынужден был смириться.

23. ЗАПАХ ХЛЕБА

В деревне стали появляться скупщики земельных паёв. Бывшие колхозники даже не знали, где эти пай находятся. В городе люди не знали, что делать с пресловутыми ваучерами. Лия Борисовна продала свой валчер на базаре и на эти деньги купили мешок сахара. В Октябрьском любители выпить продавали свои пай совсем за бесценок. У Караваева было своё трепетное отношение к земле, и он добился, чтоб ему отвели его пай буквально рядом с его усадьбой. У Поляковых было два пая и они, глядя на соседа, тоже оформили их. Весной распахали отдохнувшее поле и засеяли пшеницей.

Когда заколосилась золотистая пшеница, Караваевы часто прямо из окна любовались своим полем.

– Кто это там далеко вышагивает по тропинке вдоль нашего поля? – сказал Валентин Михайлович, присев вечером у окна. – Без очков что-то не пойму.

– Да это же наши Миша с Женей идут, – определила Лия Борисовна и заспешила на улицу.

Когда молодые подошли к дому, обрадованные старшие уже стояли у ворот.

– Дорогие мама и папа! – громко начал Миша. – Мы специально приехали к вам сообщить, что мы с Женей решили пожениться.

– Ну что ж, как говорится, совет да любовь, – ответил растерявшийся отец.

– Послезавтра мы идём в загс подавать заявление, но как-то без вашего благословения, наверно, неправильно.

– Ваша любовь испытана и временем, и расстоянием, – добавила Лия Борисовна. – Будем надеяться, что вы сохраните её на всю жизнь. Мы с отцом, конечно, с радостью благословляем вас.

После ужина Женя стала помогать Лии Борисовне мыть посуду, а мужчины отправились спать на сеновал. Пахло свежим сеном. Где-то за прудом ухал филин.

– Пап, может, хватит вам возиться с навозом? – неожиданно сказал Миша.

– Что ты имеешь в виду? – переспросил отец.

– Хватит уж вам горбатиться в этой дыре.

– Тебе что, разонравилась наша деревня?

– Да нет. Просто вам пора уже отдохнуть. У меня ведь будет приличная зарплата, и вы сможете жить в городской квартире, а мы с Женей переедем в мамину.

– Так, так, милый сын. Это ты сам придумал, или с кем-то?

– Скажу честно, это мнение наше с Женей.

– Я так и думал, но Караваевы должны всегда иметь своё взвешенное твёрдое мнение.

– Да я, да мы...

– Ладно, ладно. Я против Жени ничего не имею. Лию Борисовну я тоже уважаю и терпеливо выслушиваю, но последнее слово всегда бывает за мной.

– А если ты не прав?

– Если хорошо думать, то всегда будешь прав. Вот давай разберёмся. Ты говоришь, что у тебя будет приличная зарплата.

– Да, с нового месяца переводят мастером.

– Нам восемьдесят лет обещали коммунизм, при котором жизнь будет прекрасной и удивительной. Добросовестно проработав всю жизнь на свою зарплату, я смог купить только старенький «Москвич». Так что приличная зарплата – понятие относительное. Вот будешь получать, тогда и посмотрим, хотя лишних денег не бывает.

Теперь о другом. Совсем недавно ты восхищался окружающей нас природой, и тебе нравилось наше ухоженное хозяйство. Вот встань завтра пораньше, выйди в поле или к пруду и ты поймёшь, что это не дыра, а настоящий курорт. Ведь наш воздух можно с чаем пить.

– Да. Место здесь действительно очень красивое, но ведь можно ездить сюда только как на дачу.

– Вот лиши меня сейчас пенсии, что я смогу сделать в городе? Пойти в переход с протянутой рукой. А здесь в Сосновке я спокойно выживу. Картошка и овощи у нас есть, мясо есть, молоко есть. Кое-что даже продаём. Мы ведь недавно сепаратор купили, так что теперь у нас есть и сметана, и даже масло. Видел, какая у нас пшеница колосится? Осенью будем свой хлеб печь. Ты когда-нибудь пробовал настоящий деревенский хлеб?

– А чем он отличается?

– Это трудно объяснить. Завтра я попрошу у Клавдии Петровны, она давно уже сама печёт хлеб. Вот когда будем совсем старыми, не сможем дрова, воду носить, в туалет на улицу бегать, тогда и переедем в однокомнатную квартиру.

– А мы с Женей хотели отказать квартирантам и собрались сами перебраться туда.

– Вы зачем женитесь-то?

– Так мы же любим друг друга.

– А ты что, не знаешь, что от любви появляются дети?

Миша по-детски хихикнул, а отец продолжал:

– Иногда их бывает много. Где же вы их разместите в однокомнатной квартире? Озадаченный сын молчал.

– В общем, давай не мудри, - снова заговорил Валентин Михайлович, – а обустройте большую квартиру в своём вкусе, только ничего не выкидывайте. Что покажется лишним, везите к нам в деревню. А я в городе со скуки помру. Пока ещё можем копать в земле, будем жить здесь. Если б не сердце, я бы тут так развернулся, что стал бы самым успешным фермером. Ведь при желании можно прибрать к рукам всё полуразвалившееся хозяйство.

– А алкашей-то куда дел бы?

– Не все же тут пьяницы. Мы недавно с этими людьми заняли первое место по району. При советской власти их развращали постоянными дотациями и бездарными руководителями. При этой разрухе одни почувствовали свободу, другие растерялись, третьи стали грести под себя. Вытесняются из жизни такие понятия, как порядочность, честность, благородство. Дальше будет ещё хуже. Наши средства информации совсем утратили свою воспитательную роль. На радио забыли, что такое патриотическая или

хорошая лирическая песня. Звучит одна попса. Вместо грамотных дикторов тараторят какие-то трепачи. Детей лишили детских передач с увлекательными радиопостановками. На телевидении гонят одни мыльные оперы. Даже у детей отняли добрые красивые поучительные мультики. Вместо них показывают иностранные страшилки и дурацких телепузиков. Ликвидировали пионерию, комсомол, а взамен ничего не дали. Это я бы назвал идеологической диверсией.

– Ну, папа, ты хватил.

– А что, разве я не прав? До сих пор не могут сформулировать национальную идею России. Разве это не безобразия?

Миша думал, что его родители, живя в такой глуши, стали отсталыми деревенскими обывателями, а тут такое услышал, что и возразить нечем.

– Ты, папа, со своим здоровьем очень-то не рискуй, – помолчав, сказал сын.

– Да я так, потихоньку, – ответил отец. – Вот освоит Пётр Иванович пчеловодство, и я пойду к нему в ученики. Говорят, это дело очень интересное и даже доходное. А ты приезжай просто так отдохнуть, половить рыбку, сходить за грибами, покататься на лыжах. Хотя всё меняется. Сегодня работа есть, завтра может не быть. Всё стало ненадёжным. Но если что, у тебя есть усадьба плюс восемь гектаров земли. Матушка земля всегда кормила тех, кто не ленится. Это своего рода надёжная опора, за счёт которой можно выжить в любое время. Цена на землю будет расти с каждым годом. Даже если не будет нас, ты эту опору не продавай.

– Как у вас хорошо спится, – сказала Женя, проснувшись в десятом часу. – Такая тишина, не то, что в городе.

– Да, особенно если ещё наработаешься, – поддержала Лия Борисовна. – Петух только орёт как огалтелый. Я уж двери закрыла.

– Да я, хоть и не работала, сплю, как сурок и ничего не слышу. А вам, Лия Борисовна, наверно, хватит уже выматываться.

В избу вошёл возбуждённый Миша.

– Правильно я говорю? – спросила Женя у него и повторила только что сказанное.

Миша не сразу нашёлся что ответить, но, помолчав, выдал совсем неожиданное для Жени:

– Умеренные нагрузки на свежем чистом воздухе среди прекрасной природы приносят пользу здоровью человека больше, чем куча таблеток.

– Ты какой институт окончил? – спросила удивлённая Женя.

– Политехнический, – ответил Миша.

– А рассуждаешь, как декан кафедры курортологии.

– Так я - он и есть, по совместительству, – пошутил Миша.

Лия Борисовна засмеялась и вышла из избы по каким-то делам.

– Ты что, забыл, о чём мы вчера договаривались? – зашептала Женя.

– Знаешь, Женечка, я сегодня проводил коз на пастбище, покормил в пруду карпов, умылся родниковой водой и многое понял.

– Что ты понял?

– Понял, что пожилые люди не могут жить без работы, и не надо им мешать, а наоборот, по возможности помогать. Папа не приходил ещё?

– Нет, не видела. Я только недавно проснулась.

– Пойду, помогу, он, наверно, у индюков чистит.

После завтрака Миша не отставал от отца и, что бы он ни делал, старался помочь. Женя с Лией Борисовной колдовали над грядками. Когда перед отъездом ребят сели за стол, соседка принесла завернутый в салфетку деревенский хлеб.

– Вот, угощайтесь, деревенским ярушником, – сказала она, снимая салфетку.

– Клавдия Петровна, что ж вы целый каравай принесли, – удивился Валентин Михайлович. – Я ж только краюшку на пробу просил.

– Краюшки только нищим подают, - объяснила соседка. - Давайте кушайте на здоровье. Правда покупная мука, хоть и высший сорт, всё равно не то, что своя. Вот осенью будем настоящие деревенские ярушники печь.

– Клавдия Петровна, садитесь с нами обедать, – предложила Лия Борисовна.

– Спасибо, Лиюшка, мы с дедом только что отобедали.

– Пап, так это каравай или ярушник? – спросил Миша.

Этот вопрос вызвал общий смех. Успокоившись, Валентин Михайлович стал объяснять:

– Когда приходим мы в магазин, то обычно просим продать буханку чёрного или буханку белого, совсем не интересуясь, что в него напихано. Пока не придумали формованный хлеб, пекли каравай и чёрные, и белые. Сельский житель хорошо знает, что чёрный – это ржаной хлеб, испечённый из ржаной муки. Рожь – культура озимая, которую сеют с осени. Настоящий белый хлеб печётся из хорошей пшеничной муки. Пшеница культура яровая, поэтому пшеничные караваи называют ярушниками. Правильно я говорю, Клавдия Петровна?

– Ну, раньше, говорят, ярушники пекли из ярового ячменя, а сейчас ячмень-то в основном на крупу идёт да на корм скоту. Пшеница тоже яровая, поэтому мы и пшеничные караваи называем ярушниками. Да вы ешьте, ешьте хлеб-от.

Лия Борисовна взяла каравай и, прижимая к груди, стала резать.

– По-нашенски режешь, – заметила Клавдия Петровна.

– У вас, наверно, научилась, – объяснила хозяйка.

Миша, взяв лопот, понюхал его, откусил, пожевал и, закрыв глаза, признательно произнёс:

– Какая вкуснятина!

Глядя на Мишу, попробовала хлеб и Женя, а когда стала пить молоко с деревенским хлебом, то призналась, что ничего вкусней раньше не едала.

– А я первый раз попробовал деревенский хлеб, когда меня самого молодого с термического участка послали на помощь колхозу. Тогда я и узнал, откуда происходит наша фамилия.

Слушай, пап, - сказал Миша, - как это в тебе уживаются техническое образование и крестьянская натура?

– Так, если разобраться, Мишенька, мы все вышли из крестьян, только одни стесняются этого и напрочь обрезают свои корни. Я много лет добросовестно проработал на заводе. Там, конечно, не всегда удавалось видеть плоды своего труда, зато здесь совсем другое дело. Стоит взглянуть в окно, и душа радуется.

– Ладно, убедил, – сказал Миша, вставая из-за стола и, улыбаясь, добавил: - Будем к вам внуков возить, думаю, что плохому их не научите.

Женя подошла к окну, к которому сидела спиной.

– А знаете, что я заметила? - сказала она, внимательно глядя в окно. – Когда-то мы с родителями ездили на юг к морю. Там очень красиво, но вот этот лаконичный пейзаж с наливающимися колосьями и одинокой елью намного больше трогают душу. Ну, а запах деревенского хлеба я, наверно, запомню на всю жизнь.

21.11.11г.